

*Кровь. Порох. Лавры.
Войны России в эпоху барокко
(1700–1762)*

Выпуск Второй

Военно-исторический музей артиллерии,
инженерных войск и войск связи
Государственный музей-заповедник «Ораниенбаум»

*Кровь. Порох. Лавры.
Войны России в эпоху барокко
(1700—1762)*

Сборник материалов
Всероссийской научной конференции
Выпуск второй

Санкт-Петербург
2002

На обложке: Г.Ф. Шмидт. Портрет императрицы Елизаветы Петровны. 1761 г.
С живописного оригинала Л. Токке. 1758 г.

На титульном листе: медаль в память командования Петром I объединенными флотами
– русским, английским, датским и голландским. 1716 г.

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Организационный комитет: В.М. Крылов (председатель), В.И. Грибанов (сопредседатель),
С.В. Ефимов (зам. председателя), И.А. Таубин,
С.В. Успенская, С.А. Лазарев, Г.Г. Исаев (секретарь)

Редакционная коллегия: В.М. Крылов (председатель), С.А. Лазарев (отв. секретарь),
С.В. Ефимов (отв. редактор), Ю.В. Утянский,
И.А. Таубин, С.В. Успенская, А.П. Беленькая (редактор)

ВОЙНА ЗА «ПОЛЬСКОЕ НАСЛЕДСТВО» И ОБРАЗОВАНИЕ «РУССКОЙ» ПАРТИИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Проблема влияния событий войны за «польское наследство» 1733–1735 гг. на появление в Великом Княжестве Литовском (далее – ВКЛ) «русской» партии до сих пор не получила в исторической науке должного освещения. И это при том, что образование и дальнейшие действия этой партии оказали впоследствии значительное влияние на историю Речи Посполитой (в дальнейшем – РП) и, определенным образом, – всей Восточной и Центральной Европы.

После завершения Северной войны 1700–1721 гг. Россия все больше и больше стала вмешиваться во внутренние дела РП. Однако смерть Петра I, последовавшие династические проблемы и внутривосточная борьба между аристократическими группировками в России несколько уменьшили зависимость РП от своей восточной соседки.

Кроме того, уменьшение внимания царского двора к РП из-за внутренних проблем привело к тому, что некоторые представители магнатории и шляхты ВКЛ, не порывая сотрудничества с Россией, начали активно контактировать и с представителями других государств. Так, на гродненском сейме 1729 г. бобруйский староста Я. Сапега вместе с руководителями протаниславовской группировки магнатов и шляхты ВКЛ и одновременно сторонниками России К. Урбановичем и Б. Гонсевским обещали французскому послу Монти убедить российского канцлера А. Остермана в поддержке дестронизации Августа II и провозглашении королем С. Лещинского¹.

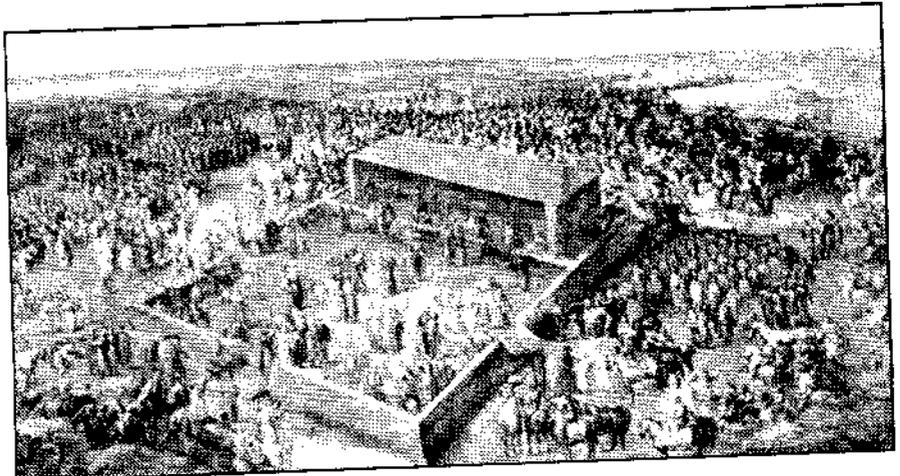
В 1732 г. именно депутаты из ВКЛ стали инициаторами срыва экстраординарного сейма РП по просьбе французского посла. Правда, одновременно большую сумму денег на срыв сейма потратил и российский посол Ф. Левенвольд. Интересно, что свои деньги он давал тем же самым представителям шляхты и магнатов ВКЛ, что и французский посол: старосте мерецкому А.К. Сапеге, Б. Гонсевскому, витебскому воеводе М. Огинскому, А. Рудомине².

Сложилась интереснейшая ситуация в ВКЛ, когда магнаты и шляхта одновременно представляли пророссийскую и профранцузскую партии. Такая ситуация могла продолжаться только до того момента, пока интересы России и Франции в РП не очень различались и заключались в противодействии абсолютистским устремлениям Августа II в РП.

В самой РП в это время обострилась внутривосточная борьба между различными группировками магнатов и шляхты. Целью этой борьбы было занятие высших государственных должностей представителями придворной партии Чарторыйских или оппозиционной партии Потоцких. Король Август II желал заполнить свободные вакансии представителями Фамилии (название магнатской группировки Чарторыйских и Понятовских). По закону это можно было сделать только на сейме РП после выбора его маршалка, поэтому Потоцкие через своих шляхетских клиентов срывали сеймы до избрания маршалка.

Внутри ВКЛ также происходила борьба между магнатскими родами Сапег и Радзивиллов за «нейбургское наследство» (владения дочери конюшего ВКЛ Радзивилла, которые в середине XVII в. в связи с ее замужеством попали в руки князей Нейбургских). В 1731 г. Сапегы предприняли попытку силой оружия занять владения «нейбургского» наследства³.

Российское правительство вообще не интересовало вопрос о «нейбургских» владениях. Возможно, оно не считало Сапег и Радзивиллов силой, способной обеспечить интересы России в ВКЛ. Так, в реляции 1731 г. российский посол Ф. Левенвольд называл только Я.Ф. Сапегу единственным из рода Сапег, кто имеет большое влияние в ВКЛ⁴. И это при том, что другой пред-

Избрание Августа III польским королем в Праге – пригороде Варшавы

ставитель этого рода, подляшский воевода М.Ю. Сапега в 1730 г. считался одним из основных претендентов на получение должности польного гетмана ВКЛ⁵.

Куда больше внимания уделялось событиям, которые имели отношение ко всей РП. Россия, придерживаясь союзнических отношений с Австрией, пыталась вместе с последней не дать усилиться королевской власти в РП путем установления саксонской династии. Для исполнения этой цели Россия, Австрия и Пруссия, еще одна соучастница РП, собирались содействовать избранию на престол РП после смерти Августа II не саксонского принца и не кандидата, враждебного этим трем странам (в первую очередь, имелся в виду профранцузский кандидат С. Лешинский). Для исполнения этой цели Россия, Австрия и Пруссия заключили в 1732 г. так называемый «договор трех черных орлов», согласно которому обязывались быть гарантами сохранения государственного устройства РП и определяли кандидатом к ее трону после смерти Августа II португальского принца Эммануэля.

Незадолго до этого оппозиции удалось сорвать экстраординарный сейм РП 1732 г. И это несмотря на то, что подканцлер ВКЛ М. Чарторыйский через своих шляхетских клиентов и при помощи конюшего ВКЛ М.К. Радзивилла и его шляхетских сторонников на посольских сеймиках ВКЛ содействовал избранию лояльных королю кандидатов, а если это не удавалось, то срывал сеймики⁶. Экстраординарный сейм РП 1732 г. сорвали (протестацией послы именно из ВКЛ: А. Рудомиша из Браславского повета, Я. Гурко и М. Огицкий из Витебского повета, М.А. Сапега из Смоленского⁷. Получилось так, что решающее слово в срыве сейма сказали шляхта и магнаты ВКЛ. Сделано это было за деньги Франции и России.

В ситуации срыва экстраординарного сейма 1732 г. Август II для усиления позиций своих сторонников в РП объявил о созыве на следующий год еще одного такого сейма. Отношение к этому в ВКЛ было различное. Радзивиллы и Сапеги, примирившись между собой по вопросу «нейбургских» владений, выступили против Августа II и его идеи созыва нового экстраординарного сейма⁸. И это при том, что руководителем рода Радзивиллов конюший ВКЛ Михаил Казимир в 1729–1733 гг. четырежды выбирался послом на сейм РП от воеводства: Волынского, Мазовецкого, Черниговского и снова Волынского, сотрудничая при этом с Чарторыйскими⁹. Скорее всего, это выступление против сейма было связано с неверием Радзивиллов и Сапег в возможность того, что королевской власти и Фамиллии удастся провести избрание маршалка до

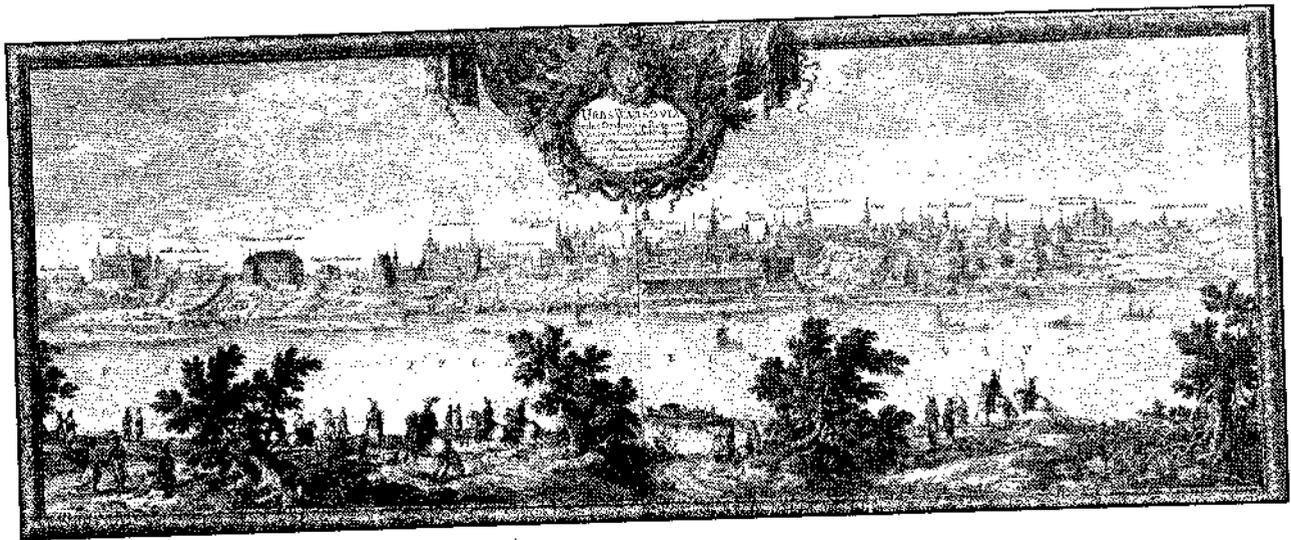
Польский король Август III

срыва сейма. Однако очень скоро их позиция, а с ней и ситуация в ВКЛ, изменились под воздействием событий, произошедших в Короне Польской (далее – КП).

В период между сеймами экстраординарными 1732 и 1733 гг. Фамиллии удалось еще более усилиться. Присоединились к ней люблинский воевода А. Тарло, бискуп ипомский А. Залуский, каштелян черский К. Рудянский и С. Конарский¹⁰. Более того, на посольских сеймиках в Короне в большинстве воеводств высказались за заполнение королем вакансий государственных должностей, даже если сейм будет сорван¹¹. Все эти события заставили Сапег стать союзниками Чарторыйских¹². Снова стал действовать с ними вместе в политической борьбе и М.К. Радзивилл¹³.

Тем более резонировали с коронными результатами и были неожиданными итоги, которые принесли посольские сеймики в ВКЛ. Почти все они завершились нужными для оппозиции решениями, и депутатами были выбраны в своем большинстве шляхтичи, которые должны были сорвать сейм РП¹⁴. Из этого можно сделать вывод, что французский и российский послы сделали правильный вывод о внутривнутриполитической ситуации в ВКЛ. Они очень точно заметили, что ни Сапег, ни Радзивиллы не имеют сильного влияния на шляхту ВКЛ.

Таким образом, российский и французский послы не были заинтересованы в поддержке какого-либо магнатского рода. Они поддерживали наиболее популярных и влиятельных среди шляхты в ВКЛ вельмож. Те, в свою очередь, преследовали свои собственные цели, и поэтому не могло быть и речи об образовании какой-либо «французской», «русской» или еще какой-то иной партии. Кстати, такая разнородность группировок, ориентирующихся в своих действиях на политику того или иного государства, и сделала возможной зависимость одних и тех же магнатов и шляхты одновременно от Франции и России. К тому же содействовала этому и борьба в российском правительстве в 1732–1733 гг. между фельдмаршалом Б.-Х. Минихом, который выступал за союз с Францией, и канцлером А. Остерманом, который выступал за союз с Австрией. Именно эта борьба в российском правитель-

Вид Варшавы. Гравюра Г. Перелля. 1756 г.

стве во многом дезориентировала некоторых магнатов и шляхтичей ВКЛ и содействовала их контактам с французским послом маркизом Монти.

Как и предполагалось, именно послы из ВКЛ стали инициаторами срыва экстраординарного сейма РП 1733 г. Два посла из Браславского повета: Подробский и Огинский, сын витебского воеводы, выступили с протестацией, как только Ю. Ожаровский открыл сейм. Поддержал их и еще один депутат из ВКЛ – Я. Гурко¹⁵. Однако Фамили, опирающейся на депутатов из КП, удалось избежать срыва сейма и выбрать Ю. Ожаровского маршалком. В этот момент пришло известие о смерти Августа II и сейм был распущен.

Франция имела явную программу по объединению шляхты и магнатов РП вокруг кандидатуры «пяста» С. Лещинского. Россия вместе со своей союзницей Австрией выбрала иной путь. Она не могла позволить, чтобы королем РП был избран С. Лещинский, и поэтому российские войска в августе 1733 г. вошли в границы РП. Вскоре появились и сторонники российского вмешательства в выборы короля РП. Ими к российскому двору была написана декларация с призывом защитить вольное избрание короля в РП от французских сторонников. Причем в ней не исключалось избрание королем как «пяста», так и чужестранца. Этими сторонниками, с большой долей вероятности, были: великий коронный маршалок Ю. Мнишек, епископ краковский Я. Липский, маршалок литовский П. Сангушко, коронный хорунжий К. Браницкий, Любомирские, Радзивиллы, Сапеги, Шембеки и некоторые другие¹⁶. Многие из них еще надеялись быть избранными самим при поддержке российских войск, иные рассчитывали на избрание саксонского курфюрста. Именно последний вариант и поддержало российское правительство, так как «из польской и литовской знати не было никого, кого бы можно было предложить в короли, притом все паны жили врознь и согласить их действовать в пользу одного из них не было никакой возможности»¹⁷.

Тем временем 25 августа начался сейм, а уже 29 числа региментарий литовский князь М. Вишневецкий перешел со своими приверженцами в числе около 3000 человек на правый берег Вислы в предместье Варшавы, Прагу, за ним последовал краковский воевода князь Т. Любомирский¹⁸. Непосредственной причиной к уходу с элекционного поля, где собирались выборщики, первого было обвинение его сторонником С. Лещинского, каштеляном иновроцлавским Спешинским, в бездействии против вошедших в границы РП российских войск. Мало того, Спешинский потребовал от региментария ВКЛ М. Вишневецкого сдать руководство над войском ВКЛ¹⁹. Это требование стало результатом слухов, ходивших в РП о том, что российский генерал Ласси имел от императрицы Анны приказ: если встретит какую-нибудь оппозицию в ВКЛ, дальше не маршировать²⁰.

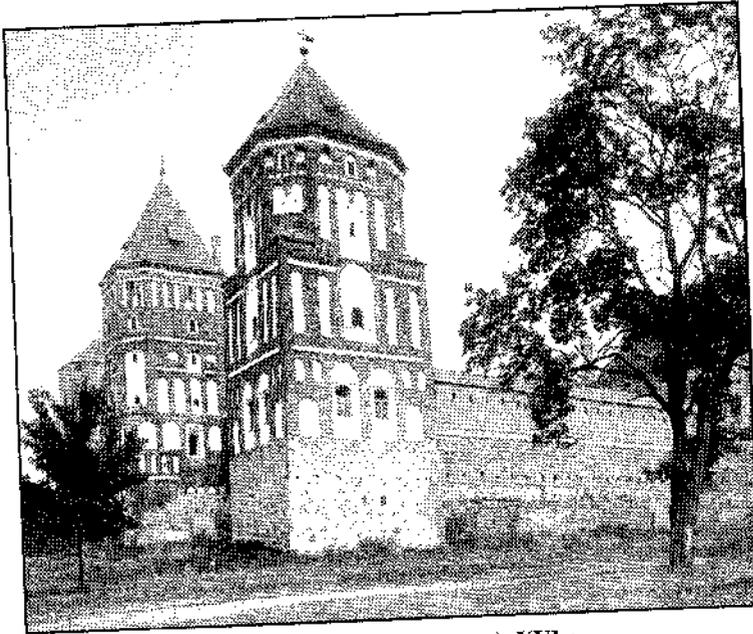
А возможность вооруженного выступления в ВКЛ против российских войск не исключалась. Ведь среди подписавших присягу о избрании «пяста» 22 мая 1733 г. на сеймовой сессии был и М. Радзивилл²¹. Кроме того, в феврале 1733 г. в Боцках на Родовом совете Сапег было принято решение поддержать С. Лещинского²². Единственным из рода, кто отказался это сделать, был подляшский воевода М. Ю. Сапега, поддержавший кандидатуру саксонского курфюрста Августа²³. Против российских войск были настроены и сторонники Чарторыйских.

Однако вступление российских войск в границы ВКЛ изменило позицию многих магнатов и шляхтичей. П. Сангушко и М. Вишневецкий полностью поддержали вмешательство России. Вскоре М. К. Радзивилл под воздействием родни перешел на сторону саксонского кандидата. Другой из этого рода, новогрудский воевода М. Ф. Радзивилл вместе со шляхтой этого воеводства вынудил на элекционном сейме Ю. Ф. Сапегу отказаться от депутатства от Новогрудского воеводства под угрозой протестации против его избрания²⁴. Сапеги уже не смотрелись таким монолитом, как в момент принятия почти единогласно решения в Боцках. Еще в 1733 г. перед конвокационным сеймом произошел раскол между Сапегами. Я. Ф. Сапега отказался поддержать Ю. Ф. Сапегу в его стремлении

занять должность гетмана польного ВКЛ, так как тогда сам бы не смог, согласно постановлению сейма РП 1699 г., запрещающему занимать одновременно должности гетмана и канцлера, претендовать на канцлерство²⁵. А писарь польный ВКЛ К.Ю. Сапега, например, подписал вместе со всем Брестским воеводством, депутатом от которого являлся, элекцию С. Лещинского, но вскоре перешел на сторону Августа III²⁶. Таким образом, получается, что при приближении российских войск магнаты и шляхта ВКЛ не только не оказывали им сопротивления, но и часто переходили на сторону поддерживаемого Россией саксонского курфюрста Августа.

Как видно, со вступлением российских войск в границы РП большинство магнатов и шляхты ВКЛ перешло на их сторону. Такая ситуация сохранялась на протяжении всего периода боевых действий российских войск с конфедератами, объединившимися в защиту избрания С. Лещинского. Одни делали это под принуждением, другие из своих собственных интересов. Однако понятно, что эта партия существовала в таком многочисленном составе только до тех пор, пока российские войска находились в границах ВКЛ.

Понимали это и в России. Царский двор был научен горьким опытом, когда не смог оказать реального противодействия протаниславовской французской партии. Именно поэтому была разработана новая концепция про-русской партии, которая, по меткому замечанию историка С. Соловьева, получила наименование «русской». Российский посланник Г. Кейзерлинг стремился примирить все враждующие партии, итогом чего стало созда-

Замок в Мире (Белоруссия). XVI в.

ние «из влиятельных людей прежних партий без различия одной большой русской партии, которая бы обеспечивала спокойствие России со стороны Речи Посполитой». Основу русской партии в конце 1734 г. составляли Понятовский и Чарторыйские²⁷. Основание партии стоит отнести к концу 1734 г., когда С. Понятовский признал Августа III королем РП²⁸. Первые контакты между Россией и Фамелией по созданию «русской» партии относятся к периоду взятия российскими войсками Гданьска. Известный польский историк К. Кантецкий заметил, что, захватив Гданьск, россияне отнесли к С. Понятовскому и А. Залускому (А. Чарторыйский был болен) значительно лучше, нежели к остальным сдавшимся магнатам и шляхте²⁹. Это сближение позиций России и Фамелии нельзя отнести к более раннему периоду, так как известно, что до 1734 г. руководители Фамелии придерживались явно анти-русской ориентации³⁰.

Причина, побудившая С. Понятовского и А. Чарторыйского возглавить «русскую» партию, по мнению К. Кантецкого, заключалась в следующем утверждении: «если Речь Посполитая не в состоянии противостоять России, то следует ей покориться и пробовать, не удастся ли в сотрудничестве с ней достигнуть чего-нибудь позитивного для Речи Посполитой»³¹.

По плану российского правительства «русская» партия должна была противостоять усилению короля Августа III и придворной партии в РП. Первый, по желанию своего фаворита Ю.А. Сулковского, хотел раздать почти все свободные в РП должности и староства сторонникам Потоцких, Вишневецких и Я. Липского. Безусловно, это и стало основной причиной при стремлении Г. Кейзерлинга усилить «русскую» партию³².

В первую очередь в усилении нуждалась «русская» партия в ВКЛ, которая должна была противостоять придворной, состоящей из Радзивиллов, М. Вишневецкого и Я.Ф. Сапеги. Именно они положили начало придворной партии в ВКЛ. М. Вишневецкий, пользуясь финансовой поддержкой короля, перетягивал конфедератов на свою сторону³³. Особенно Август III возвысил М.К. Радзивилла, назначив его на раде сената 9 ноября 1735 г. гетманом польным ВКЛ, а 18 числа того же месяца дал ему и Троицкую каштелянию³⁴.

Эту проблему российскому правительству удалось решить за счет бывших «станиславцев». В январе 1736 г. шляхта ВКЛ, поддержавшая кандидатуру Станислава и потому находящаяся в Кенигсберге, изъявила желание вернуться и присягнуть Августу III. В своих планах Г. Кейзерлинг стремился привлечь наиболее известных «станиславцев» к «русской» партии, хлопоча для них у короля о денежных суммах и должностях. Таким образом он привлек к «русской» партии люблинского воеводу А. Тарло и стражника ВКЛ А. Пацея³⁵. Присутствие последнего в «русской» партии объясняется следующей характеристикой, выраженной Г. Кейзерлингом: «А. Пацей пользуется доверием и любовью лиговского шляхетства и почти единственный человек, который может держать равновесие с радзивилловским домом»³⁶. Наконец-то поддался на уговоры А. Чарторыйского и С. Понятовского и подканцлер ВКЛ М. Чарторыйский, долгое время отказывавшийся признать Августа III королем РП и продолжавший находиться с С. Лещинским в Кенигсберге до самого его отречения от короны в январе 1736 г.³⁷

При этом последний был вынужден искать протекции не только у Г. Кейзерлинга, но и у Э.И. Бирона, российского фаворита царицы Анны³⁸. Без поддержки Э.И. Бирона Фамилия не смогла бы противостоять фавориту короля Августа III Ю.А. Сулковскому, который поддерживал магнатский род Потоцких в КЛ³⁹. Перебрав на свою сторону М. Чарторыйского и А. Пацея, Г. Кейзерлинг фактически создал в ВКЛ партию, способную противостоять придворной партии Радзивиллов и М. Вишневецкого.

Таким образом, из сказанного можно сделать следующие выводы. Создание «русской» партии относится к 1734 г. Она состояла из следующих представителей магнатории и шляхты ВКЛ: Чарторыйских, С. Понятовского и А. Пацея. Инициатором ее создания выступило российское правительство, а не магнаты и шляхта ВКЛ. Причиной этого были неудачи российской политики в РП, основанной на поддержке наиболее популярных среди шляхты вельмож. Эта политика показала свою неспособность влиять на события в РП перед и во время элекционного (избирательного) сейма 1733 г. Кроме того, Россия не имела возможности постоянно удерживать большое количество войск для обеспечения своих интересов в ВКЛ. К тому же эта партия должна была противостоять усилению влияния придворной партии в ВКЛ, что не было в интересах России.

-
- ¹ Polski Słownik Biograficzny. T.XXVI. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdansk – Łódź: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo akademii nauk, 1994. S.11.
- ² Rostworowski E. O polska korone. Polityka Francji w latach 1725–1733. Wrocław – Kraków: Ateneum, 1958. S.307.
- ³ Polski Słownik Biograficzny. T.XXVI. S.20.
- ⁴ Ibid. S.13.
- ⁵ Ibid. S.109.
- ⁶ Rostworowski E. O polska korone. S.303.
- ⁷ Ibid. S. 303.
- ⁸ Ibid. S. 304.
- ⁹ Lespiewski S. Poczet hetmanów polskich. Warszawa: ANTA, 1992. S.140.
- ¹⁰ Rostworowski E. O polska korone. S. 308.
- ¹¹ Ibid. S. 304.
- ¹² Polski Słownik Biograficzny. T.XXVI. S.109.
- ¹³ Polski Słownik Biograficzny. T.XXX, z. 2. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdansk – Łódź: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo akademii nauk, 1987. S.300.
- ¹⁴ Rostworowski E. O polska korone. S. 308.
- ¹⁵ Ibid. S.317.
- ¹⁶ Соловьев С. Сочинения. Кн. 10. Т. 19–20. М., 1993. С.327.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С.334.
- ¹⁹ Прыбытка Г. Бараньба магнатских группак у 18 ст. // Спадчына. 1996. №1. S.265.
- ²⁰ Там же. С.266.
- ²¹ Polski Słownik Biograficzny. T.XXX, z. 2. С.300.
- ²² Polski Słownik Biograficzny. T.XXVI. S.17.
- ²³ Ibid. S.109.
- ²⁴ Ibid. S.17.
- ²⁵ Ibid. S.13.
- ²⁶ Ibid. S.30.
- ²⁷ Соловьев С. Сочинения. С.613.
- ²⁸ Lespiewski S. Poczet hetmanów polskich. S.85.
- ²⁹ Zielinska Z. Walka „Familii” o reforme Rzeczypospolitej, 1743 – 1752. Warszawa: PWN, 1983. S.18.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Ibid.
- ³² Ibid. S.615.
- ³³ Магулэвіч М. Дзярвош жыцця маяго // Спадчына. 1996. №5. С. 102.
- ³⁴ Polski Słownik Biograficzny. T.XXX, z. 2. S. 300.
- ³⁵ Соловьев С. Сочинения. С. 617.
- ³⁶ Прыбытка Г. Бараньба магнатских группак у 18 ст. // Спадчына. 1996. №1. С. 618.
- ³⁷ Polski Słownik Biograficzny. T.IV. Kraków, 1938. S.290.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Ibid.

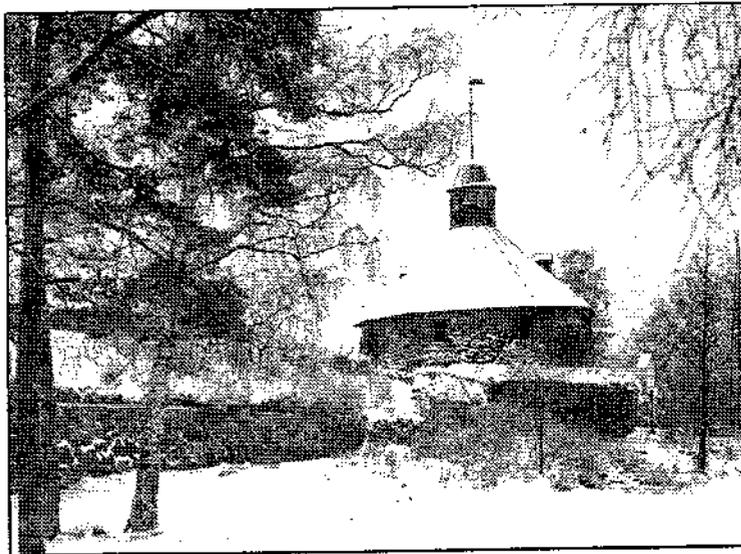
ЗАПИСКИ ИНЖЕНЕР-ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКА ИЛЬИ АЛЕКСАНДРОВИЧА БИБИКОВА О РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЕ 1741–1743 гг.

5 февраля 1808 г. находившийся в отставке тайный советник, сенатор и дипломат Александр Александрович Бибииков накануне возвращения на службу в качестве российского чрезвычайного посланника при неаполитанском дворе подал императору Александру I подборку документов из своего семейного архива под названием “Замечания касательно Новой Финляндии относительно военных действий с 1741 по 1743 год”. В сопроводительном письме государю подчеркивалось, что “бумаги сии при нынешних обстоятельствах могут быть не бесполезны для службы Вашего Императорского Величества”¹. Несомненно, под “обстоятельствами” подразумевалась новая русско-шведская война, начавшаяся в том же месяце. А.А. Бибииков отметил, что документы были найдены им “между оставшимися бумагами после покойного отца моего” Александра Ильича Бибиикова – генерал-аншефа и лейб-гвардии подполковника, “скончавшегося на службе против самозванца Пугачева”.

В подборку вошло 5 текстов: 1) “Изъяснение для защищения Финляндии”; 2) “Мнение об обороне Российской Финляндии”; 3) “Мнение о наступательной войне против Швеции со стороны Финляндии”; 4) “Примечания о последней Шведской войне, продолжавшейся с 1741-го по 1743 год”; 5) “Реестр лежащих за шведской границей больших и малых дорог”. В каталоге Военно-ученого архива Главного штаба указано, что все эти документы “написаны генерал-аншефом Бибииковым, прославившимся своею деятельностью во время Пугачевщины”². Однако в отношении 4-го документа это утверждение неверно.

Из текста “Примечаний о последней Шведской войне” видно, что их автором являлся обер-офицер, принимавший участие в кампании 1742 г. и состоявший при генерале У.В. фон Левендале. А.И. Бибииков, родившийся в 1729 г. и зачисленный кондуктором в Инженерный корпус в 1744 г., не мог по возрасту участвовать в войне с Швецией 1741–1743 гг. Несомненно, “Примечания” в действительности принадлежат перу его отца Ильи Александровича Бибиикова, военного инженера, отозванного в 1742 г. с Украинской линии в Финляндию для участия в организации осадных работ под командованием Левендала.

И.А. Бибииков родился в 1698 г. Получил домашнее образование. В 1715 г. начал службу в Инженерном корпусе под начальством генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса. В 1731 г. произведен в капитан-поручики. Благодаря своим знаниям и способностям быстро продвинулся по службе, получив через 10 лет чин инженер-полковника.

Крепость Корела (Кексгольм). XIV–XVI вв.

Руководил созданием укреплений Украинской линии (Бахмут–Таганрог–Азов). В 1749 г. произведен в инженер-генерал-майоры. В начале царствования Екатерины II назначен директором Тульского оружейного завода с производством в инженер-генерал-поручики. В 1764 г. вышел в отставку по болезни. Умер 1 апреля 1784 г. Характеризовался современниками и историками как “ученейший генерал XVIII века” и “один из лучших инженеров своего времени”³.

“Примечания” написаны И.А. Бибииковым не ранее 1762 г., поскольку в тексте фигурирует “блаженная памяти государыня императрица Елизавета Петровна”, следовательно, уже покойная. Вероятнее всего, это сочинение было составлено автором после выхода в отставку. Более точно датировать документ не представляется возможным.

Записки И.А. Бибиикова составляют 34 страницы обычного делопроизводственного формата того времени⁴. Один оборот, употребленный автором в тексте (“уповаю, позволено мне будет открыть свои мысли, как, по моему мнению, война в сей стране производима быть может”), позволяет предположить, что документ предназначался “к поданию” высшему военному начальству или самой императрице. Другая фраза

(“осмеливаюсь объявить о том мое мнение, предоставляя оное на лучшее рассмотрение другим”) показывает, что И.А.Бибииков ожидал обсуждения своих записок в кругу военных специалистов. Интересно также отметить, что в XX разряде Государственного архива Российской империи отложился “Экстракт из журналов о военных действиях в минувшую Шведскую войну”, который в основном текстологически совпадает с “Примечаниями”, но является более сжатым по объему и содержанию⁵. Несомненно, автором “Экстракта” также был И.А. Бибииков.

“Примечания” носили явно прикладной характер и имели целью показать возможности ведения войны на территории Финляндии с учетом опыта 1741–1743 гг. Документ логически распадается на две составные части. Первая, большая по размеру, представляет собой краткие военные мемуары, написанные, судя по “Экстракту”, с привлечением дополнительных источников. Вторая содержит предложения на случай возможной войны со Швецией.

Карл Эмиль Левенгаупт (1691–1743)

Записки И.А. Бибиикова были впервые использованы в 1910 г. историком М.М. Бородкиным, давшим четыре ссылки на этот архивный источник. Вслед за составителем каталога документов Военно-ученого архива Бендером Бородкин ошибочно заявил, что “Примечания” написал “участник этого похода и очевидец всего происходящего около Фридрихсгама Ал. Ил. Бибииков”⁶.

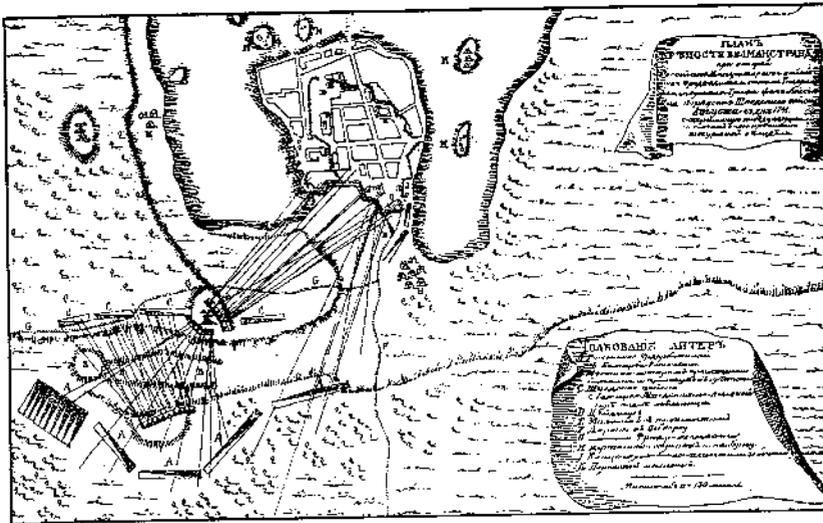
Сочинение И.А. Бибиикова предваряется справедливым замечанием о том, что война против России, начатая шведами летом 1741 г., “была с их стороны совершенным противуречием всем правилам и планам военных действий”. Они объявили войну, не собрав в Финляндии и 10 тысяч человек, причем “сей малый корпус не имел при себе ни осадной, ни же полевой артиллерии”. Расположенные вблизи российских границ шведские крепости Фридрихсгам (Фридрихсгамн), Вильманstrand и Нейшлот не были отремонтированы. Более того, “о заведении магазинов никакого старания приложено не было”. Генерал-поручик Г.М. Будденброк получил приказ “с сим малым корпусом приступить к российским границам и начать действовать неприятельски”. Русские “не ожидали от шведов такого неразумного предприятия” и не были готовы к войне, “однако по получении в июле месяце о неприятельском намерении надежных известий” сумели в течение двух недель собрать у границы корпус из 9 полков пехоты и 14 драгунских эскадронов, который вскоре начал наступление на Вильманstrand. Бибииков, не участвовавший в кампании 1741 г., не приводит никаких существенных сведений о Вильманstrandской битве 23 августа 1741 г., ограничившись упоминанием о том, что русские войска под командованием генерал-фельдмаршала П.П. Ласси разбили шведский корпус генерал-майора К. Врангеля и штурмом взяли крепость.

Поздней осенью 1741 г. часть русских войск расположилась на зимние квартиры в Выборге, Кексгольме и близ Олонца; прочие полки были отправлены в Ингерманландию, Лифляндию, Эстляндию, а некоторые даже к Москве. Вскоре произошел дворцовый переворот, приведший к власти Елизавету Петровну. Бибииков, конечно, не упоминает о том, что она была связана со шведами, начавшими войну под предлогом защиты прав на российский престол потомков Петра I. В “Примечаниях” говорится лишь о заключении перемирия со шведами после переворота, которое, впрочем, было разорвано российской стороной 28 февраля 1742 г.

Рассказ о военных действиях следующей кампании Бибииков предваряет “Примечанием о натуральном состоянии земли Великого княжества Финляндского”. Эта страна изобилует горами, болотами, реками и непроходимыми лесами, способными служить естественными укреплениями, поэтому при хорошо налаженной обороне противника “каждый шаг земли... кровью добывать должно”. Движение войск возможно только по двум большим дорогам, первая из которых ведет по берегу Финского залива от Выборга к Фридрихсгаму, Борго и Або, а вторая “лежит чрез Вильманstrand и Тавастгус к Абову, Вазам и далее”. Третья большая дорога, ведущая через Нейшлот к Вазам и Уле, из-за “многих озер и болот” на пути “для армии, имеющей при себе артиллерию и обоз, ...совсем непроходима”. Наступление же по Тавастгусской дороге сопряжено с трудностями при подвозе провианта. Наиболее удобна Борговская дорога, идущая вдоль берега Финского залива, что позволяет доставлять провизию на шлюпках и ботах со стороны моря. “По сей причине, — отмечает Бибииков, — с российской стороны план военным действиям 1742-го году расположен был таким образом, что армия на сухом пути по сей дороге маршировала, а галерный флот почти с таким же числом пехоты, какое шло сухим путем, имея под своим прикрытием брандеры, бомбардирные прамы, канчабасы, дупли-шлюпки, островские лотки и нагруженные провиантом галиоты, сквозь шеры неразлучно подле сухопутной армии следовал, которая с упомянутых галиотов всегда запасалась”.

10 июня 1742 г. русская армия направилась из Выборга к Фридрихсгаму. Дорога шла по пересеченной местности, что позволяло шведам занять удобные оборонительные позиции. Бибииков отметил, что “если бы неприятель при всех гористых местах и переправах чрез малые речки восхотел наблюдать свою должность, то б мы по крайней мере прежде шести недель не дошли до Фридрихсгама и то, может быть, с потеряннием половины армии. Один проход сквозь засеку у Мендолакса, которая занята была 2000 человек, стоил бы нам лучших людей в

армии, а именно гранодеров, и по меньшей мере тысяч шести пехоты". Действительно, укрепления шведов при урочище Мендолак в 15 верстах к востоку от Фридрихсгама было бы чрезвычайно трудно форсировать при правильно организованной обороне. Другой участник кампании Х.Г. Манштейн также отметил, что "русская

План сражения при Вильманстранде 23 августа 1741 г.

П.П. Ласси 50 или 60 тысяч человек. "Сей порок немалой для генерала, — подчеркивает автор, — когда он и силы стоящего против него неприятеля не знает, особливо в собственной своей земле, где каждый крестьянин служит ему шпионом. Фельдмаршал Лессий никогда 30-ти тысяч человек при себе не имел и в то время, когда несколько полков с галер сняв, к себе присовокупил". Левенгаупт со своей армией численностью не менее 20 тыс. человек имел все возможности остановить наступление противника в местности, где "земля сама собою представляла крепость, имеющую почти бесчисленные наружные укрепления".

28 июня 1742 г. русская армия уже подошла к Фридрихсгаму. Бибиков крайне низко оценивает оборонительные возможности этой крепости: "Фридрихсгавен почитаю я за такое место, защищение которого никто из любящих свою честь охотно на себя не возьмет... Все укрепление состоит из пещаного дерну, которой само собою развалится, умалчивая, чтоб против пушечных выстрелов устоять могло, к тому ж обошли сие место горы и камня, которые оным владеют". Сами защитники Фридрихсгама были того же мнения. Пастор шведской гвардии Тибурциус утверждал, что "крепость эта... была самое негодное укрепление, когда-либо существовавшее".

Она "была построена на низком месте и окружена со всех сторон горами, так что все улицы могли быть с них обстреливаемы... Внешних укреплений, которые бы командовали над окружающими Фридрихсгам горами и делали бы приступ к крепости невозможным, вовсе не было... Валы были из дерна, и так дурно сложены, что в несколько продолжительный дождь обваливались на протяжении нескольких сажен".

Однако большая часть российских военных специалистов не считала Фридрихсгам легкой добычей. Например, Манштейн отмечал: "Город этот лежит на возвышенности, имея с одной стороны море, с другой большое озеро, пространство между ними было укреплено; укрепления были сделаны из земли и фашии и содержались довольно плохо, но город нельзя совершенно окружить по причине озера, имеющего около пяти лье в окружности; гарнизон имел свободное сообщение с армией, стоявшей лагерем по другую сторону, и мог быть сменен каждый раз, когда это сочли бы нужным. Осада его показалась трудной всем генералам; самая почва будто препятствовала этому, так как тут находятся одни только скалы, которые весьма затрудняют открытие траншей"¹⁰.

Фельдмаршал Ласси поручил организацию осады Фридрихсгама генералу Левендалю. Состоявший при нем инженер-полковник Бибиков непосредственно участвовал в этом деле, поэтому фридрихсгамские страницы его мемуаров содержат наиболее интересную информацию. Он вспоминает, что Левендаль, лично осматривавший подступы к крепости, "нашел, что только голые камни ее окружают, что в земле траншеев

делать нельзя. Того ради приказал он всей кавалерии, сколько оной при армии было, ехать в лес для делания фашии и привезти оные ввечеру в 8 часу на назначенное к тому место. Первый привоз состоял в 10 000 фашии, которыми хотел он в следующую ночь открыть апроши, но вскоре оказалось, что нужды в том нет, ибо неприятель при захождении солнца сам зажег город и арсенал, причем несколько сот начиненных бомб и несколько

Манифест шведского правительства об объявлении войны 24 июля 1741 г.

“Должность моя, – продолжает Бибиков, – требовала тот час навеститься, что оный огонь значит, для того поскакал я к крепости, от которой стояли мы еще в 3 верстах”. Он объехал Фридрихсгам и убедился, что шведы оставили город. Вернувшись в расположение русских войск, Бибиков нашел Левендаля, “стоящего с фельдмаршалом пред лагерем на камне, откуда смотрели они на пожар. Я донес ему и фельдмаршалу, что видел и о чем доподлинно знал; но фельдмаршал рассмеялся и почел сие за невозможное, так что и моему генералу, который всегда привык слушать от меня верные рапорты, несколько досадно было...”. Вскоре разведывательная группа гусаров подтвердила сообщение Бибикова. Для занятия Фридрихсгама были отправлены два пехотных полка, а кавалерия под командованием генерал-майора Р.К. Веделя поскакала для преследования отступавших шведов. “Таким образом овладели мы Фридрихсгамскою крепостью, не потеряв ни единого человека”, – заключает Бибиков.

30 июня русские войска продолжили движение вслед за неприятелем. У реки Кюмень, впадающей в Финский залив тремя рукавами, шведы тоже имели возможность надежно закрепиться. “Здесь Левенгаупт мог бы опять исправить свои прежние ошибки, – замечает мемуарист, – ибо если бы он хотел только остановиться, то б мы ни через один рукав, еще ж меньше чрез все три следующие впереди до Елсинфорса реки перейти не могли”. Но шведы отступили к Борго, а затем к Гельсингфорсу. Здесь Ласси сумел полностью заблокировать неприятельскую армию, заняв дорогу на Або. Русские попали на нее раньше шведов, пройдя по заросшей просеке, прорубленной в свое время по приказу Петра I. По версии Манштейна, эту лесную дорогу показал русскому главнокомандующему финский крестьянин-предатель¹¹. Но Бибиков определенно утверждает, что она была обнаружена бригадиром донских казаков И. Краснощекским.

Окруженная шведская армия была вынуждена капитулировать в Гельсингфорсе. Крепости Нейшлот и Тавастгус “сдались без всякой осады: первая по письму от фельдмаршала, а другая сама принесла свою покорность”. Русские гарнизоны были немедленно введены в неукрепленные города Або, Вазу и Улу. “Теперь вся Финляндия находилась в российских руках”, – заключает мемуарист.

Последний год войны охарактеризован Бибиковым в одной фразе: “Кампания 1743 году происходила только водою, шведы ни в чем преуспеть не могли и принуждены были везде нашим уступать”. По Абоскому миру “река Кюмень положена границею и города Фридрихсгам, Вильмонстрант и Нейшлот остались за нами”. “Вся сия война, – подводит итог автор, – составляла невероятную цепь погрешностей, чрез которые шведы потеряли Финляндию и к крайнему своему посрамлению, будучи снабжены российскими паспортами, домой возвратились, почему и ничего такого не происходило, где бы генерал превосходное свое искусство и знание в военных делах оказать мог”.

Во второй части “Примечаний” Бибиков оценивает возможности ведения войны на территории Финляндии. На случай оборонительных действий он рекомендует построить “крепкие полевые шанцы с батареями” на островах между тремя устьями Кюмени и ввести в алхеры Финского залива галерную эскадру, чтобы не позволить шведам высадить десант “по сю сторону Выборга”. При наступательных действиях русских войск Бибиков советует быстро продвинуться двумя равными по численности корпусами от Фридрихсгама к Гельсингфорсу и от Вильманстранда к Тавастгусу и постараться окончить войну в течение одной кампании.

Записки И.А. Бибикова содержат ряд интересных фактов и оценок, расширяющих представление о русско-шведской войне 1741–1743 гг. и об отношении к ней высококвалифицированных военных специалистов. Интересно также попытка обобщения опыта этой войны, использованного в последующих столкновениях со Швецией в 1780–1790 и 1808–1809 гг.

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1624. Л. 2.

² Каталог Военно-ученого архива Главного штаба /Составил капитан Бейдер. Под редакцией полковника Вивьен-дс-Шатобрена. СПб., 1905. Т. 1. С. 144.

³ Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т.3. С. 530; Ровенский Г.В., Бибиков Н.Г. Родословная Бибиковых. К 700-летию дворянского рода Бибиковых. Фризно, 1996. С.16.

⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1624. Л. 30-47 об.

⁵ РГАДА. Разряд XX. Экстракт из журналов о военных действиях в минувшую Шведскую войну.

⁶ Бородин М.М. История Финляндии. Время Елизаветы Петровны. СПб., 1910. С. 116.

⁷ Манштейн Х.Г. Записки о России//Перевороты и войны. М., 1997. С. 216.

⁸ Записки М.А. Муравьева//Российский архив. М., 1994. Т.5. С. 15-16.

⁹ Цит. по: Шпилевская Н. Описание войны между Россиею и Швециею в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах//Военный журнал. 1858. Кн. 3. Отдел военно-исторический. С. 101-102.

¹⁰ Манштейн Х.Г. Указ. соч. С. 218.

¹¹ Там же. С.222.

МОРСКАЯ ЗАЩИТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ВО ВРЕМЯ РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ 1741–1743 гг.

Ништадтский мир, в котором обе стороны обязались “вечную дружбу и соседство и истинный мир между собою содержать”, был для Швеции лишь временным перемирием. Соблюдать его удалось только благодаря успехам российских дипломатов. Чрезвычайный посланник в Стокгольме Николай Федорович Головин в 1731 г. предложил шведам заблаговременно продлить мирный договор. О Николае Федоровиче мы будем говорить позже и более подробно, а пока скажем, что его предложение будет осуществлено в 1735 г. вопреки ухищрениям западных дипломатов, и мир будет продлен.

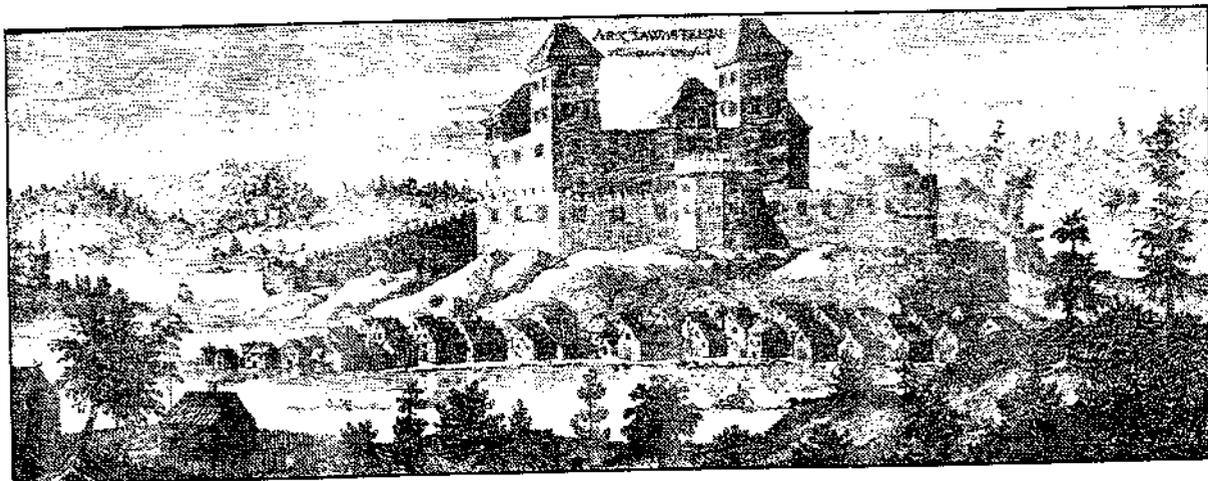
Особенно трудно было сохранять мир со Швецией после заключения ею в 1738 г. оборонительного союза с Францией, обязавшейся субсидировать шведские военные приготовления. Наиболее трудным для русской дипломатии в Стокгольме был период 1739–1740 гг., когда петербургские полки вместе с армией Б.-Х. Миниха ушли на войну с Турцией.

По мере приближения 20-летнего юбилея Ништадтского мира в среде шведских аристократов росли реваншистские настроения. Они охватили и крестьян, несмотря на боязнь вербовки в армию. Надежда на реванш зависела у шведских дворян от чехарды вокруг российского престола после смерти Петра I (к началу войны на престоле значился годовалый младенец Иван VI) и на непобедимость шведского флота.

В Северной войне шведы потерпели поражение, шведы, но не их гордость – корабельный флот, т.е. не капитаны и экипажи, проявившие в боях и мужество, и искусство. За всю войну русским удалось захватить только один линейный корабль “Вахтмейстер” в Эзельском сражении 1719 г., но ведь при этом против него действовало 6 русских линкоров, а когда он “расставил все свои паруса и пошел на утек”, как рапортовал Н. Сенявин, то был атакован сразу двумя русскими линкорами и сдался только после жаркого боя. И при Гангуте, и при Эзеле, и при Гренгаме мы довольствовались, в основном, лишь захватом фрегатов.

Панику на шведов наводил только русский гребной флот, который был недостижим в шхерах корабельному шведскому флоту и дошел с победными боями до самой Швеции. Чтобы в следующую войну этого не допустить, шведы к 1740-м гг. создали гребной флот по принципу “лучше поздно, чем никогда”. Построили, однако, только 30 галер. Но этого было достаточно, чтобы запереть для русских свои шхеры.

А в открытом море по всем теориям того времени господствовал линейный корабельный флот! По числу кораблей силы сторон к весне 1741 г. были равны, но шведский флот чувствовал свое превосходство хотя бы потому, что русские корабли один на один в бой никогда еще не вступали. И боялись они не столько шведской военно-морской славы, сколько петровского Устава морского, который предписывал вступать в бой не иначе, как если против двух неприятельских кораблей будут три своих. Но такой случай появился только один раз, в 1713 г., когда семь русских линкоров отправились в погоню за тремя шведскими. Погоня оказалась неудачной: половина преследователей села на мель.

Гявдасутеский замок в Финляндии

Превосходство шведского флота заключалась еще и в том, что его главная база в Карлскруне не замерзала зимой, в отличие от Кронштадта, и флот мог появиться в Финском заливе раньше русского и занять господствующее положение на театре военных действий.

Стокгольмские реваншисты входили в так называемую французскую партию, или “партию шляп”. Итак, русская чехарда на троне, непобедимый шведский флот и французское золото добились голосования в сейме в пользу “партии шляп”. Еще накануне объявления войны ее сторонники создали особую комиссию из 11 человек, среди которых был и фельдмаршал К.Э. Левенгаупт – самый авторитетный в Швеции военный. Но комиссия обсуждала условия будущего мира, по которому Россия должна была вернуть Швеции Карелию с Кексгольмом и Выборгом, Петербург и Кронштадт, всю Неву. Границы планировалось установить по условиям Столбовского мира.

И хотя удобное для нападения время русско-турецкой войны шведами было упущено, 21 июля 1741 г. сейм высказался за нее, 24 июля Фридрих I подписал манифест, а 28 июля “под звуки труб и литавр” он был обнародован. Если король уповал на Божию помощь, то шведские реваншисты заявили: “Лишь бы Господь Бог остался нейтральным, то вполне можно быть уверенным в желаемом успехе”.

Первым в военные действия вступил шведский непобедимый флот, который за два с половиной месяца до объявления войны вышел 11 мая 1741 г. из Карлскруны и 20 мая расположился на меридиане острова Аспё, занимая центральное положение в восточной части Финского залива, откуда рукой подать до Фридрихсгамна (Фридрихсгама), Выборга и Красной Горки. Прибывший из Стокгольма гребной флот встал на якорь у Фридрихсгама. Там, восточнее крепости, дислоцировался основной шведский корпус генерал-лейтенанта Будденброка.

Таким образом командующий “непобедимым” флотом старый и опытный моряк вице-адмирал Райляин следил все, чтобы моментально нанести удар по Петербургу: контр-адмирал Фалькенгрэн мог взять на борт своей гребной флотилии корпус Будденброка и перебросить к Красной Горке, высадив там десант.

Но этот план, за который шведское командование будет браться не раз, в этом случае был неосуществим. 31 июля вице-адмирал только получил от Будденброка текст королевского манифеста. Однако и тогда действовать он не мог, так как манифест сопровождался предупреждением: по эскадре пока его не оповещать!

О легкомысленном отношении стоцгольмских реваншистов к войне исследовательница Н. Шпилевская писала: “Когда война была объявлена, Левенгаупт просил, чтобы ему дозволено было передать свою должность предводителя дворянства другому и ехать к армии. Но оказывалось, что думали, будто предводитель дворянству куда важнее, чем фельдмаршал армии. Поэтому прошло целых четыре недели после объявления войны, прежде чем Левенгаупту дозволено было ехать к армии. А четыре недели в военное время и при приближении осени – огромная потеря времени”.

Командующий прибывает на театр военных действий только 3 сентября, когда шведская армия уже будет разбита под Вильманстрандом.

Стокгольмские “дела” русскому посланнику Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину были так хорошо известны, что казалось, будто он сам заседал в тайной комиссии сейма. Узнав о намерении шведов начать войну, русское правительство с начала июля стало сосредоточивать войска на границе с Финляндией и в Прибалтике под командованием двух добросовестных старых служак, когда-то прибывших из-за рубежа – П.П. Ласси и Р. Кейта.

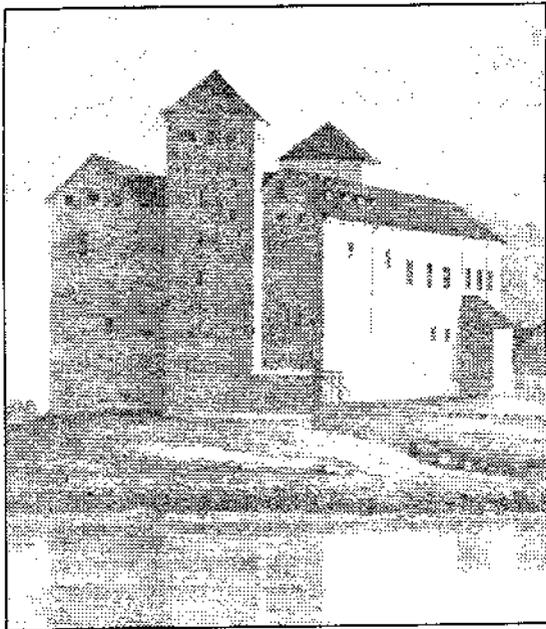
Хорошо известному своими десантами в 1721 г. на шведское побережье Ласси было уже 62 года, но он был деятелен по-прежнему и придерживался петровской тактики боя. Ему и поручили командовать армией в Финляндии, где к середине августа под Выборгом сосредоточился 20-тысячный корпус генерала Кейта.

13 августа Россия объявила сама войну Швеции. 21 августа Ласси выступил из Выборга с отрядом в 9900 солдат к Вильманстрандской крепости. 23 августа он разбил отряд генерал-майора К.Г. Врангеля и принял капитуляцию крепости. Это было самое крупное сражение военной кампании, длившееся 5 часов. Противник потерял 4 тысячи человек убитыми и около 2 тысяч пленными. В плену оказались генерал Врангель, 6 полковников и подполковник. Русские потеряли 530 офицеров и солдат. Вышедшие было из Фридрихсгамна войска Будденброка на соединение с Врангелем, узнав о его поражении, поспешили обратно.

В Петербурге торжественно праздновали победу под Вильманстрандом. М.В. Ломоносов сочинил по этому случаю пыльную оду.

Устав морской Петра I. 1724 г.

Абоский замок в Финляндии

мый флот, считая, что он, в отличие от 1714 г., не пропустит русские галеры в западные шхеры, находясь на страже у Гангута.

Вступившая на престол еще 25 ноября 1741 г. императрица Елизавета Петровна решила ускорить заключение мира решительными действиями и по настоянию Ласси повторить осуществленные в Северную войну десанты на шведскую территорию.

Кампанию 1743 г., как и две предыдущие, первым начал шведский флот. Под командованием адмирала фон Утфала он вышел из Карлскруны 30 апреля и 18 мая стал на якорь у мыса Гангут. Ситуация получилась та же, что и в 1714 г. Тогда она привела к знаменитому Гангутскому сражению, в результате которого русский гребной флот прорвался мимо шведского корабельного флота в западные шхеры. А что же случилось в 1743 г.?

Гребным флотом, как и в 1714 г., командовал, как и прежде, командующий войсками. Вместо генерал-адмирала Ф.М. Апраксина им был теперь его ученик и соратник генерал-фельдмаршал Ласси. Корабельным флотом вместо Петра I командовал адмирал Николай Федорович Головин, который, будучи чрезвычайным посланником в Стокгольме, предложил в 1731 г. шведам продлить мирный договор с Россией. Этот моряк, герой Северной войны, стал героем и этой войны.

Головин был выпускником Навигацкой школы, изучал кораблестроение в Амстердаме, плавал в английском и голландском флотах, с 1717 г., командуя балтийскими фрегатами, по заданию Петра I следил за передвижениями английской эскадры на Балтике, позже был посланником в Стокгольме, а накануне и в начале войны занялся многосторонней деятельностью, связанной с возрождением флота, и к кампании 1743 г. привел его готовым помериться силами с "непобедимым" шведским корабельным флотом.

Если в 1714 г. Апраксин привел к Гангуту 100 галер, то под командованием Ласси были 481 галера и 98 кончعبасов. Оба флота запросили поддержки от своих основных сил. Соотношение корабельных сил противников и в 1714 г. и в 1743 г. было примерно равным, но петровский Устав морской действовал и в 1714, и в 1743 гг.: требовалось иметь численное преимущество трех против двух! И Петр I отказал Апраксину в корабельной помощи! А Головин не мог отказать Ласси, но не смел и нарушить петровский регламент! Существовал консилиум — военный совет, без которого ни один флот, ни одно войско в сражение не вступали. Предшественник Головина — адмирал З.Д. Мишуков только и делал, что "прятался" за этими самыми консилиумами. Петровское правило "три к двум" спасало флот, когда он еще создавался и обучался, теперь же оно стало своего рода тормозом. Однако этого правила по-прежнему придерживались старые капитаны, молодые же командиры кораблей иногда предлагали его нарушить.

В отличие от Петра I Головин привел корабельный флот к Гангуту. Встав 7 июня 1743 г. напротив шведов, он созвал командиров кораблей и заявил: "Понеже где неприятель лежит, тут и нам лежать можно!" Впервые утверждалось мнение, что флот России отныне не уступит неприятелю. Однако атаковать врага консилиум не позволил. Тринадцать командиров кораблей высказались за то, чтобы начать сражение с противником, но четырнадцать были против. Командующему флотом осталось только выразить протест в письменной форме.

Запирая собой Гангут от русских галер, шведы сами в бой не шли, а Ласси посылал Головину грозные приказы атаковать врага. 8 июня Николай Федорович распорядился поставить присланные фельдмаршалом кончعبасы с солдатами так, чтобы неприятель видел, что парусный русский флот не только не собирается уступить, но и

В связи с приближением зимы кампания 1741 г. заканчивалась. Армии ушли на зимние квартиры, шведский флот в октябре направился в Карлскруну и Стокгольм. Победа Ласси под Вильманстрандом позволила русскому флоту не выходить в 1741 г. в море, к чему он и не был готов.

Русский план военной кампании 1742 г. предусматривал наступление. Ласси хотел еще зимой по льду подойти к Фридрихсгамну и взять его с моря. Помешала оттепель. В начале июня войска выступили из Выборга по прибрежной дороге и 28 июня взяли Фридрихсгамн. У Гельсингфорса Левенгаупт занял сильную позицию, но русские войска обошли ее и перерезали шведские коммуникации, что привело к капитуляции города 24 августа. Отстраненный еще 17 июля от командования, Левенгаупт был отозван в Стокгольм и 4 августа 1743 г. казнен.

Действия корабельных флотов обеих сторон были нерешительны. Подойдя к полуострову Гангут, где стоял шведский флот, русский флот атаковать его не решился и через 3 дня (13 августа) вернулся к острову Нарген, где и простоял до конца кампании.

Швеция, несмотря на потерю главных сил армии и начавшиеся мирные переговоры, продолжала готовиться к новой кампании. По-прежнему шведы делали ставку на свой непобеди-

намерен идти на abordаж, используя солдат. Это заставило фон Утфалья поднять якоря. Тогда в 3 часа снялся с якоря и русский флот.

“К чести и славе Его императорского величества флота через два дня неприятеля против себя с ближнем расстоянием... в линии дебатами держали и, видев неприятель... будучи на ветре, токмо к атаке не отважился, а мы же все крайне старались выше к ветру взойти...” – доносил Н.Ф. Головин в Петербург.

В парусном флоте занять наветренное положение перед боем – главное. В борьбе за ветер Головин отвлек фон Утфалья от Гангута. Во второй половине дня, обнаружив уход шведского флота от мыса, Ласси, не мешкая, провел всю свою флотилию в западные шхеры.

С этого момента адмирал считал свою задачу выполненной: «Того ради при выстреле пушки учинил сигнал: “Всему флоту поворотиться...”». Гангут остался позади. Грандиознейшее сражение, в котором участвовало огромное число линейных кораблей (13 шведских и 14 русских), было выиграно без боя! Стокгольм немедленно отстранил фон Утфалья от командования, а 16 июня в Або были подписаны предварительные статьи русско-шведского мирного договора. 7 августа был заключен мир. К прежним границам Россия приобрела еще Кюменгородскую провинцию с крепостями Фридрихсгамн и Вильманstrand и часть Саволакской с крепостью Нейшлот.

В день, когда ликующий Петербург 15 сентября приветствовал воинов и их командующего Ласси, один из главных виновников торжеств – адмирал, командующий Балтфлотом, был в море. Флот прибыл в Кронштадт только 28 сентября.

“Я с корабля за болезнью съехал...” – записал Головин в журнале. В 1744 г. он оставил службу в Адмиралтействе ради лечения в Германии. Адмирал Николай Федорович Головин скончался в Гамбурге в июле 1745 г.

История неблагоприятно отнеслась к победителю в бескровном морском сражении. И дореволюционные и советские историки флота обвиняли его в нерешительности, за то, что он оставил противника без погони и не завершил сражение разгромом врага.

А знал ли кто из них, что в то время, когда русский флот в течение двух дней крейсировал в виду неприятеля, стремясь выманить его в море, подальше от Гангута, на “Святой Петр” – флагманский корабль – пришло два пакета. В одном был приказ раздраженного медлительностью моряков фельдмаршала, а в другом – противоположный этому приказу указ Елизаветы, где относительно атаки говорилось: “При имевших обстоятельствах, так близко к миру видимых, до времени удержаться”. В Головине успешно объединились флотоводец и дипломат.

Что же касается Петербурга, то, защищенный от упорного врага армейским и морским щитами в войну 1741–1743 г., он уже с большим основанием перестал быть приграничным городом. Войска и флот, возглавляемые такими последователями Петра Великого, как Петр Петрович Ласси и Николай Федорович Головин, выполнили свою задачу. После их побед Швеция четыре с половиной десятилетия не заявляла о реванше.

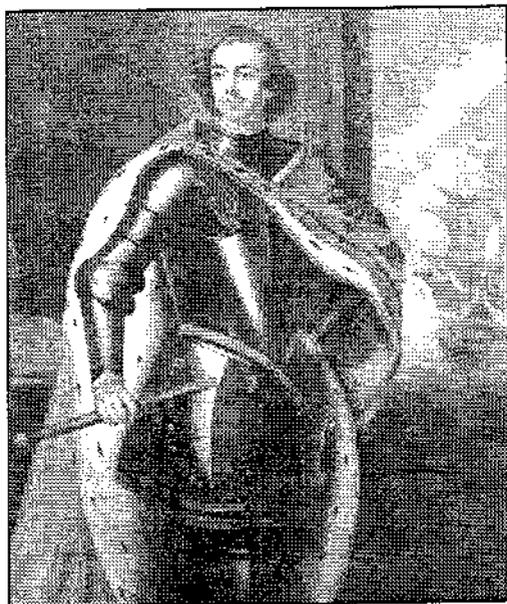
Литература

1. Русско-шведская война 1741–1743 гг. // Морской атлас, Т. 3. Ч. 1. Описание. М., 1959.
2. Шпилевская Н. Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах. СПб., 1859.
3. Жизнеописание адмирала графа Николая Федоровича Головина // Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории российского флота. Ч. 2. СПб., 1833.
4. Перовский Е.П. Противостояние // Гангут. Вып. 4. СПб., 1992.
5. Перовский Е. Гангутское противостояние: забытые страницы истории // Вып. 7. Советский моряк. 1991.
6. Перовский Е. Дочь Петрова! Виват! // Скореходовский рабочий. 26.07.1991.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ВОЕННО-УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ПЕТРА I

1. В годы правления Петра I в России происходят значительные экономические, социальные и политические изменения. Они сопровождались активной законодательной деятельностью. Дальнейшее развитие получило и уголовное право, формой которого все более становится нормативный акт (закон), а не обычай или прецедент. Исследователи насчитывают 392 указа уголовно-правового характера¹. Кроме того, многие уголовно-правовые нормы содержались в актах общего характера (регламентах, наказах и т.п.), определявших положение тех или иных учреждений. Не были исключением и акты, связанные с радикальной военной реформой и формированием массовой регулярной армии, прежде всего, Артикул воинский 1715 г., а также Воинский и Морской уставы. Более того, именно уголовно-правовые положения воинского законодательства (военно-уголовное законодательство) обоснованно считаются наиболее важными в уголовно-правовой системе того периода, а Артикул воинский традиционно признается наиболее значительным актом уголовного законодательства петровского времени.

Несмотря на то, что воинские законы подготавливались и издавались отдельно, они рассматривались как нечто взаимосвязанное по содержанию и значению. Так, утвержденный в 1716 г. Устав воинский повелением

Неллер Г. Портрет Петра Великого.
Начало XVIII в.

Петра I в публикации 1719 г. был объединен с Артикулом воинским и «Кратким изображением процессов или судебных тяжб». Нормы уголовного права содержались и в Уставе морском, разработанном в процессе создания морского флота и утвержденном в 1720 г. При формулировании статей этого Устава (прежде всего, гл. I кн. IV и кн. V) был использован Артикул воинский с некоторыми изменениями². Но Устав морской включает и новые, по сравнению с Артикулом, нормы уголовного права.

Артикул воинский и Устав морской предназначались для военнослужащих и должны были применяться военными судами. Но судебная практика XVIII и начала XIX в. свидетельствует о применении этого документа общими судами³. Этому способствовало то обстоятельство, что многие составы преступлений, предусмотренные Артикулом, не обязательно были связаны с военной службой.

Петр I не отменял действия Соборного Уложения 1649 г., однако понимал необходимость новой систематизации законодательства⁴. В 1700 г., а затем и в 1714-м были сделаны попытки составления нового Уложения, однако выполнить это не удалось. Поэтому целым рядом указов Петр I подтверждает действие Соборного Уложения и его применение при рассмотрении судебных дел. Военно-уголовное законодательство уточняет и дополняет положения Соборного Уложения. При этом использовались не только законодательство и практика Российского государства, но и зарубежное

законодательство. Так, например, при составлении Устава воинского Петр I использовал опыт военно-уставного законодательства Швеции и Пруссии⁵, который мог быть применен в России⁶. При этом законодательство Петра I активно использовало иностранную терминологию.

Военно-уголовное законодательство Петра I – серьезный шаг в развитии российского уголовного права. Оно более четко по форме, менее казуально по содержанию. Введены некоторые юридические термины, дожившие до нашего времени. В Уставе морском собственное наименование получают не только главы, но и отдельные артикулы (статьи).

Материальное уголовное право начинает отделяться от процессуального. Свидетельством тому является создание «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» — военно-процессуального кодекса.

Была сделана попытка объединить в отдельные главы однородные с точки зрения объекта посягательства. Расположение глав показывает, какие деяния законодатель рассматривал как наиболее опасные. При этом так же, как и в Соборном Уложении, первые главы в Артикуле воинском посвящены преступлениям против веры.

Артикул воинский и Устав морской впервые дают систематизацию воинских преступлений, действовавшую без значительных изменений до XIX в. К воинским преступлениям относились: уклонение от военной службы,

дезертирство, сопротивление офицеру, нарушение правил строевой и караульной службы, нарушение правил обращения с военнопленными, мирным населением, мародерство и др.

Многие артикулы устанавливают наказание за нарушение различных правил, введенных Воинским уставом, например правил обращения с обмундированием, военным имуществом, оружием. Петровскому законодательству известен такой новый состав преступления, как членовредительство с целью уклонения от военной службы (арт. 63). В Артикуле воинском, Уставе морском определена ответственность за дезертирство, которое получило широкое распространение в начале XVIII в.⁷

Появляются требования письменного оформления и обязательной публикации закона. Так, например, Указ от 10 апреля 1716 г. предписывал напечатать Устав воинский и разослать его «во все корпуса войск наших, также и по губерниям и канцеляриям, дабы неведением никто не отговаривался».

2. Военно-уголовное законодательство Петра I активно заменяет прежние (характерные для Соборного Уложения, Новоуказных статей и указов первых лет петровского царствования) термины «воровство», «вор», употреблявшиеся для обозначения всякого уголовно наказуемого деяния и лица, его совершившего, терминами «преступление», «преступник». Термин «преступление» употреблен чаще всего в смысле нарушения норм, установленных указами. Но в Артикуле воинском, например в арт. 205, используется и прежний термин «вор» как для наиболее опасных преступников – «чрезвычайные воры» (**бунтовщики, изменники**), так и для «обыкновенных воров» (совершивших другие наказуемые деяния).

Под преступлением понималось, прежде всего, нарушение положения закона. Но уголовно наказуемым считалось любое нарушение государственной воли. Например, в Указе от 24 декабря 1714 г. было сказано: «... все то, что вред и убыток государству приключить может, суть преступления». Поэтому в качестве преступления могло рассматриваться и деяние, прямо законом не предусмотренное. Начинает складываться понятие аналогии, т.е. решения дела в случае отсутствия прямого указания в законе на основе анализа других статей; при этом требовался совет «генеральной консилиии». Устав морской требует вносить в этих случаях предложения о подготовке «новых артикулов», дабы ликвидировать пробел в законодательстве⁸.

Появление термина «преступление» во многом предопределило развитие уголовно-правовых взглядов в России. Положения петровского военно-уголовного законодательства легли в основу тех статей тома XV Свода законов Российской империи, в которых впервые в истории России было дано общее определение понятия преступления.

В уголовном законодательстве Петра I начинает складываться понятие о «преступлениях государственных» в отличие от «преступлений партикулярных (*частных*. – Д.С.)» и «преступлений уголовных»⁹. Текст присяги, приложенный к Артикулу воинскому, требовал доносить обо всем враждебном и предосудительном, «против интереса Государственного».

К наиболее опасным из противогосударственных деяний относились, прежде всего, деяния, направленные против государя и его семьи, то есть оскорбление их действием. В толковании к арт. 19 эти действия впервые обозначены термином «преступление» (до этого в толковании к арт. 6 был употреблен термин «преступитель»), который означал нарушение закона, нарушение норм, определенных Артикулом воинским.

В то же время термин «государственное преступление» в военно-уголовном законодательстве пока не применяется. Соответствующим деяния, как и ранее, охватываются общим понятием «оскорбление величества» (арт. 19 Артикула воинского) или «измена» (арт. 1 книги пятой Устава морского).

С процессуальной точки зрения эти деяния характеризовались как «слово и дело государево». В специальном указе Сената 1714 г. было дано официальное толкование этой формулы. В нем говорилось: «Кто напишет или словесно скажет за собой государево слово и дело, и тем людям велено писать и сказывать о таких делах, которые касаются о здравии царского величества или высокомоуаршеской чести или ведают бунт или измену»¹⁰. Именным царским указом от 25 января 1715 г.¹¹ повелевалось доносить о всяком злом умысле против персоны его величества, о возмущении или бунте, о похищении казны самому государю или у него «на дворе, без всякого страха... а о протчих делах доносить кому те дела поручены...». Тем самым Указ определил преступления, которые в последующем стали именоваться «государственными преступлениями по первым двум пунктам»: 1) всякий злой умысел против персоны его величества или измена; 2) возмущение или бунт. По тяжести к ним приравнивалось похищение казны.

Артикул воинский конкретизирует предусмотренную еще Соборным Уложением ответственность за голый умысел на измену и оскорбление величества (см. арт. 19, 126, 127, толк. к арт. 99). Так, в толковании к арт. 19 говорится: «... равное наказание чинится над тем, которого преступление хотя к действию и не произведено, но токмо его воля и хотение к тому было». Устав морской (кн. V, гл. XV, арт. 107) расширяет наказуемость голого умысла, распространяя ее на убийства («все убийцы и намеренные ко убивству будут казнены смертию»).

Артикул воинский признает видами соучастия в оскорблении величества подстрекательство (арт. 2), пособничество (арт. 95), недоносительство (арт. 19), укрывательство¹² (арт. 190). Наказание для соучастников устанавливалось, как правило, одинаковое, независимо от степени их участия. Интересен арт. 129, определивший наказание за недоносительство о состоявшейся или готовящейся измене, о шпионаже. Законодательство Петра I, как и Соборное Уложение, устанавливало ответственность не только изменников, но и их семей.

За государственные преступления устанавливались наиболее тяжкие наказания. Так, поручая Сенату составить проект Уложения о наказаниях, Петр требовал разделения преступлений на государственные и партикулярные и установления для первых смертной казни или казни политической¹³. Указом от 24 апреля 1713 г. предписывались «выразумления» людям того, что «преступники и повредители интересов Государственных» и пощадившие их, подлежат безоговорочной смертной казни, тогда как «партикулярное прегрешение оставляется на старых штрафах и на рассуждении Сената».

Фузилер армейского пехотного полка (1720–1732). Литография середины XIX в.

Причем за распространение пасквиля об измене, за освобождение изменника или его упущение из-под стражи по небрежности назначалось наказание, полагавшееся за саму измену (арт. 149, 206, 207 Артикула воинского, арт. 103, 140 кн. пятой Устава морского).

Военно-уголовное законодательство Петра I свидетельствует о том, что, по мнению царя, Уложение 1649 г. недостаточно полно и точно определяло содержание и формы измены («оскорбления величества»), особенно в отношении измены воинской, которая считалась одновременно и наиболее тяжким воинским преступлением. Под ней понималось способствование неприятелю на театре военных действий.

Законодательство Петра I содержит значительно большее число составов государственных преступлений по сравнению с Соборным Уложением 1649 г., причем они определены более точно и четко, хотя и с определенной казуальностью. В Артикуле воинском – это гл. 3, 16 и 17; в Уставе морском – кн. V «О штрафах», гл. I, XII, XIII. Здесь дальнейшее развитие получили составы таких преступлений, как измена, бунт, возмущение. Наказуемыми становятся деяния, могущие причинить вред или косвенно свидетельствующие о неуважении к царской особе, его супруге и наследникам. Однако в указанных разделах названных документов немало положений, формулирующих ответственность за иные преступления.

3. В первых артикулах главы третьей Артикула воинского и книги пятой Устава морского говорится о «злоумышлении против величества», т. е. о подготовке любого посягательства («злого дела») против царя. Арт. 18–20, исходя из принципа абсолютной власти монарха более определенно, чем гл. II Соборного Уложения 1649 г., формулируют составы преступлений, связанных с посягательством на жизнь, здоровье, свободу государя и вооруженным выступлением против монарха, а также «хулительными словами» о царе, осуждением его действий или намерений. Толкование к арт. 20 устанавливает наказание за те же действия, совершенные против супруги и детей монарха. Как уже отмечалось, наказания устанавливались не только за деяния, но и «голый умысел».

Различаются главные виновники и соучастники злоумышления: те, кто помогал, давал совет. Все они наказывались одинаково. Устанавливалось наказание и за доноительство (что характерно и для Соборного Уложения).

Указанные артикулы применялись не только в воинских, но и в общегражданских судах. Исследователь истории Тайной канцелярии петровского времени В. И. Веретенников отмечает, что она считала «своими правовыми нормами вторую главу Уложения и... параграфы Воинских Артикулов»¹⁴. Применялись, как правило, арт. 19 и 20, но случались ссылки и на другие артикулы. Тот же автор делает вывод об использовании при решении дел и определении меры наказания второй главы Уложения и Артикула воинского в 1731–1762 гг. Когда в 1754 г. в Тайной канцелярии была сделана попытка составить проект закона об ответственности за государственные преступления, в основу этого проекта был положен Артикул воинский Петра I¹⁵.

Обвинение против А.Н. Радищева основывалось на статьях Соборного Уложения, артикулах кн. V Устава морского, Артикуле воинском. Судебная палата приговорила Радищева к смертной казни со ссылками на указанные нормативные акты. Сенат утвердил решение палаты, указав: «...По силе Воинского устава 20 Артикула... отсечь голову»¹⁶. Известно, что декабристы были осуждены тоже на основании норм Соборного Уложения и Артикула воинского и других нормативных актов Петра I¹⁷.

Артикулом воинским, Уставом морским (кн. V, гл. I, гл. XII–XIII) была конкретизирована ответственность за различные формы измены.

Арт. 19 говорит об измене в форме вооруженного выступления против царя, а также в форме насильственных действий, направленных лично против монарха. Арт. 20 признает формой измены оскорбление царя, осуждение его действий или намерений. Толкование существенно дополняет содержание артикула, устанавливая наказание за те же действия, совершенные против супруги и детей царя.

Как измена в арт. 99 квалифицировалась и перебежка к неприятелю (как и в ст. 20 гл. VII Соборного Уложения 1649 г.). При этом наказывалась так же «сговор многих людей» совершить это преступление. Виновные объявля-

лись шельмами и изменниками. В случае поимки к ним применялась непосредственная репрессия – «без всякой милости и процесса повесить... надлежит». К изменникам приравнивались и переметчики, то есть лица, попавшие в плен, получившие возможность освободиться, но не вернувшиеся в свою часть.

Глава пятнадцатая Артикула воинского «О сдаче крепостей, капитуляции и аккордах с неприятелем» и арт. 68 кн. пятой Устава морского устанавливали наказания за измену, совершаемую во время войны в форме «желания сдаться» неприятелю.

Артикул воинский выделяет различные проявления такой измены. Так, арт. 117 говорит о заключении договора с неприятелем или объявлении капитуляции целой воинской части с целью сдачи города, крепости без ведома и указа высших воинских властей и государя. Самовольные переговоры «о сдаче крепостей, капитуляции и аккордах с неприятелем» влекли смертную казнь для начальника, повешение каждого десятого рядового по жребию и наказание плещутенами остальных (арт. 117, 119). То же полагалось за неударжание коменданта от преждевременной сдачи крепости (арт. 120). Артикул требует выяснения обстоятельств дела и освобождает от ответственности тех, кто сможет доказать либо свою непричастность, либо несогласие с действиями офицеров.

Соборное Уложение и ранее выделяло подобные формы измены. Так, в гл. II, ст. 3-4, говорилось о тех, «кто... недругу город сдает изменой», «кто умышленно город зажжет», а в гл. VII, ст. 20 – об измене ратных людей. Но Артикул воинский детальнее формулирует составы подобных преступлений, ответственность коменданта крепости, офицеров, условия крайней необходимости, освобождающие от ответственности. При определенных условиях, в состоянии крайней нужды, и надлежащим образом крепость могла быть сдана неприятелю (арт. 123 подробно излагает эти условия). Как измена расценивались распространение паники в войсках, нежелание идти в бой или работать, «где повелено будет» (арт. 121-122).

Глава шестнадцатая Артикула воинского «О измене и переписке с неприятелем» и одноименная глава двенадцатая книги пятой Устава морского были посвящены измене в форме информационного содействия неприятелю и выдачи военной тайны. Арт. 128 отличает измену от разглашения военной тайны, определяя наказание лиц, нарушающих запрет писать о воинских делах, войске и крепости. Указанные составы преступлений впервые были четко определены именно в военно-уголовном законодательстве Петра I.

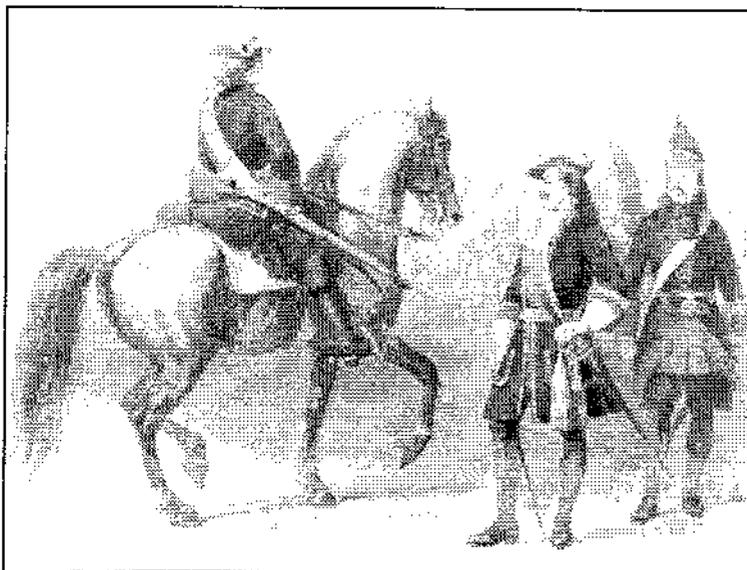
Кроме уголовно-правовых норм в главе содержатся и административные предписания. Так, арт. 124 запрещает переписку с лицом, находящимся у неприятеля (даже сына с отцом); определяет порядок отсылки писем пленными (последние не имели права запечатывать письма без проверки их содержания комендантом). Арт. 126 устанавливает требование осмотрительности при сообщении пароля. Запрещалось сообщать пароль неприятелю или подавать последнему знак стрельбой, пением, криком, огнем (арт. 125), разглашать сведения о состоянии воинских дел и крепостей (арт. 128), принимать и распространять неприятельские листовки или манифесты, особенно такие, «чрез которых робость солдатам причинена быть может» (арт. 130-131). Арт. 132 требует сохранения в тайне сведений, полученных о неприятеле.

В соответствии с вышеуказанными артикулами измена могла выражаться в передаче неприятелю сведений (арт. 124); в сообщении неприятелю пароля или лозунга, подаче последнему знака стрельбой, пением, криком, огнем и т. п. (арт. 125). Арт. 125 различает передачу пароля в изменнических целях или без них. В последнем случае применялся арт. 49.

Кроме того, изменой признавалось содействие неприятельской пропаганде: распространение листовок или манифестов неприятеля (арт. 130); распространение фальшивых и изменнических документов (ведомостей), возбуждающих панику среди солдат (арт. 131).

Арт. 129 устанавливает наказание за доноительство не только об изменниках и шпионах, но и о других подозрительных людях.

4. Ответственность за коллективное **возмущение и бунт** определялась артикулами главы семнадцатой Артикула воинского «О возмущении, бунте и драке» и одноименной главы тринадцатой книги пятой Устава морского. В этих главах предусматривались наказания за неординарные по своему содержанию деяния, включая как действия военнослужащих, так и иные массовые выступления. Наиболее полно понятие этого преступления: «всякий бунт, возмущение или упрямство» – было сформулировано в арт. 137 Артикула воинского.

А.И. Шарлемань.
Драгуны времен Северной войны (1720-е гг.). 1871 г.

К бунту приравнивались «непристойные подозрительные сходбища», хотя бы и не ради преступных целей, просто разного рода «собрания... для советов каких-нибудь или для челобитья», а также подачи коллективного прошения (арт. 133)¹⁸.

Запрещались сходки и совещания солдат, коллективные выступления в чью-либо защиту. Арт. 133 устанавливает для зачинщиков смертную казнь через повешение, для других – наказание, предусмотренное арт. 95. Арт. 134 требует от офицеров всячески препятствовать сходбищам, указанным в предыдущем артикуле. Офицеров, давших повод для сходбища, позволивших его, допустивших его созыв, наказывали лишением чести, имени и живота.

Как бунтовщики карались военнослужащие, отказавшиеся выполнять свои обязанности из-за неуплаты им жалованья (арт. 68). Устав морской приравнивал к бунту неявку на смотр, а также публичный, на собрании военных людей «крик о жаловании или пище» (арт. 54, 60 кн. пятой).

Арт. 135 говорит об ответственности за провоцирование бунта и возмущения «словом, или делом, или писанием». Ответственность наступала и при непосредственном совершении преступления, и при подстрекательстве к нему через других лиц.

5. Военно-уголовное законодательство Петра I впервые в русском уголовном праве закрепляет систему наказаний. Ей посвящена последняя нумерованная глава «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» (1715), которая называлась «О оглавлении приговоров в наказаниях и казнях».

Одной из важнейших целей наказания¹⁹ по законодательству Петра I, так же, как и по Соборному Уложению, было устрашение. Не случайно Генеральный регламент (гл. 47) содержал общее положение: «Надлежит публичному месту быть, где в указанное время все наказание на теле и лишение живота чинено быть имеет, дабы всяк смотря на то от таких погрешений и преступлений себя мог охранять».

Цель устрашения наиболее явно просматривается при рассмотрении предусмотренных военно-уголовным законодательством наказаний за государственные преступления. Практически единственным видом наказания за них признается смертная казнь (лишение живота). Ни каторжные работы, которые получили в то время широкое распространение, ни лишение свободы, ни ссылка сами по себе за «оскорбление величества, измену и бунт» не предусматривались.

Как отмечалось в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб», «наказания смертные чинятца застрелением, мечем, виселицею, колесом, четвертованием и огнем». Военно-уголовное законодательство намного точнее, чем Соборное Уложение, определяло вид смертной казни. Так, Артикул воинский устанавливал четвертование за злоумышление против царя (арт. 19) и переписку с неприятелем (арт. 124). За последнюю форму измены Устав морской допускал также колесование. Повешение устанавливалось за бунт, возмущение или упрямство (арт. 137), за организацию незаконных сходбищ и собраний военных людей (арт. 133), за шпионство и подачу неприятелю «изменных знаков» (арт. 124-125), за призывы к сдаче крепости (арт. 121). Обезглавливание предусматривалось за «хулильные слова» о царе, порицание его действий и намерений.

Вообще для петровского законодательства характерны неопределенность наказаний и их множественность. Суд, как правило, мог выбрать любую из указанных в нормативном акте санкций по своему усмотрению²⁰.

В то же время это не относится к наказаниям за государственные преступления. Как правило, они были абсолютно определенными. Альтернативные наказания: «на теле или животом» – предусматривались лишь арт. 135 и 136 Артикула воинского за создание причины для бунта или возмущения и недонесении об этом преступлении, а также арт. 129 и 130 Артикула воинского за недонесение о подозрительных лицах и за принятие от неприятеля патентов или манифестов. При этом уже Устав морской (арт. 85, 87, 91, 93) за подобные деяния предусматривает лишь смертную казнь.

«Краткое изображение процессов или судебных тяжб» устанавливало, что «обыкновенные телесные наказания суть то, егда кто ношением оружия, сиречь мушкетов, седел, також заключением, скованием рук и ног в железа и питания хлебом и воды точию или на деревянных лошадах, и по деревянным кольям ходить, или битьем батогов. Жестокие телесные наказания в наших пунктах разумеваются, егда кто тяжелым заключением наказан, или сквозь шпипрутен и лозы бегати принужден; таков же, егда от палача (кнутом) бит и запытан железом или обрезанием ушей, отсечением руки или пальцев казнен будет, то ж ссылкой на каторгу вечно или на несколько лет».

Абсолютно неопределенную санкцию: «наказание» устанавливает только арт. 132 Артикула воинского (в арт. 89 кн. Пятой Устава морского – «под жестоким наказанием») за несанкционированное «объявление ведомостей о неприятеле». В то же время, можно предположить, что здесь имелось в виду телесное наказание.

В отношении офицеров применялись особые наказания: лишение чина и чести. Они предусматривались за разглашение военной тайны (арт. 128 Артикула воинского, арт. 84 кн. Пятой Устава морского). «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» выделяло легкое и тяжелое нарушение чести. «Легкое чести нарушимья наказания суть, егда которой начальной человек чину извержен или без заслуженного жалованья и без пасу (или отпускного писма) от полку отослан, или из государства нашего выгнан будет... Тяжелое чести нарушение, которого имя на виселице прибито, или шпага его от палача переломлена, вором (шелм) объявлен будет.

Надлежит знать всем, как с тем поступать, кто чести лишен, шелмован (то есть из числа добрых людей и верных извергнут):

1. Ни в какое дело ниже свидетельство не принимать.
2. Кто такого ограбит, побьет или ранит, или у него отымет, у оного челобитья не принимать и суда ему не давать, разве до смерти кто его убьет, то яко убийца судится будет.
3. В кампании не допускать, и единым словом, – таковой весьма лишен общества добрых людей, а кто преступит, сам может наказан быть».

Цельмование нередко применялось к изменнику наряду со смертной казнью (арт. 99, 124), так же, как и конфискация его имущества. Многие артикулы устанавливали наивысшую меру наказания – лишение чести, пожитков и живота для офицеров и децимацию (повешение каждого десятого) для солдат (арт. 117, 119, 120).

Предусмотрено и наказание без суда за призывы к сдаче крепости (арт. 121). Арт. 137 устанавливает за «бунт, возмущение или упрямство» не только повешение как наказание, но и непосредственные репрессии без суда с целью устранения и локализации бунтовщических выступлений – «винных на месте и в деле самом наказать и умертвить».

Наконец, в отдельных артикулах впервые выделяются признаки, отягчающие наказание. Так, в соответствии с арт. 124 Артикула воинского, если «измена великий вред причинит войску, землям, городу или государю», наказание «прибавляется рванием клешами». Допускаются и смягчающие обстоятельства – случаи, когда наказание «умалется, и преступитель сперва казнен, а потом четвертован бывает».

Таким образом, военно-уголовное законодательство Петра I, хотя и не заменяло Соборное Уложение, внесло много нового в определение ответственности за государственные преступления и оказало заметное влияние на дальнейшее развитие уголовного права России. Оно широко использовалось при составлении соответствующих глав т. XV Свода законов Российской империи.

¹ Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 16.

² Ромашкин П.С. Указ. соч. С. 25.

³ Российское законодательство X – XX веков. Т. 4. М., 1986. С. 318.

⁴ Развитие русского права второй половины XVII – XVIII вв. М., 1992. С. 47.

⁵ Прежде всего, Военный артикул Густава II Адольфа 1621–1632 гг. с изменениями, внесенными Карлом XI в 1683 г.

⁶ Петр принимал иностранные законы лишь после опытов в войне и критической их оценки. Бобровский П.О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первоначальных изданиях: Ист.-юрид. исслед. СПб., 1837. С. 77.

⁷ Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом. Ч. I. Вып. 2. СПб., 1886. С. 708.

⁸ Устав морской, кн. V, гл. XX, арт. 143 («На преступлении, на которые в сей книге примеру нет, чинить решение с совету и доносить в коллегии»).

⁹ В 1721 г. в ходе законопроектных и квалификационных работ было подготовлено более 200 новых статей, в том числе о государственных, частных (партикулярных) и уголовных преступлениях.

¹⁰ Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957. С. 26.

¹¹ ПСЗРИ. Т. V. № 2877.

¹² В современном уголовном праве недоносительство и заранее не обещанное укрывательство рассматриваются как прикосновенность к преступлению.

¹³ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. С. 129–130.

¹⁴ Встретников В.И. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910. С. 187.

¹⁵ Встретников В.И. Из истории Тайной канцелярии 1731–1762 гг. Очерки. Харьков, 1911. С. 47.

¹⁶ Солодкин И.И. Очерки по истории русского уголовного права. Л., 1961. С. 68–69.

¹⁷ Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 56.

¹⁸ Это совпадает с положением Указа Петра 1706 г., в котором запрещалось коллективно обращаться с жалобами.

¹⁹ Устав морской вводит термин «штраф» вместо термина «наказание». Этот термин применяется, в частности, в заголовке кн. V Устава морского, содержащей уголовно-правовые нормы.

²⁰ Клеандрова В.М. Уголовное законодательство // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 736.

САНКТПЕТЕРБУРГСКАЯ* КРЕПОСТЬ, КРОНВЕРК И РАЗВИТИЕ САНКТПЕТЕРБУРГСКОГО ОСТРОВА В 1703–1761 гг.

Территория Санкт-Петербурга севернее Петропавловской крепости является одной из самых значимых зон в развитии города на Неве. Она отражает важнейшие, характернейшие особенности исторического процесса зарождения и преобразования Санкт-Петербургской застройки. О развитии данных территорий написано огромное количество специальных статей, ему посвящены большие фрагменты текстов крупных монографий. Ведь с 1703 г., при Петре Первом, рассматриваемые территории являлись главными территориями формирования молодого Санкт-Петербурга. Восточнее Санкт-Петербургской крепости размещались первая и главная общегородская и общероссийская площадь – Троицкая – с первыми торговыми рядами и первыми административными зданиями – Коллегии, севернее Крепости – первые пристани и первый Санкт-Петербургский порт, западнее – Канцелярия Санкт-Петербургской губернии, Мытный двор, первые в городе склады, и первые бойни. По периметру всех осваиваемых территорий располагались многочисленные первые жилые слободы: Старая и Новая Русские, Татарская, Английская...

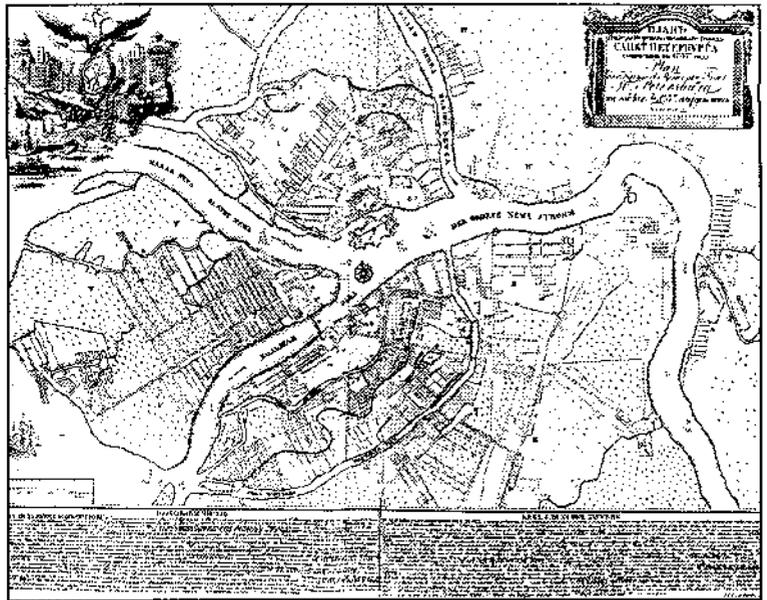
Естественно, об этой территории, в первую очередь о Троицкой площади, писали все исследователи раннего Санкт-Петербурга: О.Г. Агеева, Е.В. Анисимов, Ю.Н. Беспятых, И.Э. Грабарь, М.В. Иогансен, С.П. Луппов, В.В. Мавродин, Ю.М. Овсянников, Н.И. Павленко, П.Н. Петров, Г.И. Тимченко-Рубан¹ и многие другие. Но история Санкт-Петербургского острова не ограничивается историей Троицкой площади во времена Петра I Алексеевича. Санкт-Петербургская крепость, Кронверк, Пороховой зеленый завод, слободы гарнизонных полков и Канцелярии городских дел, Аптекарский сад и Провиантские магазины, многие храмы, жилые слободы, рынки... – все это заслуживает специального, особого изучения. Санкт-Петербургская крепость и Кронверк до середины XIX в. фактически предопределяли развитие всей Санкт-Петербургской стороны. Поэтому историческая судьба непосредственно Крепости и Кронверка столь значима для истории Санкт-Петербургской стороны. Одновременно история окружающей этот мощный фортификационный узел застройки, история «всей остальной» Санкт-Петербургской стороны, заслуживает не меньшего внимания. Основываясь на архивных данных, можно отметить значительную индивидуальность пространственной, архитектурной, функциональной и общекультурной биографии Санкт-Петербургской стороны. В настоящее время мы обращаем внимание на следующие характерные этапы развития данных территорий: до 1703 года, 1703–1736, 1737–1761 годы.

До 1703 года

История дельты Невы и островов уходит в глубокую древность. За столетия до основания Санкт-Петербурга на островах уже существовали селения новгородцев, затем москвичей, а с первой половины XVII в. – шведов и финнов. Устье Невы известно еще по древнерусским летописям и скандинавским сагам. Нева являлась важнейшим водным путем на трансконтинентальных трассах, соединявших Северную Европу и Византию, Среднюю Азию, Восток. Со времен варягов известен «Восточный путь», проходивший по Балтийскому морю, Неве, Ладожскому озеру, Волхову и далее выходящий на Днепр («Путь из Варяг в Греки») или на Волгу («Великий Волжский путь»). Современное Балтийское море новгородцы (славяне и жившие рядом с ними прибалтийско-финские племена «воть», «ижора», «карела», «весь», «лопь» и другие) называли «Варяжским», а скандинавы (варяги) – «Восточным морем»². Борьба за контроль над устьем Невы, всей Невой и Ладожским озером была очень напряженной. Издревле эти земли являлись коренными новгородскими территориями. Защита Невы всегда была одной из важнейших задач Новгородского государства. Известны многочисленные попытки захвата Невы иностранными войсками. Впервые Нева упомянута в Новгородской Первой летописи в статье 6748 (1240) г. в связи с крестовым походом шведов на Неву, Ладогу и Новгород. Новгородские войска под командованием князя Александра остановили их, затем разгромили в знаменитой Невской битве. Сама битва произошла в устье Ижоры. Невская битва изучена очень подробно. Чаще всего внимание исследователей привлекали темы именно битвы. Но в данном случае хотелось бы отметить, что события Невской битвы охватили не только место впадения Ижоры в Неву. В летописи описаны действия на гораздо более обширном пространстве, включая зону современных Петроградского (Санкт-Петербургского) и Васильевского островов, взморья. В летописи есть запись: «В лето 6748 (1240). Придоша Свен в силе велице, и Мурмане, и Сумь, и Емь в кораблехъ множество много зело; Свен съ княземъ и съ пшкupy своими; и стаща в Неве устьи Ижеры, хотяче всприяти Ладогу, просто же реку и Новгородъ и всю область Новгородскую»...³.

* В статье сохранено историческое написание географических названий, топонимов и некоторых терминов.

Шведы собрали войско под началом военных руководителей, с участием католических епископов для крещения в латинскую веру не католиков (православных, язычников), соединились с отрядами своих данников «мурман», прибалтийско-финских племен «суми», «еми» и направились в Неву. В начале XIII в. здесь находился сторожевой пост новгородских дружинников, охранявших входы в Неву и начало Великих торговых путей от вторжения ватаг разбойников и от нашествия враждебных Великому Новгороду немецких и шведских рыцарей. Так, из продолжения летописного текста известно, что отряд воинов из коренного прибалтийско-финского племени «ижоры» под руководством старейшины и воеводы Пелгусия (в православном крещении Филиппа) охранял вход в Неву из Варяжского моря: «...И се пакы бе некто муж старейшина в земли Ижерьской, именем Пелгусии, поручена же бе ему стража морская... Стоящу же ему при краи моря, стерегушу обои пути, и пребусть всюю ночь въ бденни...». Здесь даны указания на «обои пути», эти слова можно расшифровать как «два фарватера».

«Планъ Императорскаго столичнаго города Санктпетербурга сочиненной въ 1737 году» (фрагмент)

Вплоть до середины XVII в. общий фарватер из западной части Финского залива в Неву шел севернее современного острова Котлин, а восточнее Котлина разделялся на «Старый фарватер» и на «Средний фарватер» (эти фарватеры изображены на некоторых старых, XVII в., шведских гидрографических картах, названия «Старый» и «Средний» относятся уже к шведскому времени). Современного «Южного или Нового фарватера» (как обозначено на шведских картах с конца XVII в. и на русских картах XVIII в.) еще не знали. «Старый фарватер» проходил в северной части залива, между современными Елагиным, Крестовским и Каменным островами, затем выходил на современную Большую Невку. «Средний фарватер» шел между современными Васильевским и Петроградским островами. Знание трасс фарватеров позволяет приблизительно определить место нахождения новгородского сторожевого поста, на котором в 6748 (1240) г. размещалась дружина Пелгусия. Это могла быть западная оконечность современного Крестовского острова или один из малых островков, которые соединили с Крестовским островом при создании в XX в. Кировского стадиона. Таким образом, территория современной Санкт-Петербургской стороны уже звучала в первом летописном известии.

Следующее особо пристальное внимание к Неве, точнее – к ее дельте – относится к 6808–6809 (1300–1301) гг. Известные события этих лет нашли отражение одновременно в новгородских летописях и в скандинавских сагах. В 6808 (1300) г. шведские войска вошли в Неву. В составе войск были мастера из Рима, они быстро выстроили в устье р. Охты крепость Ландскрону (Венец земли), поставили гарнизон с воеводою Стенем. Летом того же года ладожане неудачно пытались выбить шведов из устья Охты. Весной 6809 (1301) г. новгородские дружины под началом князя Андрея подошли к Ландскроне и 19 мая штурмом взяли ее, избили шведский гарнизон, пленных увели, а крепость сожгли. В летописи об этом говорится достаточно лаконично: «...Въ лето 6808... Того же лета придоша изъ заморья Свен в силе велице в Неву, приведоша изъ своен земли мастера, из великого Рима от папы мастеръ приведоша нарочить, поставиша городъ надъ Невою, на усть Охты реки, и утвердиша твердостию несказанною, поставиша в немъ пороки, похвалившесе оканьнии, нарекоша его Венець земли: бе бо с ними иаместникъ королевъ, именемъ Маскалка; и посадивше въ немъ мужи нарочитыи с воеводою Стенемъ и отъидоша; князю великому тогда не будуще в Новегороде. Въ лето 6809. Приде князь Великий Андрей с полкы низовьскими, и иде с новгородци къ городу тому, и приступиша к городу, месяца мая 18, на память святого Патрикия, въ пятюк предъ Сшествиемъ святого духа, и потягнуша крепко; силою святыя Софья и помощю святою Бориса и Глеба твердость та ни во чтоже бысть, за выскоумье ихъ; зане всуе трудъ ихъ безъ божня повеления: градъ взятъ бысть, овыхъ избиша и исекоша, а иныхъ изъязвеше поведоша с города, а градъ запалиша и розгребоша...»⁴.

В шведской «Хронике Эрика, или древнейшей Рифмованной Хронике» эти же события описаны гораздо более подробно. Здесь дано описание подготовки шведского марскалка (воинского начальника) Торгильса в поход, снаряжения большого флота и сбора более 1100 воинов, решивших «более не падить язычников» (т.е. православных славян и коренных прибалто-финнов), остановки этого флота в удобной гавани в устье р. Охты на Неве. Охта названа Черной рекой. Шведы поставили корабли вплотную друг к другу, перегородив всю реку. Некоторые исследователи предполагали, что шведский флот был размещен на Неве, он был таким огромным, что корабли

ских и московских селений начато строительство шведского города Ниена. Затем в 1656–1661 гг. рядом с городом Ниеном выстроена крепость Ниеншанц.

В XVII в. земли дельты Невы входили в Спасеской погост Нотебургского лена. В это время взамен вытесняемого древнего православного славянского и прибалтийско-финского населения на берега Невы прибыли десятки тысяч финнов из областей Саво и Эврепя (позднее назвавшиеся финнами-ингерманландцами), а также небольшие группы шведов и немцев. Приблизительно с 1640–1650-х гг. проведена была замена древнерусской топонимики на финскую и шведскую. Современный Елагин остров стал называться – Мистулла (Mistulla), современный Крестовский остров – Ристисаари (Ristisaari), Каменный остров – Кивисаари (Kivisaari), Аптекарский остров – Корписаари (Korpisaari), Петроградский (Санкт-Петербургский) остров – Койвисаари (Koivisaari), Петровский остров – Палсисаари (Palsisaari), маленький островок в устье современной реки Карповки – Килисаари (Kilisaari), Заячий остров – Енисаари (Ienisaaari), Васильевский остров – Хирвисаари (Hirvisaari), Вольный остров – Кервиги (Kerwitz), Адмиралтейский остров – Усадица (Usaditza), территория между современными реками Мойкой и Фонтанкой – Перузина (Perusina), Матисов остров – Калласаари (Kallasaari), Гутуевский остров – Витсисаари (Witsisaari), Канонерский остров – Кивисаари (Kivisaari), небольшой островок в самом устье Большой Невы – Ламмасаари (Lammasaari). Резвый остров назывался – Алайсаари (Alayasaari). Современный остров Котлин, на котором расположен Кронштадт, имел в шведский период название Ретусаари (Ritusaari).

Но мы сейчас не можем подробно останавливаться на огромном комплексе допетербургских данных, нам приходится «перескакивать» через века и более внимательно рассмотреть времена от Петра Первого вплоть до Елизаветы Петровны.

1703–1736 годы

Создание Санктпетербурга началось с основания Санктпетербургской крепости. Известны многие этапы строительства и реконструкций Крепости⁸. Одновременно с работами в Санктпетербургской крепости развернуты были работы на Городовом острове. 24–26 мая (4–6 июня) 1703 г. на берегу Невы у ручья, почти там, где ранее (при шведах) существовал двор семьи Лейя, выстроили маленький деревянный домик Петра I. В октябре–ноябре 1703 г. последовал указ о закладке неподалеку церкви «в знак благодарения Троиединому Божеству». Но работы не были начаты⁹. Практически одновременно восточнее деревянного царского домика начала возникать слобода военных и вельмож. Севернее, в зоне будущих Малой и Большой Посадских улиц, появилась слобода строителей крепости.

Шведское командование не смирилось с потерей невских территорий¹⁰. Уже в июле 1703 г. от Выборга в сторону строящейся крепости Санкт-Питеръ-Бурхъ направлени отряд генерала Крониорта. Отряд перехвачен и разбит у реки Сестры, на старой русско-шведской границе. Вплоть до осени 1703 г. в Финском заливе крейсировала эскадра шведского адмирала Нумерса. В июле 1704 г. восьмитысячный отряд генерала Майделя и эскадра адмирала Пру совместно предприняли попытку с суши и моря пробиться к Крепости. 12(23) июля войска Майделя захватили Каменный остров (остров Кивисаари) и с севера двинулись на Крепость, но были отбиты. Эскадра адмирала Пру подошла к острову Ретусаари (русские называли его тогда остров Рычарт) и попыталась прорваться по «Новому фарватеру» к Неве. Но уже стоял выстроенный зимой 1703–1704 гг. Кроншлот, а на о. Рычарте устроены артиллерийские батареи. В августе – новая попытка генерала Майделя: его войска с севера от Крепости прошли к полуразрушенному Ниеншанцу в надежде переправиться на левый берег Невы. В январе отряд шведов под командованием того же Майделя вознамерился захватить Кроншлот по льду, но был отбит. С весны 1705 г. снова начаты попытки войск Майделя и военной эскадры Анкерштерна захватить и разрушить Санкт-Питеръ-Бурхъ и Кроншлот. 4–14 (15–25) июля 1705 г. шведская эскадра решила прорваться в Неву мимо Кроншлота, возведенных на острове Рычарт русских батарей и перегоревших фарватер русских фрегатов, но была остановлена, и «**неприятели с великим смущением парусами и буксиром побежали...**»¹¹. 19(30) июня–24 июня (5 июля) сухопутный отряд Майделя снова захватил Каменный остров (остров Кивисаари), шведы даже устроили там 3 артиллерийских батареи вдоль юго-восточного берега острова. Генералу Брюсу пришлось срочно возводить земляные укрепления напротив этих шведских батарей по северо-западному берегу современного Аптекарского острова, вплоть до современной р. Карповки. Отряд Майделя не смог прорваться к городу, но шведские войска прошли по правому берегу Невы до Ниеншанца и до Шлиссельбурга, переправившись в восток Невы на левый берег. Здесь у Шлиссельбурга шведы были настигнуты, разбиты и отсюда бежали к Выборгу. 14–15 (25–26) июля шведская эскадра Анкерштерна снова пыталась прорваться к Неве.

Таким образом, уже в 1705 г. ясно проявились военные угрозы с западного и северного направлений. В ответ на эти угрозы продолжала формироваться система фортификационных сооружений в дельте Невы и на Финском заливе. Одним из существенных узлов всей обороны стал срочно возводимый к северу от Крепости Кронверк. По некоторым данным земляной Кронверк существовал уже в 1705–1708 гг. Но более вероятной датой начала Кронверка можно считать 1707 г. В 1707 – 1708 гг. был возведен земляной Кронверк с бастионом и четырьмя полубастионами. В марте 1709 г. Петр I Алексеевич собственноручно подготовил новый чертеж «контршарпов» вокруг Кронверка, в конце апреля 1709 г. этот чертеж получил Р.В. Брюс. Намечено было строительство каменного Кронверка. С апреля 1709 г. по этому чертежу Кронверк начали перестраивать с устройством каменной облицов-

ки и каменных сооружений. Руководил работами Р.В. Брюс¹². В самой протоке между Крепостью и Кронверком с сентября 1705 г. вплоть до 1720-х гг. была организована зимняя стоянка кораблей Военно-морского флота¹³ и торгового флота России. Этот порт назывался Плицовой гаванью, что известно еще по письмам К.И. Крюйса, и был первым портом нового российского города на берегах Невы (на плане «де Ферра» 1717 г. этот порт назван «Порт Фрегатов»¹⁴). Из Крепости на Городской остров еще с 1703 г. устроили деревянный плашкоутный мост. В марте-октябре 1706 г. северная часть моста была укреплена на Городском острове специальным рavelином с 8 пушками и ротатками¹⁵.

Выявленные архивные материалы, сопоставленные с данными ряда исследований, в первую очередь с результатами кропотливых работ, проведенных параллельно в Департаменте Военных поселений до 1843 г. под руководством Действительного статского советника Майера¹⁶ и в Военно-Топографическом депо до 1846 г. под руководством генерал-майора Ф.Ф. Шуберга¹⁷, исследования С.П. Луппова¹⁸ позволили более точно прояснить сложную картину многоэтапного освоения территорий островов.

На Городском (Городовом) острове рядом с домиком Петра I Алексеевича с первых лет города начато строительство слободы для самых ближних сподвижников. Приблизительно в 20 саженях к северо-востоку от домика Петра в 1703 г. построен деревянный «на высоких погребках» дом А.Д. Меншикова. Дом был создан «покоем», имел высокий шпиль над центральной частью, отличался пышностью архитектурной отделки фасадов и интерьеров. Он имел первый в городе зал, в котором принимали иностранных послов, устраивали дипломатические приемы. Поэтому сам дом стали называть «Посольским»¹⁹. Здесь 10(21) июня 1710 г. был подписан важный для дипломатии России брачный договор между племянницей Петра I Алексеевича Анной Иоанновной и герцогом Ф.-В. Курляндским. По береговой линии (приблизительно в зоне современной Петровской наб.) размещались первые слободы служивых людей. Западнее домика Петра I перед въездом на мост в Крепость на возникавшей традиционной для российских и западно-европейских городов торговой площади перед крепостным мостом в том же 1703 г. была построена Торжественная Австрия 4-х фрегатов – питейное заведение и одновременно некоторое подобие постоянного двора. Недалеко от моста возникла первая городская (будущая Троицкая) пристань. Чуть севернее от нее в 1705 г. срублены первоначальные торговые ряды, а еще севернее выстроена первоначальная биржа. А строения и шалаши рабочих формировали несколько разрозненных слобод, размещавшихся приблизительно между берегом Невы (современной Большой Невки) и современной Большой Вульфовой улицей, между современными Большой и Малой Посадскими улицами, в зоне современных Сытного рынка и зоопарка. Вдоль Невы возникала Русская слобода. По берегам Невы и проток сохранялись деревни, существовавшие со шведских времен. К 1706 г. этих территорий изначальной застройки стало не хватать, в полутора километрах на запад появились Новая Русская слобода, Татарская слобода с Татарским рынком. Здесь же, ближе к протоке и к стоянке галерного флота, в Плицовой гавани с осени 1705 г. были построены четыре деревянных барака для галерных каторжных невольников (арестантов) и для соответствующей охраны. «...Несколько ниже по течению реки находится слобода русского простонародья, или предместье, где живет преимущественно чернь. За кронверком у самой реки стоит несколько длинных строений, в которых на зиму носеляют галерных арестантов. Затем следует Татарская слобода, где живут сплошь татары, калмыки, казаки, турки и другие подобные народы в соответствии со своими обычаями. Там можно увидеть весьма изысканное домашнее хозяйство...»²⁰. В 1708 г. сюда, за западные границы существовавшего уже тогда города, и ниже по течению Невы перенесены Мытный двор и бойня. В 1710 г. севернее бойни устроены Мясные и Рыбные ряды.

1709–1710 гг. внесли новые значительные изменения в застройку Троицкой площади. 5 (16) апреля 1709 г. вышел новый Государев указ о строительстве на формируемой площади Троицкой церкви. По этому указу собрано в городских часовнях 5000 рублей 26 алтын 5 денег на строительство деревянной церкви²¹. Работы начались. 10(21) июля 1711 г. деревянная Троицкая церковь освящена²². В 1711 г. от гласиса Кронверка на север почти до современной р. Карповки, затем прямо на восток до Большой Невы (так тогда называли современную Большую Невку) устроено палисадное укрепление со рвами. Оно четко определило территорию самого города того времени. Вся застройка вне палисадного укрепления относилась к предместьям. По периферии острова, вне города, появились военные слободы и военные объекты: севернее Татарской слободы размещена слобода Белозерского полка (с 1711 г.), на самом западе Городового острова, в устье современной р. Карповки создана слобода Колтовского полка (с 1711 г.), который должен был охранять размещенные в 1710 г. на островке в самом устье р. Карповки Пороховые зеленые заводы. Внутри палисадного укрепления находились не только Кронверк, но и слобода батальона Канцелярии городовых дел (с 1706 г.?), а западнее Русской слободы выстроен Оружейный двор (в 1712 г.). Сюда, к Оружейному двору, в 1714 г. переведут Новые Ростовские ряды.

Зону вокруг выстроенной деревянной Троицкой церкви стали постепенно расчищать от стихийно возникшей застройки. В 1706 г. убрали от нее первоначальные Торговые ряды, переместив их на берег Невы, ближе к домику Петра I Алексеевича. 28 июля 1710 г. сгорели эти торговые – Ростовские – ряды у пристани²³. Сразу же их перенесли в западную часть первоначальной Русской слободы, а в 1714 г. вынесли еще северо-западнее, к устроенному в 1711 г. вокруг города палисадному укреплению со рвом. К 1710–1711 гг. реконструировали и деревянный мост в Крепость. Теперь он стал постоянным подъемным мостом с двумя разводными частями²⁴. В конце 1709 г. у моста устроена пристань, получившая название Троицкой. От моста в 1711 г. на новое, практически

современное место переведен Сытный рынок. Тогда же у истоков современной Карповки обустроен еще один Мясной ряд. В 1711 г. рядом с Торжественной Австерией построен «образцовый мазанковый дом», переданный для размещения Типографии. В 1713–1717 гг. на северной границе возникавшей общегородской площади возведен на каменном фундаменте мазанковый Большой Гостиный двор. Он был двухэтажным, с наружной галереей и черепичной кровлей. По его главной оси во внутреннем дворе протекал ручей. С востока от Большого Гостиного двора в самом начале Посадской улицы в 1713–1714(?) гг. поставлена «Фатерная изба» – казенный Постоялый двор для торговых людей. Между домиком Петра I Алексеевича и Троицкой церковью от Невы в сторону Большого Гостиного двора с 1714 г. велось строительство сначала четырех, а затем еще двух мазанковых зданий для Коллегий и Правительствующего Сената. Сенат прибыл из Москвы в 1713 г. и вынужден был пока размещаться в деревянном одноэтажном доме в Санктпетербургской крепости. Строительные работы велись в мазанковых (т.е. фахверковых, «на прусской манер») зданиях «...на Посольскую, на Сенат, на Военную, на поместную, на Ссудную и на Счетную и на Канцелярию Коммерции...»²⁵. По декабрьской подворовой описи 1713 г. в западных предместьях Городского острова существовали Первая, Вторая, Третья слободы Белозерского полка, Колтовская и Татарская слободы. Среди поселившихся здесь жителей преобладали солдаты и офицеры Белозерского и Выборгского полков. В Татарской слободе из 70 застроенных участков 21 принадлежал торговцам из казанских татар. По линии будущего Большого пр. тянулась изгородь с воротами. Она защищала слободы не от шведов, а от волков, водившихся в те времена на острове в изобилии.

В первые годы Санкт-Питер-Бурха на Городском острове было возведено несколько храмов. На возникавшей общегородской площади в 1710–1711 гг. выстроен деревянный Троицкий собор, ставший главным храмом Петра I Алексеевича, всей царской фамилии, Санктпетербурга. В 1713 (или в 1714) г. к Троицкой церкви пристроили приделы и трапезную, над которой была сооружена двухъярусная колокольня с курантами от московской Сухаревой башни²⁶. С западной стороны трапезной, где был главный вход в церковь с Троицкой площади, устроили большое Красное крыльцо²⁷. Севернее современной Большой Посадской ул. в 1712 г. построили деревянную церковь Рождества Христова, а в Новой Русской слободе – церковь Николая Чудотворца. В 1719 г. на этом месте была освящена церковь Успения Богородицы с приделом Св. Николая Чудотворца. Многие архивные материалы указывают на существовавшую тогда древнюю Никольскую дорогу (Никольскую улицу), которая вела от Кронверка на запад к берегу будущей р. Ждановки. На место чуть севернее от Мытного двора в 1710 г. из Санктпетербургской крепости перенесена лютеранская церковь Св. Анны. В 1721 г. к Новым Ростовским торговым рядам у остатков палисадного укрепления перемещен из Санктпетербургской крепости первоначальный храм, собран и заново освящен как церковь Св. Матвея. В загородной усадьбе генерала Р.В.(?) Брюса, находившейся на южном берегу современной р. Карповки, также была выстроена лютеранская церковь.

Восточнее домика Петра I Алексеевича по береговой линии находились участки князя М.П. Гагарина (с 1713 г.), генерала Р.В. Брюса (с 1712 г.), вице-канцлера П.П. Шафирова (с 1713 г., купившего одновременно соседний участок Брюса), Строева (с 1713 г.), графа Н.М. Зотова (с 1708 г.), на угловом участке у берега современной Большой Невки выстроен дом великого канцлера графа Г.И. Головкина (с 1710 г.). Дом Г.И. Головкина был первым кирпичным домом в молодом Санктпетербурге. За поворотом находились участки князя Ю.Ф. Щербатова, генерал-майора Г.П. Чернышева, сенатора Т.Н. Стрешнева, окольного и второго после смерти Н.М. Зотова «Князь-Папы» П.И. Бутурлина (с 1713 г.)²⁸. Далее – дом в «русском стиле» вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны, жившей вместе с дочерьми Екатериной, Анной, Прасковьей. Еще севернее на берегу стоял дом князя А.М. Черкасского. Севернее этой линии домов сразу начала формироваться будущая Дворянская улица. Так, в 1712–1714 гг. здесь по проекту Д. Трезини велось строительство кирпичного дома генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. На берегу Невы стоял дом Посольской канцелярии, в котором жил ее секретарь В. Степанов, а недалеко, в доме У.А. Сенивина размещалась Канцелярия городских дел. За ней велось строительство слободы мастеровых, ремесленников, купцов – это расширялась первоначальная Русская слобода. Сюда по указам 1709–1710 гг. везли семьи «переведенцев» (из «указного» числа 4720 семей), приписанных к Канцелярии городских дел (каменщиков и плотников)²⁹. Еще севернее, вдоль берега Невы и ближе к современной р. Карповке, в 1711 г. размещались «...два длинных лазарета для больных солдат...»³⁰. В 1713 г. Госпиталь Канцелярии городских дел располагался уже в 11 длинных казармах. И это несмотря на то, что с 1708 г. на Выборгской стороне велось строительство сразу двух огромных госпиталей – Сухопутного и Морского.

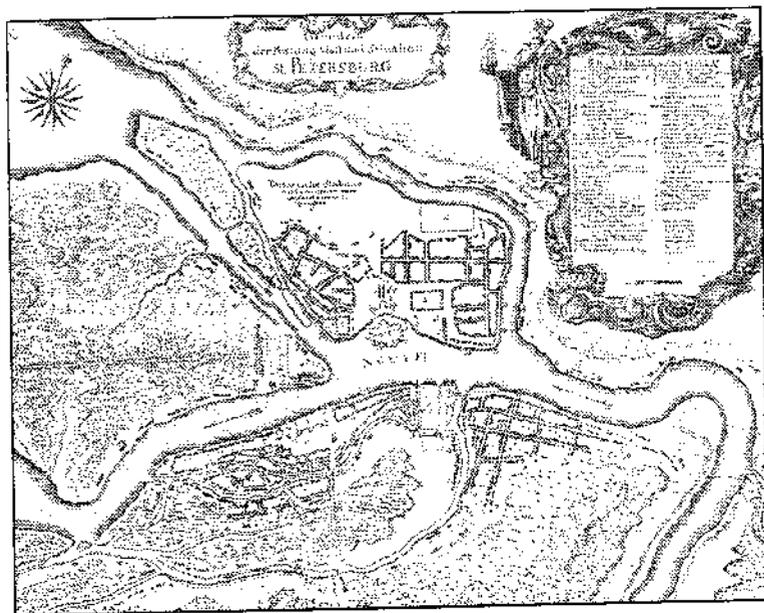
В доме стольника и «Князь-Папы Всешутейского и Всепьянейшего собора» Н.М. Зотова с 1708 г. проходили нарушавшие все правила западно-европейского этикета и древнерусского Домостроя собрания, в которых принимали участие царь и все сановники. В соседнем доме проживал стольник И.И. Ржевский, его жена была «Князь-игуменьей Всепьянейшего собора» и принимала активнейшее участие во всех оргиях и попойках. Их дочь, красавица Авдотья Ивановна, была «метрессишкой» царя, Петр называл ее иногда «Авдотья – бой-баба». Царь выдал ее замуж за своего денщика Г.П. Чернышева, сделав его генералом. Дом Г.П. Чернышева находился там же, на берегу Невы.

Но не только русские отличались необузданными страстями. Иностранцы старались ни в чем не отстать от русских. В том же 1708 г. из Москвы на берега Невы прибыл «британский дьяк» Виллим Лойд, один из крупнейших английских коммерсантов в России. Через год английская община создала на берегах Невы свой «всепья-

нейший великобританский монастырь». В это сумасбродное общество иностранцев постепенно вошли многие купцы, промышленники, ученые, математики, педагоги, медики, литераторы... Встречи «великобританского монастыря» проходили также на Городском острове³¹. К сожалению, подробного и точного изучения развития домовладений на этой территории еще не проводилось, поэтому досконального знания истории каждого участка нет.

Вплоть до 1711–1712 гг. освоение территорий города на восточной части Городского острова и всех предместий – на западной, на Васильевском острове, на Адмиралтейской стороне, на Московской стороне велось стихийно, без единого градостроительного плана. Возникавшие ведомственные (разных Приказов и уже возникавших Канцелярий и Коллегий) жилые и производственные слободы имели характер традиционных русских слобод с кривыми живописными улицами и традиционными деревянными домами с огромными садами и огородами на участках. Возникал необычайно обширный, живший очень интенсивной жизнью и столь же «мгновенно» застраивавшийся традиционный русский город.

Перевод столичных функций на берега Невы в 1710–1712 гг. заставил Петра Первого более амбициозно оценить создававшийся город. Традиционная живописность и отсутствие четкой регулярности планировочной структуры, неупорядоченность облика возникавшего города, претендовавшего теперь на статус российской столицы,

«План Крепости, города и ситуации Ст. Петербург» (на нем. яз.) – известный как «План Михаила Палибина» (фрагмент). Издан в альбоме «Планы Петербурга». Л., 1957. Ч. 1.

естественно, стали вызывать отрицание царя. Уже с этих лет Петр Первый пытался создать новую российскую столицу по новым для российского градостроительства канонам. Эти каноны во всей Европе были известны преимущественно по теоретическим трактатам, лишь отдельные небольшие замки, усадьбы и загородные ансамбли создавались и в Европе по регулярным градостроительным правилам. Все европейские столицы имели средневековый вид с узкими кривыми улочками и сплошными линиями средневековых зданий. Не было явного образца для подражания. Ни Амстердам, ни Венеция, ни Париж, ни Лондон не могли дать уже опробованных и реализованных на практике всеобъемлющих градостроительных решений.

Но это не остановило русского царя. Необходимо было создать совершенно новую российскую столицу. Стратегическая задача была сформулирована. Поэтому именно с 1712 г. начался этап «проб и ошибок», этап поиска наилучшего решения «ощупью», с многократными ошибками, без возможности получить однозначную подсказку с какой-либо стороны. Ведь и лучшие российские и европейские профессионалы не имели опыта создания такого по размаху и по задумкам столичного города. Известно несколько попыток Петра I Алексеевича создать новую столицу по новым градостроительным канонам на новом месте, не занимаясь реконструкцией уже сформировавшейся на Городском и Адмиралтейском островах традиционной деревянной застройки. Эти попытки создавать каждый раз новый столичный город начались с острова Котлин (в 1712 г.), затем продолжились на Московской стороне (в 1712 г.), потом – на Выборгской стороне (в 1714 г.), наконец, на Васильевском острове продолжалось саморазвитие нового российского столичного города. Одновременно с попытками уйти на новые территории, всегда на Городском острове продолжалось существование застройки Городского острова пошла еще интенсивнее³². Троицкая площадь становилась главной площадью России. На восточной границе площади в 1714 г. начали возводить здания Канцелярий, ставших затем Коллегиями. Исследования М.В. Иогансен показали, что указ о возведении зданий шести канцелярий на Троицкой площади подписан 28 апреля (9 мая) 1714 г.³³ В нем говорилось: «...Его царское величество указал при Санктпетербурге на Городовом острове построить шесть канцелярий прусским новым будинком против чертежа архитектора Андрея Трезина...»³⁴. Плотники «Семен Богачев с товарищи» до осени 1714 г. возвели деревянные остовы всех первых Канцелярий – по образцу каркасных фахверковых немецких зданий. Выстроено было четыре здания. В 1715 г. общие отделочные работы выполнили «Федор Тиханов с товарищи», крепостной крестьянин князя Ф. Долгорукого. Перед отъездом за границу Петр I Алексеевич осмотрел здания и повелел раздать их для окончательной отделки самим Коллегиям. Он собственноручно написал на чертеже, какие Коллегии где разместятся. В соответствии с этим царским предписанием Сенат своим распоря-

жением от 20(31) августа 1716 г. назначил дьяка И. Позднякова для наблюдения за ходом окончательной доделки здания Сената³⁵.

В процессе достройки зданий случались и неприятности. 15(26) января 1718 г. в первом корпусе от Невы, который должны были занимать Сенат и Военная Коллегия, произошел пожар³⁶. В Канцелярии городовых дел (начальник – князь А.М. Черкасский) принято решение «...погорелые канцелярии Сената и Военную делать вновь тем же манером...», плотники Олонедского и каменщики Ярославского уездов до конца года выполнили ремонт. Одновременно в том же корпусе, но в помещениях Посольской канцелярии и Удиенц-каморы – «...в первом корпусе от Невы реки, где имать быть посольская канцелярия и удиенц камора...», проводились внутренние штукатурные работы. В конце 1718 г. Сенат переехал из Санктпетербургской крепости в новое здание. Первое заседание Сената на новом месте состоялось 12(23) декабря 1718 г. Свое место заняли «...первые Коллегии, которые прежде построены были на Санктпетербургской Стороне из мазанок, на Троицкой Площади, близ Церкви Святыя Троицы, в 1714-м году. И по силе состоявшемуся в 1718-м году указу декабря 12 дня, первое в них заседание учредилося...»³⁷.

Здесь, на территории между Невой с Троицкой пристанью, строящимися Коллегиями и Сенатом, Большим Гостиным двором, большим портом с мостом в Крепость, проходили главные государственные торжества. Например, в честь победы Русского флота над шведами при Гангуте 26–27 июля (6–7 августа) 1714 г. именно на Троицкой площади была организована грандиозная церемония встречи победителей. Царь лично сочинил сценарий торжественного входа русских кораблей и плененных шведских судов в Неву. Утром 9(20) сентября 1714 г. процессия кораблей прибыла к Троицкой пристани. Сначала по Неве шли 6 русских галер, за ними – 3 «шербота» и 3 галеры шведские, им вслед проходили 12 российских галер, на одной из которых находился сам Петр I Алексеевич в чине шайтбейнахта (контр-адмирала). За российскими галерами плыл шведский фрегат «Олифант», на борту которого размещался плененный шведский шайтбейнахт Эреншилд. За «Олифантом» располагались еще 3 шведские галеры. Всю процессию замыкали 6 российских галер. Пока корабли проплывали по Неве, с Санктпетербургской и Адмиралтейской крепостей их сопровождал артиллерийский салют. Российские моряки-победители пришвартовались к Троицкой пристани и ступили на землю, пройдя через специально выстроенные Триумфальные ворота. Возглавлял торжественное шествие сам царь, за ним шагали офицеры и матросы доблестных экипажей, они несли многочисленные плененные штандарты и трофеи, рядом с ними по площади прошли шведские адмиралы и офицеры. Замыкали шествие батальоны Преображенского полка. Продолжение церемонии проходило в здании Сената, размещавшегося еще в Крепости Санкт-Питер-Бурх. В Сенате окруженный сенаторами «князь-кесарь» М.Г. Ромодановский торжественно объявил награды и поощрения отличившимся морякам, в том числе сообщил о присвоении Петру Михайлову (т.е. Петру I Алексеевичу) очередного чина вице-адмирала с годовым жалованьем в 2240 рублей³⁸.

Постепенное превращение Троицкой площади в общегородскую и общегосударственную площадь заставило более интенсивно развиваться и прилегающие территории. Зоны центральных функций и центральных объектов постепенно охватывали все большие территории. Севернее Большого Гостиного двора формировалась Конная площадь с традиционной торговлей лошадьми и упряжью. Западнее от нее в 1712 г. выстроен Оружейный двор. Севернее Оружейного двора вместо Ростовских торговых рядов в 1714 г. создан Винный отдаточный двор. К западу от этих объектов и по оси Кронверка развивался Сытный рынок.

Размещение на Городском острове главных государственных учреждений (Коллегий), главных губернских и городских учреждений (Канцелярий) привело к возникновению в разных местах Городского острова ряда правительственных административных и жилых слобод. Строительство на Троицкой площади зданий Коллегий и Сената потребовало размещения жилья для чиновников. Поэтому в 1714 г. чуть западнее Винного отдаточного двора возникла слобода чиновников Коллегии иностранных дел. Сначала дома слободы были мазанковые, а с 1722 г. их перестроили деревянными. На берегу Невы (современная Петроградская наб.) находились дома Посольской Канцелярии и Канцелярии городовых дел. В западном предместье, чуть южнее слободы Белозерского полка, размещалась Канцелярия Санктпетербургской губернии, она выстроена в 1714 г. и сгорела в 1720 г.: «...Канцелярия Губернская, деревянная, и при ней Острог для содержания в нем колодников, построен 1714-го года. Она же Канцелярия стояла на Санктпетербургском Острове, в Большой Николской Улице, по конец оной; и потом она же сгорела, в 1720-м году... и с того времени она же и отменилася. Главной в ней Член был Князь Меншиков, яко Губернатор Санктпетербургской, а по нем и всегда присутствующий был Вице-Губернатор Яков Никитич Корсаков с протчими лантратами, и притом несколько дьяков присутствовало...»³⁹.

В эти же годы решалась судьба окружающих островов. Столичный город не мог существовать без пригородных усадеб и дач для царской фамилии, высшей знати, чиновников и купцов. Поэтому среди прочих вопросов городской жизни стали определяться и места загородных дач и «забавных домов». Постепенно с неуклонным расширением территории, охваченной застройкой, от города все дальше отходили места, предназначенные для этого. Сначала в 1703 г. загородной царской резиденцией был Летний сад с Летним дворцом на Адмиралтейской стороне. Но быстрое развитие города превратило его в торжественную городскую царскую резиденцию (усадьбу). Изначально, пока не были сформированы достаточно определенные правила функционирования территорий

Принева, загородные участки определялись достаточно спонтанно. Но к началу 1710-х гг. острова дельты Невы переданы под загородные усадьбы высшим российским сановникам, а берега р. Мья (или Мойки), Фонтанной, Черной Речки (на Выборгской стороне) нарезаны на участки для ближних загородных дач. Лишь в отдельных случаях территории островов передавались под стратегические объекты. Дальние загородные дачи выделялись по старой дороге на Стрельну и Петергоф. Михалин (современный Елагин) остров передан вице-канцлеру П.П. Шафирову, здесь в 1714 г. на месте шведской деревни возведен его загородный дом. Каменный остров отведен под загородную усадьбу канцлеру графу Г.И. Головкину, уже в 1714 г. на месте бывших шведских батарей Майделя выстроены здания дачи Г.И. Головкина. Крестовский остров передан под загородную усадьбу сестре Петра I Алексеевича Наталье Алексеевне, в 1714 г. на месте старой шведской деревни здесь уже существовала загородная усадьба русской царевны. На Аптекарском острове с 1716 г. разбит Аптекарский сад, на берегу Невы (современной Невки) устроено Немецкое кладбище, при этом древнее рыбацкое селение в истоках современной реки Карповки сохранилось. На современном Петровском острове в 1714 г. выстроен загородный дом Его Царского Величества Петра I Алексеевича, а в зоне современного Петровского стадиона устроен в 1710 г. Магазейн военной амуниции. На острове Буяне уже тогда были размещены каменные Пороховые анбары.

С 1715 г. в новой российской столице запрещены самовольный выбор места под строительство любых зданий и сооружений и самовольное строительство. 14 (25) сентября 1715 г. царским указом Обер-комиссару князю Черкасскому определено: «...в том смотреть, дабы никто нигде против указу и без чертежа Архитектурского... отнюдь не строился...»⁴⁰. 4(15) ноября 1715 г. в Высочайших резолюциях на доклад князя Черкасского определено, что «...разных губерний мастеровых людей поселять на Городском острову...»⁴¹.

Таким образом, к 1714–1715 гг. сформировались первичная планировка и застройка всего Санктпетербургского острова. Восточнее Кронверка с первых дней основания Санктпетербурга располагалась Троицкая площадь – первая общегосударственная и общегородская площадь Санктпетербургской крепости и Кронверком в протоке был размещен первый городской порт со стоянками военных и торговых кораблей. От Троицкой площади к Санктпетербургской крепости вел первый в городе деревянный мост – Троицкий (позднее Иоанновский). Чуть восточнее от моста устроена главная в городе Троицкая пристань. Еще восточнее на берегу Невы выстроил домик Петра I Алексеевича, а далее – старая Русская слобода, «дома бояр и сенаторов», первоначальная Английская слобода. Севернее этих жилых слобод, по берегу Невы, размещалась слобода Канцелярии городовых дел. Севернее Кронверка на пустынных, незастроенных пространствах выстроены отдельные здания торговых рядов, складов, жилых слобод коллежских чиновников. Западнее Кронверка располагались Татарская слобода, Новая Русская слобода, слободы полков, а ближе к берегу Невы – Мытный двор и бойня. От Мытного двора вдоль будущей реки Ждановки вела древняя (возможно, еще допетербургского времени) дорога, на которой возведена Никольская церковь, сама дорога стала называться Никольской дорогой.

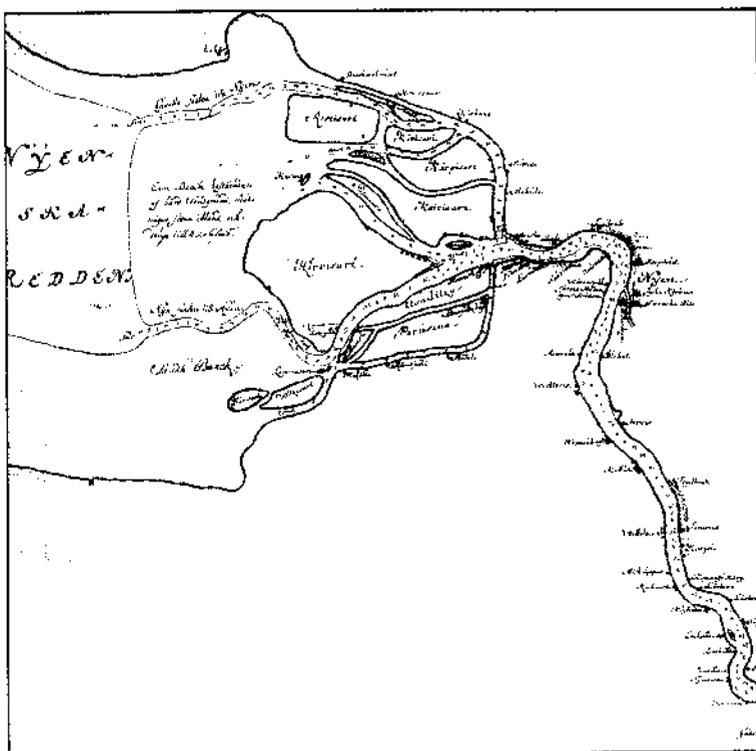
Изначальная планировочная система территорий Санктпетербургского острова была осуществлена в полном соответствии с традициями русского градостроительства. Криволинейные живописные улочки, слободской тип застройки, деревянные общественные, жилые и вспомогательные строения, выходящие на улицы протяженные деревянные заборы, многочисленные незастроенные места и свободные от застройки «луга» – все создавало картину традиционного русского деревянного города. Это хорошо видно на известных «Плане Палибина» (до 1716 г.) и «Плане Хоманна» (1716–1718 гг.)⁴². Застройка, размещенная восточнее Кронверка, вплоть до, возможно, 1714 г. была собственно городской застройкой, все остальные территории на Санктпетербургском острове и на всех других островах (в том числе на Адмиралтейской, Московской сторонах) считались предместьями. Эта городская территория даже была обнесена деревянным тыном для защиты от возможности нападения шведских войск, что хорошо показывает «Планъ Санктпетербурга въ 1725 году. Составленный и гравированный по историческимъ сведениямъ, находящимся въ Воено-Топографическомъ Депо. MDCCCXLVI»⁴³. В 1714–1715 гг. была предпринята попытка реконструировать эти территории в соответствии с программой Петра I Алексеевича по созданию на берегах Невы российского столичного города. Разработаны новые предложения по устройству здесь двух крупных слобод с прямоугольной сеткой улиц и кварталов. Возможно, автором такой планировки был Д. Трезини. Начато строительство зданий Коллегии и Сената, Большого Гостиного двора, через центральную ось которого с запада на восток намеревались провести канал, который намечали соединить с обводным каналом Кронверка и Большой Невкой. Данные предложения зафиксированы на Планах «де Фера», «Буша»⁴⁴. Строительство отдельных зданий велось достаточно быстро, но в целом градостроительные предложения не были осуществлены.

Уже во время поездки царя по странам Западной Европы начаты работы по новой реконструкции территорий. В 1716–1718 гг. произошло переосмысление всей практики развития столичного города. Петр I Алексеевич, находясь в двухлетней заграничной поездке по странам Западной Европы, смог сравнить практику создания города на Неве и новейшие теоретические (опубликованные, хотя и нигде не реализованные) предложения крупнейших архитекторов Европы. Знакомство с европейскими идеями вызвало значительное изменение направленности развития российской столицы⁴⁵. Начало им положил знаменитый «Генеральной чертеж Санктпетербурху» Ж.-Б.-А. Леблон 1717 г.⁴⁶ В процессе разработки этого плана, а также при написании текстов сопутствующих записок Ж.-Б.-А. Леблон предложил новую стратегию территориального развития всего столичного города, в том

числе и Санктпетербургского острова с зоной Кронверка. По этому плану намечено создание единого овала городской застройки, включавшей западную часть Санктпетербургского острова, Васильевский и Адмиралтейский острова. Городскую территорию должна была очерчивать сплошная линия канала. По внешнему обводу этого канала прорисована многослойная система фортификационных укреплений и сооружений, включающая (последовательно от ограничивающего город обводного канала): линию кирпичных казарм для офицеров и солдат, а также пороховые магазины; затем – линию бастионов и куртин с каменной облицовкой, в центре каждого бастиона – кирпичная (каменная?) «башня обведенная бастионами о 10 пушек»; через еще один обширный канал – новую линию бастионов с каменной облицовкой; за следующим каналом – систему рavelинов, окруженных каналами; далее – непрерывную систему прикрытого пути с исходящими и входящими углами с двойными и тройными капунирами, широкий земляной гласис которых также обведен каналами.

Эта проектная линия границы города прошла как раз по восточному обводу существовавшего Кронверка. В восточной части проектируемого города внешние линии земляных бастионов и каменных (кирпичных?) бастионов выведены далеко за очертания этого овала: зона Троицкой площади на Санктпетербургском острове с Троицкой церковью и Большим Гостиным двором обведена собственной системой фортификационных сооружений.

Санктпетербургская крепость соединялась с Троицкой площадью сохранявшимся деревянным мостом. Прямо на фарватере Большой Невы восточнее Троицкой площади и Летних садов с рекой Фонтанной предусмотрено было строительство трех редутов, каждый с 10 пушками («редуть 10 пушек»). А по берегам, напротив этих редутов, намечено создать большие кавальеры («кавалеръ в 20 пушек») – кавальер на Санктпетербургском острове и кавальер восточнее реки Фонтанной. На Санктпетербургском острове вся территория внутри общегородского фортификационного кольца подлежала реконструкции. Ж.-Б.-А.Леблон предложил разделить всю территорию острова, попадавшую в черту города на равноразмерные модули с сеткой главных, средних и местных улиц, малых улиц – переулков. Главные улицы (шириной в красных линиях 69,0–70,0 м, с каналами по оси улиц и проездами по обеим сторонам каналов) формировали квадратные модули с расстояниями в осях 561,2 x 561,2 м. Средние улицы имели проектную ширину в красных линиях 50,6 – 52,9 м с каналами по оси улиц и боковыми проездами. Местные улицы (с шириной в красных линиях 32,2 м на Санктпетербургском острове) намечены были с каналами с одной стороны улицы и проездами с противоположной стороны улицы. Малые улицы – переулки предусмотрены на острове шириной в красных линиях 13,8 м на Санктпетербургском острове, без каналов. Проектировались разнообразные площади. Площади на пересечениях главных улиц на острове намечались круглой формы, диаметром 138,0 м. На эти площади выходили каналы главных улиц, образуя круглые в плане водоемы. На пересечениях средних улиц площади также намечались круглыми, диаметром 96,6 м. По главным, средним и местным улицам предусмотрена прокладка каналов; по главным улицам – шириной 32,2 м; по средним и местным улицам – 16,1 м. В западной части Санктпетербургского острова намечено устроить городскую площадь («публичные места») с конным монументом Петру Первому («Штатуя црского величества на площади»). По одной линии с ней, но восточнее должен быть разбит крупный общественный сад («сад публична и для пеших»), размерами 395,6 x 395,6 м. Южную границу двух квадратных планировочных модулей с общегородской площадью и садом должна образовывать одна из главных улиц. Ее проектная трасса совпадет с трассой современного Большого пр. Южнее и севернее этой главной для проектного Санктпетербургского острова зоны предусмотрено размещение 4 приходских церквей (из 18 приходских церквей во всем городе). Две из этих церквей позднее будут возведены почти на тех же местах южнее Большого пр. На Троицкой площади сохранялась также деревянная Троицкая церковь. На месте Кронвер-

«Гидрографическая карта течения Невы мимо Ниена в залив от Нотебурга и Ладожского озера...» (фрагмент). Карл Элдберг. 1701 г. Издана в книгах: *Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А.И. Гиппингом и А.А. Куником с предварительной запиской А.С. Лаппо-Данилевского*. СПб., 1913. № 10; *Bagrow L., Koehlin H. Maps of the Neva river and adjacent areas in Swedisch archives*. Malmoe, 1953. Багров и Келин... № XV.

ка и в самом северо-западном углу Санктпетербургского острова проектировались две крупные торговые гавани с торговыми и складскими зонами. Каждая из них должна была включать «пристань в которую привозят съедобные вещи», въездной канал (шириной 50,6 – 55,2 м), саму гавань (разной конфигурации, но с линейными размерами не менее 197,8 м), вокруг которой на обширной площади размещались торговые ряды (например «охотный ряд», «рыбный ряд», «мясной ряд», «хлебпродукты», «мушной ряд», «зеленьпродукты»). Северную границу Троицкой площади образовывал Гостиный двор, который в 1717 г. продолжали строить («Гостиный двор которой ныне строен»). Вне городских стен, между речкой Карповкой и берегом Большой Невки, проектировались шесть кварталов госпиталей для больных и раненых («шпитальня для болных», «шпитальня раненых солдат»).

На этом проектном плане предложена также стройная система дифференциации жилья. Обозначены элитарные усадебные участки у Троицкой площади («построенные дома»). А рядовая городская застройка должна формироваться из размещенных между главными улицами жилых модулей с несколькими жилыми кварталами в каждом модуле. На Санктпетербургском острове показаны 2 модуля с разбивкой кварталов на типовые (большие и малые) участки. Большие участки (с размерами 18,4–20,7 x 46,0–48,3 м) должны располагаться на территории всего города в наиболее значимых зонах: по красным линиям набережных, главных площадей и главных улиц, а также в кварталах на стрелке Васильевского острова. Малые участки (с размерами 9,2 – 11,5 x 32,2 – 36,8 м) намечено сформировать во внутренних зонах жилых модулей. На плане определено строительство десятков мостов через все типы каналов в ткани города, в фортификационном поясе, а также в пригородном поясе садов и огородов. Сохранялся деревянный мост от Троицкой площади к Санктпетербургской крепости. Восточнее, между Троицкой площадью и Летним садом, намечено строительство деревянного наплавного моста через Большую Неву. С востока его должны были охранять два капунира и три размещенных прямо на Неве редута.

Проектные мероприятия охватывали практически всю территорию Санктпетербургского острова (так к тому времени начал называться Городской остров), превращая ее в зону урегулированной по высшим канонам европейской градостроительной теории городской застройки. Сам Кронверк должен был исчезнуть, уступив место под расширение общегородского порта, размещавшегося тогда, как известно, в протоке между Санктпетербургской крепостью и Кронверком.

При рассмотрении подлинника «Генерального чертежа Санктпетербурху» оказалось, что план не был фантазией архитектора-теоретика (как его пытаются обозначить во многих исследованиях), имел высокую степень градостроительной и градокультурной реальности. Зона Санктпетербургского острова также проработана достаточно реалистично. Ж.-Б.-А. Леблон сохранил на плане важнейшие градостроительные элементы застройки Санктпетербургского острова: Троицкую площадь с Троицкой церковью, Гостиным двором, домами бояр и сенаторов у площади; торговый порт севернее Санктпетербургской крепости (расширив его в Торговую гавань с торговыми рядами), размещение одной из старейших на острове и в городе Никольской церкви, Санктпетербургскую крепость и мост от Крепости к Троицкой площади, госпиталь Канцелярии городских дел. Вся остальная стихийно сложившаяся к тому времени застройка должна была уступить место новой городской застройке, создаваемой по проектам архитекторов. Ряд его проектных решений реализовался через десятилетия: Ж.-Б.-А. Леблон точно прорисовал трассу будущего Большого пр. (проложен в период между 1724 и 1737 гг.), обозначил места и зону размещения южнее этого проспекта системы храмов (они сооружены на этих местах в 1720–1760-е гг.). Он сформулировал программу развития монументального искусства и создания первой в Санктпетербурге конной статуи для проектируемой на острове новой общегородской площади. Площадь сформировать не удалось, но «Штату прского величества на лошади» через десятилетия трудами скульптора Б.Б. Растрелли стала Конной статуей Петра I Алексеевича – первым монументом в столице на Неве. Практически до конца XVIII в. не удавалось найти ей новое место на формируемых тогда площадях столицы, наконец в 1798 г. она была установлена перед сооружавшимся Михайловским замком. Так одно из программных предложений Ж.-Б.-А. Леблона было реализовано (хотя и в другом месте городской застройки) через 81 год после создания плана.

Важнейшие Невские мосты также профессионально предугаданы Ж.-Б.-А. Леблоном с высокой точностью. Показанная архитектором трасса моста между Стрелкой Васильевского острова и восточной линией Адмиралтейства почти точно воспроизведена в Дворцовом мосте, сооруженном уже в XX в. Намеченный французским архитектором мост между Санктпетербургским и Васильевским островами был сооружен почти на той же трассе также лишь в советское время – это Мост строителей. Крупнейший в городе наплавной мост между Троицкой площадью и Летним садом существовал с 1720–1730-х гг. вплоть до 1903 г., а позднее эта идея реализовалась в знаменитый Троицкий мост.

Ж.-Б.-А. Леблон умер в 1719 г.⁴⁷ Но мы уже видели, что значительный ряд градостроительных идей, заложенных в его «Генеральном чертеже Санктпетербурху», продолжал жить столетия. Многие идеи «Плана Леблона» пережили своего создателя и на десятилетия стали в ряд программных моментов развития Санктпетербургской культуры. Эти крупные градостроительные предложения Ж.-Б.-А. Леблона не удалось реализовать полностью. Почти все внимание царя было обращено на Васильевский остров. Территория Санктпетербургского острова развивалась во многом по инерции стихийного саморазвития, определившейся еще в первые годы после основания столицы. Санктпетербургский остров оставался одной из крупнейших застроенных территорий Санктпетербурга. Иллюстрация к Ж.-Б.-А. Леблону 1717 г. из Санктпетербургского острова (и других прилегающих к нему островов)

насчитано 1679 дворов, на Васильевском острове – 790, на Адмиралтейском – 1727, на Московской стороне – 534, на Выборгской стороне и на Охте – 345 дворов⁴⁸.

В 1718 г. царь был озабочен ведомственной разногласием и ведомственной разобщенностью при застройке и развитии Санктпетербурга. Каждое ведомство застраивало свои территории производственными, жилыми и административными слободами, не заботясь о каком-то даже минимальном единстве с одновременно застраивавшимися территориями других ведомств. Вся территория дельты Невы представляла собой мозаичную картину «поскутного одеяла», когда даже улицы разных слобод разных ведомств не состыковывались между собой. Поэтому прорабатывался вопрос создания главного административного органа, ответственного за градостроительное развитие всего Санктпетербурга и за все стороны его текущего функционирования. Таким органом стала Главная Полициеймейстерская канцелярия. На нее возлагалась ответственность за все стороны развития столицы, она должна была теперь координировать ведомственную градостроительную и строительную деятельность. Она должна была организовывать реальную жизнь в городе (обеспечение питанием населения, решение санитарных и экологических проблем, обеспечение противопожарных требований и организация противопожарной охраны, благоустройство, создание полицейской службы и т.д.). Одной из важнейших тем стало определение территории города (с городским статусом), его границ и административно-территориального деления. По Высочайше одобренному 25 мая (5 июня) 1718 г. Полицейскому уставу при создании Главной Полицеймейстерской канцелярии впервые четко решен вопрос административно-территориального деления столицы. В черту города вошли почти все застроенные территории дельты Невы. Вся вновь определенная и утвержденная территория столичного города разделена на 5 частей: 1. Санктпетербургский и прочие острова. 2. Васильевский остров. 3. Адмиралтейский остров. 4. Московская сторона. 5. Выборгская сторона с Охтой⁴⁹. Санктпетербургский остров и примыкающие к нему острова стали одним из «городских районов» (по современной терминологии).

После 1718 г. отношение к Санктпетербургскому острову постепенно менялось. Вплоть до 1722 г. еще продолжались достаточно крупные строительные работы. Троицкая площадь сохраняла статус общегосударственной и общегородской площади. Зона Троицкой площади постоянно находилась в поле зрения царя и подвергалась многократным преобразовательным мероприятиям. Здесь, на главной в России площади, постоянно велись строительные и реконструктивные работы. После переезда в одно из этих зданий в декабре 1718 г. Сената в 1719 г. и в последующие годы отделочные работы в зданиях Коллегий продолжались. Ими стал руководить московский архитектор Григорий Устинов, после его смерти в 1719 г. руководителем отделочных работ был назначен подполковник М.М. Витвер. Работы исполняли живописец Федор Алексеевич Алмазников, резчики Илья Верещагин, Петр Федоров, Иван Казанцов, Петр Холмогоров. С 1(12) февраля начались отделочные работы в главном помещении Коллегий – в Камор-Аудиенции, где должны были проводиться государственные приемы и приемы иностранных послов («министров») ⁵⁰. Аудиенц-Камора занимала угловое помещение на втором этаже первого здания от Невы. Три окна выходили на Неву, три – на Троицкую площадь. 1(12) февраля 1720 г. последовал указ об отделке этого главного помещения: «... В Камор-Аудиенции сделать baldachin бархотный с позументом и с бахромою золотою и под тем baldachinom приступ о трех ступенях из Штатс-Контор-Коллегии, а креслы двои с алмазы и с камнями и ковры которыми устланы бывали в палатах мосты лучшие. Взять из Москвы из тех мест где что обретается...»⁵¹. М.В.Иогансен приводит и описание этого зала после выполнения работ: под baldachinom «...из красного бархота с гербом царского величества который шит золотом сканым и складено позументом золотым...» на подиуме («...о трех ступенях...»), покрытом «...бархотом же красным и обложенном позументом золотым...», были установлены два трона: для Петра I Алексеевича и для Екатерины Алексеевны. Троны были обиты красным бархатом, с резными деревянными золочеными деталями, «...обложены с сторон позументом же золотым...»⁵².

После указа 1718 г. о создании новых Коллегий⁵³ принято решение выстроить севернее существовавших зданий еще несколько мазанковых зданий. В указе от 28 мая (8 июня) 1720 г. прямо сказано: «...к прежним мазанкам на особливые конторы пристроить еще вновь мазанок, что пристойно...»⁵⁴. Велось строительство Камор-коллегии (с июля 1719 г.), Юстиц-коллегии (с 1720 г.), Коммерц-коллегии (с 1722 г.). Подрядные работы вела Канцелярия городских дел. Архитектор Д. Трезини составил ведомости материалов, перечни работ и перечни необходимых мастеров. Общее руководство осуществлял комиссар Я. Шатилов, каменными работами руководил М. Земцов, плотничьими – курляндец Ян Грик⁵⁵. В 1720 г. на площади установили Триумфальную пирамиду в честь победы российского флота над шведским в битве при острове Гренгам 27 июля (8 августа) 1720 г.: «... Триумфальная Пирамида, которая построена была против Коллегий, близ Церкви Святыя Троицы, для триумфа такой же благодарованной батальни над швецкою эскадрою в 1720-м году июля 27 при Грейнгаме, где взято четыре шведския фрегата, чрез Генерала Фелтмаршала Князь Михаила Михайловича Голицына...»⁵⁶.

В 1721–1722 гг. другие объекты Троицкой площади также значительно перестраивались. В деревянной Троицкой церкви в 1721 г. в память о победе при Лесной освящен придел Преподобного Харитона Исповедника, в котором установили походную церковь Петра I Алексеевича, которая сопровождала царя в походах в 1709–1720 гг.⁵⁷. Война победоносно заканчивалась. Находившийся на Троицкой площади Кофейный дом перестроен в Таможню, тогда же севернее Большого Гостиного двора выстроена Таможня внутренней торговли, а в 1724 г. на

Троицкой площади устроена Биржа. В 1725 г. на пристани возведен Трактир. Именно на Троицкой площади продолжались проводиться главные общегосударственные торжества. Здесь 22 октября (2 ноября) 1722 г. торжественно отмечена победа в Северной войне, провозглашена Российская Империя, а Петр I Алексеевич получил титул «Огца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого»⁵⁸. На остальных территориях Санктпетербургского острова также проводились работы, хотя и не столь интенсивно, как прежде. Среди таких значимых работ можно отметить следующие: перестроены Пороховые заводы, размещенные в устье р. Карповки (в 1719 г.); на Большой Никольской улице выстроен деревянный Городской острог (в 1719 г.); у западного фланка Кронверка сооружено популярное питейное заведение – Австерия (в 1719 г.), по аналогии с Австерией 4-х фрегатов, размещенной восточнее Кронверка, на Троицкой площади (в 1719 г.); из Санктпетербургской крепости на дальнюю северную окраину застройки острова перенесена деревянная церковь и освящена «Во имя Святого Апостола Матвея» (в 1721 г.); мазанковые дома чиновников Коллегии иностранных дел перестроены в деревянные (в 1722 г.). Реальная застройка Санктпетербургского острова и окружающих островов видна на реконструктивной схеме, выполненной автором по архивным материалам⁵⁹.

Как ни странно, но формирование Российской Империи стало толчком к постепенной вековой деградации территорий Санктпетербургского острова. Новый статус государства потребовал нового градостроительного и архитектурного решения главного российского и городского ансамбля. Облик Троицкой площади не мог уже претендовать на облик главной общегосударственной площади Российской Империи. Петр Великий приказал разработать новые предложения. В соответствии с этими требованиями после 1722 г. намечен перенос центра Империи и центра столицы на Стрелку Васильевского острова. Там начали разрабатывать проект общегородской площади со зданиями 12 Коллежий, Кунсткамеры, собора Андрея Первозванного, по северному берегу Невы размещая новый торговый порт и Большой Гостиный двор⁶⁰. Характерно, что уже с 29 октября (9 ноября) 1723 г. Сенат переехал в «Зимний его Императорского Величества дом», а в 1727 г. все Коллегии переехали на Васильевский остров, не дожидаясь окончания строительства там новых зданий Коллежий, они пока разместились в конфискованных и арендованных домах на Васильевском острове. Первоначальные здания «Мазанковых Коллежий» на Троицкой площади просуществовали недолго, они быстро ветшали. При подготовке к возвращению столицы в Санктпетербург в 1732 г. эти ветхие строения были разобраны, хотя остатки фундаментов сохранились до 1737–1738 гг.⁶¹

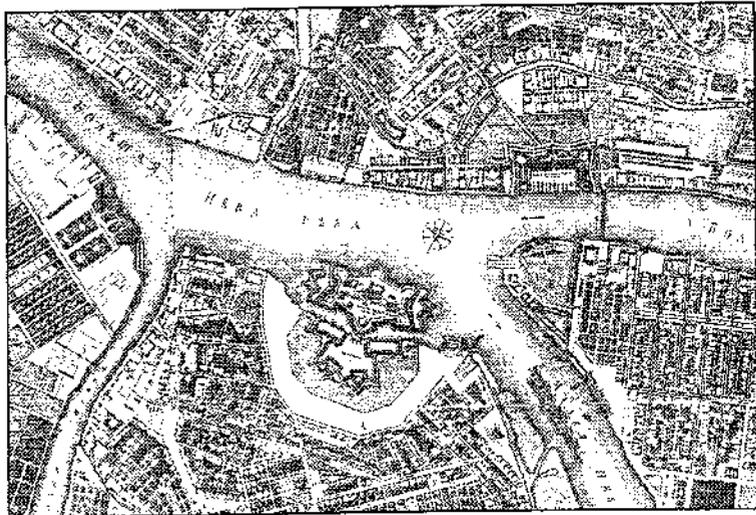
Точно так же ветшали и другие здания Троицкой площади. К 1732 г. настолько обветшала колокольня Троицкой церкви, что ее пришлось разобрать. В январе 1732 г. появился указ о разборке всей деревянной Троицкой церкви, т.к. «...она церковь совершенно обветшала... и невозможно свеч зажигать, что всегда от ветру угасают...», а после разборки – о строительстве новой кирпичной церкви. М.Г.Земцов и П.М.Еропкин даже разработали проекты кирпичной церкви⁶². В предложении Генерал-Губернатора, направленном в Канцелярию от строений 27 января (7 февраля) 1732 г., было написано, что «...ея императорское величество соизволила указать наместе где ныне стоит соборная церковь святыя Троицы того года весной зачать строить каменную церковь...» Для освидетельствования состояния храма «архитектору Земцову заархитектора Бланку истоллярного дела мастеру Фанболесу» поручено здание осмотреть. В отчете они написали, что «...она церковь находится весьма ветха и гнила что встропилах устнах весьма шипы вытянуло и отупадения невомногих местах держаться ипомнению их консправлению починкой иматериалов напрасно тратить ненадлежит ибо испочинкой впредь прочна быть неможет»... Они предложили либо разобрать существующую церковь, внимательно перебрать ее и затем собрать с новыми деревянными деталями, либо вообще, разобрав старую церковь, на ее месте соорудить новую⁶³. Но деревянную церковь не разобрали и новую кирпичную не построили. В 1733 г. при обветшавшем храме заведена была богадельня⁶⁴. В 1735 г. после обследования состояния церкви «спичнаго и столярнаго дела мастером Фанболесом» Императорским указом от 22 сентября (3 октября) 1735 г. Канцелярии от строений и Ведомству дворцового строения домов и садов «...велено... в церкви живоначальные Троицы ветхости починять немедленно...»⁶⁵.

Территории вокруг Кронверка оказались вне поля преобразований и на десятилетия сохранили первоначальную планировку и особенности изначальной архитектуры столицы на Неве. Более того, даже предложенная реконструкция Кронверка по проекту «Генераль Фельтъ Маршала Графа Христофора фон Миниха», утвержденная Анной I Иоанновной 7 ноября 1732 г.⁶⁶, не смогла изменить этой тенденции. Последовательное развитие Санктпетербургской крепости и Кронверка также тормозило необходимые преобразования на Санктпетербургском острове. Крепость и Кронверк входили в состав действующих крепостей России, поэтому окружающая их застройка должна была удовлетворять фортификационным требованиям. Важнейшие из этих требований: отсутствие застройки на определенном расстоянии от крепостного гласиса; окружающая застройка должна оставаться деревянной, чтобы в случае нападения неприятеля можно было ее быстро сжечь, освободив место для поля боя. Когда центр города размещался на Санктпетербургском острове, то его значимость и все особенности перевешивали эти фортификационные требования. Но стоило центру города уйти с острова, как доминирующими остались именно эти фортификационные задачи. В направлении подчинения окружающей застройки фортификационным и общевоенным целям стала развиваться вся градостроительная и архитектурная среда Санктпетербургского острова с 1730-х гг.

После опустошительных пожаров 1736–1737 гг. на Адмиралтейской и Московской сторонах и создания «Комиссии о Санктпетербургском строении» была предпринята попытка реконструкции всей территории города, в том числе и Санктпетербургского острова. Существовавшая к тому времени застройка острова обозначена на известных планах – на «Академическом плане»⁶⁷ и на «Плане Зихейма»⁶⁸. Оба плана создавались на основе единой топографической съемки, которая проводилась с 1728–1729 гг.⁶⁹ силами специалистов Академии Наук – сначала магистра, затем профессора Г.-В. Крафта, профессора И. Делиля, архитектора Академии Наук К. Шеслера (или – Шестлера)⁷⁰. История создания этих планов длилась годами⁷¹. В 1728 г. для готовившегося по инициативе обер-секретаря И.К. Кириллова «Атласа Всероссийской Империи» было предложено выполнить новую точную съемку генерального плана города и «прошпекты» – видов наиболее значительных ансамблей города. В 1729 г. сотрудники Академии Наук магистр Г.-В. Крафт и профессор И. Делиль провели уточнение топографической съемки существующей застройки города, в марте 1729 г. фиксационный план Санктпетербурга был готов. Возможно, это был мелкомасштабный вариант съемки плана всего города. Хотя еще в 1728–1729 гг. магистр Г.-В. Крафт задумал выполнить фиксационный план всего Санктпетербурга, на котором были бы исправлены все ошибочные очертания предыдущих планов города, особенно опубликованных в различных иностранных книгах. А также чтобы на новом плане было точно обозначено место каждого построенного дома⁷². «Прошпектами» занимался архитектор Х.Марселиус, успевший подготовить 9 карандашных рисунков.

В 1728–1729 гг. по трем сюжетам из этой серии рисунков гравер О. Эллигер выполнил в Гравировальной палате Академии Наук 3 гравированных вида Санктпетербурга. Однако в связи с переводом столицы в Москву в конце 1729 г. все работы были приостановлены⁷³. Выполненный план был отложен и хранился дома у И. Делиля. После возвращения в 1732 г. столицы на берега Невы снова начали предпринимать попытки создания точной топографической съемки всей территории города с одновременной фиксацией всей существовавшей застройки. Материалы предыдущей съемки, проведенной в конце 1720-х гг. в Академии Наук, оказались очень актуальными. В конце 1734 г. выяснилось, что Главная Полицеймейстерская канцелярия также намерена создать аналогичный план столичного города, столь необходимый ей для текущей градостроительной и архитектурно-строительной деятельности. Начались дискуссии между Академией Наук и Главной Полицеймейстерской канцелярией за право создания фиксационного плана города. Во время дискуссии черновой чертеж плана все так же хранился дома у профессора И. Делиля. В январе 1735 г. по Императорскому указу «...для лучшего всего Санктпетербурга окуратного плана сочинения, въ какомъ оный намерении для приведения къ действию и окончанию быть может...» образована единая группа в составе профессоров И. Делиля и Г.-В. Крафта, архитектора К. Шеслера (все – из Академии Наук), полковника и архитектора П.М. Еропкина (из Главной Полицеймейстерской канцелярии). Для обеспечения переводов между ними в состав группы вошел секретарь Василий Третьяковский⁷⁴. По некоторым данным, в работе группы участвовал также архитектор Главной полиции М.Г. Земцов⁷⁵.

Пожары 1736–1737 гг. заставили ускорить эти работы. Высочайшим указом от 13(24) мая 1737 г. съемку погорелых мест поручено выполнять опытному архитектору Академии Наук К. Шеслеру, которому передавались также все предыдущие материалы съемок. Через два месяца указом от 10(21) июля 1737 г. создана «Комиссия» о Санктпетербургском строении под руководством генерал-фельдмаршала Б.-Х. Миниха. В Комиссию вошли Граф М. Головкин, А. Нарышкин, Генерал-Маиор Измайлов, Обер-Штер-Кригс-Коммисар Соймонов, от Артиллерии советник И. Унковский, архитектор П. Еропкин, майор Рух, Сенатский секретарь Хег, Леванибов от Инженерной Канторы⁷⁶. Комиссии Высочайше поручено составить проекты планировки погорелых мест и вновь осваиваемых территорий для расселения пострадавших от пожаров жителей, разработать правила создания совершенной (в архитектурном и противопожарном смысле) застройки, а также типы огнестойких конструкций. Среди поставленных перед новой Комиссией задач особой срочностью выделялась задача уточнения существующей топографии Санктпетербурга, задача создания точного фиксационного опорного плана города на Неве. Еще за день до этого указом от 9 (20) июля «Лейб-Гвардии Капитану-Поручику от Бомбардир фон Зихейму» поручено выполнять опорный план города: «Учнить верный план всему Санктпетербургу»⁷⁷. Под военным руководством фон Зихейма (по более поздним документам – фон Зихейма) сначала были собраны учителя, мастера, подмастерья и ученики Адмиралтейской Академии (как и было определено в указе), затем создана более широкая группа исполнителей, в которую переведены также К. Шеслер, учителя, подмастерья и ученики из Академии Наук. Туда же переданы и ранее выполненные материалы. От Комиссии в топографических съемках и дальнейшей обработке материалов участвовали архитекторы П. М.Еропкин, М.Г. Земцов, И.К. Коробов. Уже к осени 1737 г. «команда» фон Зихейма дообследовала территорию города, уточнила предыдущие топографические съемки, выполнила съемки недостающих зон и погорелых мест (а не провела полностью новую съемку города, как ошибочно думают некоторые исследователи). Полученный комплект чертежей стали оперативно сводить в единый крупномасштабный план Санктпетербурга. Так, в «Комиссии о Санктпетербургском строении» в 1737–1738 гг. на основе съемок, проводившихся в 1728–1737 гг., был создан рукописный крупномасштабный фиксационный план всего города «Санктъ Петербургской планъ 1738 году», известный как «План Зихейма». Одновременно в Академии Наук на основе тех же съемок завершены работы над мелкомасштабным гравированным «Академическим планом Санктпетербурга»⁷⁸. Таким образом, в результате многотрудной деятельности с 1728–1729 гг. Академия

«План Столичнаго г. Санктпетербурга с изображением знатнейших онаго проспектов, изданный трудами Императорской Академии Наук и художеств в Санктпетербурге 1753 года» (фрагмент). Известнейший «План Трускота», традиционно называемый «Планом Махаева». Выполнен в 1748–1749 гг. Многократно издавался.

шего к Петровскому острову, до береговой слободской застройки, ориентированной на Крестовский остров. На планах уже показаны существующие будущие Большой и Средний проспекты, будущая Большая Пушкарская ул., Большая и Малая Посадские улицы, всер. изначальных улиц, которые вели от Кронверка к будущему Большому пр., Никольская улица, проходившая вдоль берега будущей реки Ждановки (по трассе древней дороги). Троицкая площадь прекратила существование как общегородская площадь. Сохранилась соборная Троицкая церковь, но уже Большой Гостиный двор разрушен, исчезли и здания Коллегий, вместо дворов бояр размещены Постоялые дворы. Да и бывшая Троицкая площадь к 1730-м годам успела превратиться в полузаболоченное пространство, которое пересекали пешеходные тропинки с мостками. Севернее Кронверка продолжал существовать Сытный рынок, западнее, у берега Невы – Мытный двор и бойня. На Санктпетербургском острове размещены церкви: Старая Соборная церковь Пресвятой Троицы, церковь Успения Богородицы, церковь Святого Апостола Матфея, церковь Введения во храм Пресвятыя Богородицы, церковь Преображения Господня, церковь Преображения Господня в загородном доме Архиепископа Новгородскаго на берегу р. Карповки. В устье реки будущей Карповки размещался Пороховой зеленый завод. Сам Кронверк продолжал реконструироваться по проекту Б.-Х. Миниха 1732 г. С востока и севера по границе территории вокруг Кронверка была дополнительно проложена канава (для осушения заболоченных территорий). На Санктпетербургском острове размещены слободы Белозерского полка (в районе Белозерской, Налишной Белозерской, Большой Белозерской, Малой Белозерской улиц), слободы и казармы Ямбургского полка, слободы и казармы Копорского полка, слобода Санктпетербургского полка (все – севернее будущего Большого пр.), слобода Колтовского полка, слобода Невского полка. В устье реки Карповки размещались Пороховые заводы и Пороховые амбары. Уже существовали две набережные – «От Гагаринной пристани набережная» с Троицкой пристанью, «Набережная Никольская». Вся окружающая застройка была деревянная, с большим количеством огородов и садов на участках. Между отдельными слободами сохранялись обширные территории незастроенных пространств⁷⁹.

Традиционно считается, что после казни в 1740 г. Кабинет-министра А.П. Волынского и его соратников А.Ф. Хрушева, П.М. Еропкина деятельность «Комиссии о Санктпетербургском строении» прекратилась. Это не так. Разработанные в 1738–1740 гг. проекты планировки и застройки Адмиралтейской, Московской и Выборгской сторон, Большой и Малой Коломн, предместий, где были расквартированы Преображенский, Семеновский, Измайловский и Конный лейб-гвардии полки, продолжали реализовываться, разрабатывались новые градостроительные проекты. Существенно то, что в начале 1740-х гг. выполнен проект коренной реконструкции Санктпетербургского острова. Значительный фрагмент этого проекта сохранился⁸⁰. На нем представлено проектное решение сплошной застройки огромной территории от современной ул. Кропоткина (еще в зоне Кронверка) на север до берега р. Карповки и полной реконструкции зоны Колтовской слободы и Пороховых заводов. На западе проектная застройка выходила на наб. современной р. Ждановки. В соответствии с этим грандиозным проектом предлагалось в значительной мере уточнить трассировку существовавших улиц южнее современного Большого пр. и трассировку самого Большого пр. который тогда назывался Большая Гарнизонная ул. Вдоль будущей ул. Льва Толстого и севернее Большой Гарнизонной ул. намечена коренная реконструкция застройки с прокладкой новых улиц, с изменением всей планировочной системы и новой застройкой по разработанным типовым предло-

наук в 1737 г. подготовила мелкомасштабный вариант фиксационного плана города Санктпетербурга, а команда «Комиссии о Санктпетербургском строении» под руководством капитан-бомбардира Зихгейма выполнила в 1738 г. более крупномасштабный вариант плана (в масштабе первоначальной съемки), заново проведя съемки только некоторых мест. Содержательно оба плана тождественны, хотя ориентированы по-разному: «Академический план» ориентирован традиционно для нас – более северные территории показаны наверху изображения, а «План Зихгейма» выполнен наоборот – север у него оказался внизу плана.

Для нас существенно, что на этих фиксационных планах отмечено осуществлявшееся вплоть до 1737 г. дальнейшее развитие застройки Санктпетербургского острова. На северо-востоке она дошла уже до реки Карповки, а на северо-западе перешагнула через будущий Большой пр. и сплошным поясом прошла вдоль берега, выходяв-

жениям. Уточнена трассировка будущей Большой Пушкарской ул., называвшейся на своих разных отрезках Свещническая ул. – Первая Матвеевская ул. – Большая Веденская ул. Намечена трассировка будущих Среднего (Средняя Гарнизонная ул.) и Малого (Первая Парадная ул.) проспектов. В зонах существовавших церквей предполагалось создание площадей. Между Первой Парадной улицей (совр. Малый пр.) и Колтовской слободой, ограниченной с юга проектируемой Второй Парадной ул., намечено было создание огромной плацпарадной площади. Вся территория севернее Большой Гарнизонной ул. (совр. Большой пр.) предназначалась для размещения слобод нескольких гарнизонных полков и инженерных команд. Проекты всех полковых слобод выполнены единообразно, по типовым решениям. На проекте представлена обширная экспликация десятков элементов. К сожалению, расшифровка экспликации не сохранилась на чертеже (или не найдена, если она была на отдельных листах). Проектный чертеж сопровождается уникальным «Реэстръ улицамъ и переулкамъ на Санктпетербургскомъ острове которыя понеже писаннымъ нумерамъ надлежитъ». Это – подробная роспись проектных названий сохраняемых и проектируемых улиц и переулков. «Реэстръ» включает 86 проектных топонимов: «первая кронверская, вторая кронверская, троицкая наличная, набережная невская, задняя невская, троицкая большая, троицкая малая, невской переулокъ, большая дворянская, перевозной переулокъ, дворянская набережная, малая дворянская, троицкой переулокъ, набрудной переулокъ, первая торговая улица, вторая улица торговая, рождественская улица, рождественская малая, болная посацкая, третья посацкая, вторая, промышленная, художнич...кая, кузнечна..., большая..., ...емес..., ...ерв..., ..., ...ея аптекарская, свещническая улица, большая матвеевская улица, первая матвеевская, средняя матвеевская, вторая матвеевская, третья матвеевская, четвертая матвеевская, маркитанская, маркитанской переулокъ, большая гарнизонная, средняя гарнизонная, первая парадная улица, вторая парадная улица, загородная улица, первая набережная покарповке набережная, третья набережная покарповке улице, проточной переулокъ, бае(н)ной переулокъ, рыночные линия, кабацкой переулокъ, задняя рычажная улица, боковая рышынняя улица, первая пушкарская, вторая пушкарская, съезжен переулокъ, набережная успенская линия, успенская улица, малая николская, набережная николская, большая николская, большая веденская, задняя николская, первая гребецкая, вторая гребецкая, третья гребецкая, четвертая гребецкая, пятая гребецкая, первая веденская, вторая веденская, ...етия веденская, ...вская улица, ...я инженерная, ...я инженерная, ...я инженерная, ... или пиваварная улица, первая слободка инженерная, вторая слободка инженерная, третья слободка инженерная, площадная инженерная линия»⁸¹.

Налицо хорошая иллюстрация существовавшего тогда правила градостроительной деятельности. Любой проектируемый генеральный план должен был включать фиксационный чертеж (съёмку) существующей застройки, проектный градостроительный чертеж, изменение границ города (или) его административных частей, изменение трассировки улиц, очертаний площадей, набережных и т.д. и предложения по новой застройке, предложения по изменению (совершенствованию) существующей системы управления всей градостроительной и хозяйственной деятельностью в городе, а также предложения по изменению названий существующих и проектируемых улиц, переулков, набережных и т.д. В единстве все данные проектные предложения, чертежи, записки, проекты указов и т.д. и составляли проектный генеральный план Санктпетербурга. Все это утверждалось одним Высочайшим указом или серией соответствующих Высочайших указов. Учитывая, что этот перечень охватывает и другие территории острова вне границ чертежа, можно предположить, что проект был разработан на весь Санктпетербургский остров, но проект южной части его еще не найден. Характерно, что эти предложения в 1748–1749 гг. были перенесены на знаменитый «План Трускота», исполненный в Академии Наук и художеств под руководством адъютанта И.Ф. Трускота по материалам из Главной Полицеймейстерской канцелярии (туда до 1746 г. переданы все материалы Комиссии о Санктпетербургском строении). «План Трускота» стал самым знаменитым проектным генеральным планом Санктпетербурга XVIII в., но его упорно и ошибочно датируют 1753 годом, называют «Планом Махаева» и считают фиксационным (показывающим лишь реально существовавшую застройку). Хотя план исполнен в 1748–1749 гг., М.И. Махаев для этого плана выполнил только известную серию видов («проспектов») Санктпетербурга и на самом плане прорисовывал лишь надписи, а более 2/3 всей показанной на «Плане Трускота» территории столичного города даны именно в проектом варианте.

Территория Санктпетербургского острова еще более отражает проектные варианты – более 3/4 всей территории острова показано на «Плане Трускота» преимущественно в проектом виде. Начиная с самого Кронверка (по нереализованному проекту 1732 г.), территорий вокруг него, с проведенной по циркулю проектной трассы предлагаемой *Кронверхской улицы* (это прообраз современного Кронверкского проспекта, но размещена на чертеже проектная улица была гораздо ближе к валам Кронверка). Столь же проектной изображена и новая Торжественная Троицкая площадь с предлагаемым к строительству новым кирпичным Троицким собором и вновь уточненно прокладываемой *Троицкой улицей* (это – современная Большая Дворянская улица). Проектными изображены большинство улиц на «Плане Трускота», лишь некоторые сохраняли свои изначальные трассировки. Проектные предложения 1740-х гг., изображенные на «Плане Трускота», были целой серией вариантов (Высочайше утвержденных либо оставшихся в эскизном, неутвержденном виде), предусматривавших возвращение Санктпетербург-

ской стороне престижного облика городского центра. Ведь после перевода центра города сначала на Васильевский остров, затем на Адмиралтейскую сторону эти зоны стали быстро превращаться в окраинные территории с тихой застройкой пригородного типа. Тем более что все эти десятилетия значительно укреплялись Санктпетербургская крепость и Кронверк, превращаясь в грозные фортификационные сооружения.

Одновременно с развитием фортификационной мощи все дальше простиралась линия полного запрета любого строительства вокруг Крепости и Кронверка. И запрета строить кирпичные здания на всем Санктпетербургском острове. Начала формироваться Эспланада. Вспомним, что на проектном плане Кронверкской крепости 1752 г., выполненном инженером-прапорщиком Медером, уже нанесена проектная линия освобождения территории вокруг Кронверка для создания свободного гласиса – «линия которая значить ломка дворов»⁸². К 1754–1755 гг. были снесены строения, подступавшие к Кронверку, и вокруг него сформировалось обширное открытое пространство, ставшее первичной основой пространства современного Александровского сада. Внешняя граница Эспланады еще была очень близка к укреплениям Кронверка, но она последовательно, с каждым этапом будет отодвигаться от Кронверка, лишь с начала XIX в. приобретя современные очертания. Чуть ранее, в 1740-е гг. сформировалась сохранившаяся до нашего времени трассировка современного Большого пр. (на «Плане Труско-та» характерно названного *Большая Гарнизонная улица*) и современной Большой Пушкарской ул. (объединявшая тогда *Первую Матвеевскую улицу* и *Введенскую улицу*) со всеми пересекающими их улицами. Севернее этих улиц именно и начинались полковые слободы. Поэтому большинство нынешних улиц, размещенных севернее Большого проспекта Петроградской стороны, возникли изначально с 1730 – 1740-х гг. как улицы в полковых слободах. Это современные улицы Красного курсанта, Малая Гребецкая, Малая разночинная, Мончегорская, Большая разночинная, Красносельская, Ропшинская, Рыбачья, Большая Зеленая, Ижорская, Колпинская, Стрельнинская, Орансибаумская, Шамшева, Гатчинская, Лахтинская, Ленина, Полозова, Подковырова, Подрезова, Бармалева, Плуталова, Всеволода Вишневского, Ординарная и многие другие.

Можно сказать, что в основном (за редкими исключениями) планировочная система Санктпетербургского острова сформировалась именно в период 1703–1761 гг., сохранив до нашего времени самые первые этапы развития города, исчезнувшие в других частях города. Она сформировалась под существенным влиянием Санктпетербургской крепости, Кронверка, военных полков и военных инженерных команд. Гражданская составляющая застройки острова на протяжении первой половины XVIII в. была незначительной и все более уменьшалась. Но такой все усиливавшийся с десятилетиями военный уклон позволил сохранить уникальные особенности планировки острова – ее уникальную изначальную, восходящую к самым первым годам формирования города планировочную систему. Именно в этом можно сразу увидеть неповторимость и абсолютную ценность исторической памяти Санктпетербургского острова.

Данную статью следует рассматривать в единстве со статьями: С. В. Семенов. Кронверк: этапы создания и реконструкции // *Бомбардир*. 2001. № 14. С. 26–34.

¹ Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете»... – Град Святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999; Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989; Беслягих Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991; Грабарь И.Э. Основание и застройка Петербурга // *Русская архитектура первой половины XVIII века: Исследования и материалы*. М., 1954; Иогансен М.В. Здание «мазанковых коллегий» на Троицкой площади Петербурга // *От Средневековья к Новому времени. Материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половине XIX века*. М., 1984. С. 73–86; Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М., Л., 1957; Мавродин В.В. Основание Петербурга. Л., 1978; Овсянников Ю.М. Доменико Трезини. Л., 1987; Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990; Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб., 1884; Тимченко-Рубан Г.И. Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб., 1901.

До 1703 года

² Глазырина Г.В., Джексон Т.Н. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М.: Наука, 1987; Джексон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XI вв. // *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1988–1989*. М., 1991; Мельникова Е.А. Древняя Русь в Исландских географических сочинениях. М., 1976; Мельникова Е.А. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // *Новгородский край*. Л., 1984; Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. // *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования*. М., 1978; Свердлов М.Б. Сведения скандинавов о географии Восточной Европы в IX–XI вв. // *История географических знаний на севере Европы*. Л., 197; Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление скандинавской литературы. Л., 1984.

³ Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода. М., 1950. С. 77.

⁴ Там же. С. 91.

⁵ Рыдзевская Е.А. Указ. соч. С. 120.

⁶ Там же. С. 114–119.

⁷ Переписная Окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года. Сообщ. Д.Ч.Кн. М.А.Оболенин (2-я половина) // *Временник Императорского Московского Общества Истории и Древностей Российских*. Кн. 11. М., 1851. С. 117–118.

1703–1736 годы

⁸ Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 6: Фортификация и архитектура Петропавловской крепости. СПб., 1998.

⁹ Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга. Т.1. СПб., 1996. С. 131.

- ¹⁹ Семенцов С.В. Пространственная идея Санкт-Петербурга. Блистательное становление города в первой половине XVIII века. Очерк первый. 1703–1711 годы // Антиквар. № 1. СПб., 1993.
- ²¹ Из записки Вице-адмирала Корнелиуса Крюйса // Материалы для истории русского флота. Ч. 1. СПб., 1865. С. 61–67.
- ²² Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957. С. 18.
- ²³ Материалы для истории русского флота. Ч. 1. СПб., 1865. С. 103.
- ²⁴ «Plan de la nouvelle ville de Petersbourg. Par N.de Fer Geographe de sa Mayeste Catolique. A Paris 1717».
- ²⁵ Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербурге, о крепости Кроншлот и их окрестностях // Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 49.
- ²⁶ «Исторические планы столичного города Санктпетербурга съ 1714 по 1839 годъ, изданные по Высочайшему Государя императора повелению». СПб., В Типографии Департамента Военных Поселений, 1843. (Атласы Майера).
- ²⁷ «Исторические планы Санктпетербурга. Составленные и гравированные по историческимъ сведениямъ, находящимся въ Военно-Топографическомъ Делю. MDCCCXLVI. (Планы Шуберга).
- ²⁸ Луппов С.П. Указ. соч.
- ²⁹ Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710–1711 гг. // Русская старина. 1882. С. 40.
- ³⁰ Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербурге... С. 52.
- ³¹ Троицкий собор, что на Петербургской стороне в 1703–1903 гг. Историческая справка, составил Г.А. Немиров. СПб., 1905.
- ³² Материалы для истории Российского флота. Особый выпуск. СПб., 1866. С. 23; Антонов В.В., Кобак А.В. Указ. соч. С. 131.
- ³³ Походный журнал 1710 года. СПб., 1854. С. 18.
- ³⁴ Мосты и набережные Ленинграда // Сост. П.П. Степнов. Л., 1991. С.318.
- ³⁵ Иогансен М.В. Здание «мазанковых коллегий» на Троицкой площади Петербурга // От Средневековья к Новому времени. М., 1984. С. 75.
- ³⁶ Антонов В.В., Кобак А.В. Указ. соч. С. 131.
- ³⁷ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской Епархии. Вып. 7. СПб., 1883; Троицко-Петровский собор в С.-Петербурге. Старосты В.А.Платоновича. СПб., 1890.
- ³⁸ Планъ города Ст.Петербурга в царствование Государя Императора Петра Великого около 1714 и до 1725 года. Составленный приблизительно на основании подлинных сведений и чертежей. 1839 // Объяснения к историческим планам столичного города Санктпетербурга с 1714 по 1839 год, изданнымъ по Высочайшему Государя императора повелению. СПб., 1843.
- ³⁹ Документы и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т.2, кн. 2. СПб., 1883. С. 216.
- ⁴⁰ Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербурге... С. 51.
- ⁴¹ Семенова Л.Н. Общественные развлечения в Петербурге в первой половине XVIII века // Старый Петербург. Историко-Этнографические исследования. Л., 1982. С. 147–163.
- ⁴² Семенцов С.В. Пространственная идея Санкт-Петербурга. Блистательное становление города в первой половине XVIII века. Очерк второй. 1712–1715 годы // Старые годы. № 1. СПб., 1993.
- ⁴³ Иогансен М.В. Здание «мазанковых коллегий»... С. 73–86.
- ⁴⁴ Там же. С. 75.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Походный журнал Петра Великого за 1718 г. СПб., 1855. С. 29.
- ⁴⁷ Богданов А.И. Описание Санктпетербурга. 1749–1751 г. (Воспроизведение рукописи 1751 г.). СПб., 1997. С. 150.
- ⁴⁸ Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 373.
- ⁴⁹ Богданов А.И. Указ. соч. С. 153.
- ⁵⁰ ПСЗР. 1-е собр. Т.У. № 2932. Высочайший указ от 14(25) сентября 1715 г. «О смотре ни кто противу указу и без чертежа Архитектурского нигде не строится».
- ⁵¹ Там же. № 2951. Высочайшие резолюции на доклад Князя Черкасского от 4(15) ноября 1715 г. «О раздаче купцам и мастеровым мест под построение».
- ⁵² Grundris der Festung Statt und Situation St. Petersburg // Петербург-Ленинград. Историко-географический атлас. Часть первая. Л., 1957. С. 12–13; «Топографическое изображение новой русской столичной резиденции и морского города Ст.Петербурга вместе с его изначально возведенной крепостью, основанного Их Царским Величеством Петром Алексеевичем Государем всех Русских и прочая и прочая и прочая. С 1703 построенного на краю Восточного моря на нескольких островах при устье Невы и ставшего для русской нации с мощным флотом вместилищем торговли и судоходства. Издано Ион. Баптистом Хоманном, Римского Императорского Величества географом в Нюрнберге» (пер. с нем.яз.). Нюрнберг, 1716–1718.
- ⁵³ «Планъ Санктпетербурга въ 1725 году. Составленный и гравированный по историческимъ сведениямъ, находящимся Въ Воено-Топографическомъ Делю. MDCCCXLVI" // Исторические планы Санктпетербурга. СПб., 1846. План № 3.
- ⁵⁴ «Plan de la nouvelle ville de Petersbourg. Par N.de Fer Geographe de sa Mayeste Catolique. A Paris 1717»; «Grundriss der Festung Statt und Situation St. Petersburg. Georg Paulus Busch sculpsit».
- ⁵⁵ Семенцов С.В. Три года из биографии Санкт-Петербурга: 1716–1718 // Историческое познание: традиции и новации: Материалы международной теор. конф. Ижевск. 26–28 октября 1993 г. / Составление и общая редакция В.В.Иванова, В.В.Пузанова. Ижевск, 1996. С. 294–309.
- ⁵⁶ Семенцов С.В. О «Генеральном чертеже Санктпетербургу» Ж.-Б.-А. Леблота 1717 года // Петровское время в лицах. СПб., 2000.
- ⁵⁷ Калязина Н.В., Калязин Е.А. Жан Леблон // Зодчие Санкт-Петербурга: XVIII век. Л., 1997. С. 67–111.
- ⁵⁸ Объяснения к историческим планам столичного города Санктпетербурга с 1714 по 1839 год, изданнымъ по Высочайшему Государя императора повелению. СПб., 1843.
- ⁵⁹ Семенцов С.В. Административно-территориальное деление Санкт-Петербурга в XVIII – начале XX вв. // Петербургские чтения–96. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург–2003». СПб., 1996. С. 228–231.
- ⁶⁰ Иогансен М.В. Здание «мазанковых коллегий»... С. 76–77.
- ⁶¹ Иванов П. Сенат при Петре Великом // Журнал Министерства Юстиции. 1859. Т.1. Ч.11. Раздел неофициальный. С. 41.
- ⁶² Иогансен М.В. Здание «мазанковых коллегий»... С. 78.
- ⁶³ Указ о создании коллегий. 1718 г.
- ⁶⁴ Иогансен М.В. Здание «мазанковых коллегий»... С. 80.
- ⁶⁵ Там же. С. 80–81.
- ⁶⁶ Богданов А.И. Указ. соч. С. 342–343.
- ⁶⁷ Богданов А.И. Указ. соч. С. 293; Антонов В.В., Кобак А.В. Указ. соч. С. 131.
- ⁶⁸ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. С. 155.
- ⁶⁹ Реальный Санктпетербург в 1724 году (реконструкция, арх. С.В.Семенцов).
- ⁷⁰ Иогансен М.В. Работы Доменико Трезини по планировке и застройке Стрелки Васильевского острова в Петербурге // Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования. М., 1973. С. 45–55.
- ⁷¹ Иогансен М.В. Здание «мазанковых коллегий»... С. 81.

- ⁶³ Антонов В.В., Кобак А.В. Указ. соч. С. 131.
- ⁶⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 254. Л. 50–51.
- ⁶⁵ Троицкий собор что на Петербургской стороне в 1703–1903 гг. Историческая справка. / Сост. Г.А. Нсмиров. СПб., 1905.
- ⁶⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 16. 1735 г. Д. 293. Л. 3–4.
- ⁶⁷ «Планъ Санкт-Петербурхской фортификации скронверхомъ» Резолюция: «строить посему чертежу Анна ноября 7 дня 1732 году». Подпись: Генераль фельд Маршоль Графъ Христофор фон Миннихъ. – РГА ВМФ. Ф. 3/л. Оп. 34. Д. 2470 (подл.). Д. 2472 (копия). 1737–1761 годы
- ⁶⁸ «План Императорскаго столичнаго города Санктпетербурга сочиненной в 1737 году». Грав. Г.И. Унферцагт. СПб., Академия наук, 1741.
- ⁶⁹ «Санкт-Петербургской планъ 1738 году». Копия плана опубликована П.Н. Петровым в статье «Петербург в застройке и сооружениях» // Золчий. 1879–1883.
- ⁷⁰ Материалы по истории создания «Академического плана», «Плана Зихгейма», «Плана Трускота» выявлялись совместно с О.А. Красниковой.
- ⁷¹ Материалы для истории Императорской Академии Наук. Т. 1. 1716–1730. СПб., 1885. С. 498–499; Т. 2. 1731–1735. С. 521–525.
- ⁷² Семенов С.В. К истории градостроительного осознания Санктпетербурга в первой половине XVIII века // Петербургские чтения. Вып. 1: Культура Санкт-Петербурга. XVIII–XX вв. СПб., 1993. С. 52–60.
- ⁷³ Материалы для истории Императорской Академии Наук. Т. 6. 1725–1743. История Академии Наук Г.-Ф. Миллера съ продолжениями И.-Г. Шриттера (на нем. яз.). С. 176.
- ⁷⁴ Гравировальная палата Академии наук XVIII века. Сборник документов. Л., 1985. С. 16, 51; Материалы для истории Императорской Академии Наук. Т. 1. 1716–1730. СПб., 1885. С. 370, 438, 441–444, 451, 461, 498–499, 600, 604, 699.
- ⁷⁵ Материалы для истории Императорской Академии Наук. Т. 2. 1731–1735. С. 581.
- ⁷⁶ Там же. С. 763–764.
- ⁷⁷ ПСЗРИ. 1-е собр. Т. X. 1737 г. Июля 10. Именной указ «Об учреждении в Санкт-петербурге Комиссии о строении и об обязанностях оной». СПб., 1830. Т. X. С. 216–217.
- ⁷⁸ ПСЗРИ. 1-е собр. Т. X. 1737 г. Июля 9. Именной указ из Кабинет-Министров «О начертании вернаго плана Санктпетербургу». СПб., 1830. Т. X. С. 216.
- ⁷⁹ Семенов С.В. К истории градостроительного осознания Санктпетербурга в первой половине XVIII века // Петербургские чтения. Вып. 1: Культура Санкт-Петербурга. XVIII–XX вв. СПб., 1993. С. 52–60.
- ⁸⁰ «Санкт-Петербургской планъ 1738 году». Фрагмент копии плана, опубликованного П.Н. Петровым в статье «Петербург в застройке и сооружениях» // Золчий. 1883. Листы 18–20.
- ⁸¹ РГА ВМФ. Ф. 3/л. Оп. 34. Д. 2812.
- ⁸² «Резеръ» расположен в правом верхнем углу проектного чертежа: РГА ВМФ. Ф. 3/л. Оп. 34. Д. 2812.
- ⁸³ «Планъ Кронверской крепости показаннемъ вокруг оного Строения которое Слѣдуетъ кломке Снимано въ 1752м и 753 годахъ Инженеромъ Прапорщикомъ Мелеромъ» // РГА ВМФ. Ф. 3/л. Оп. 34. Д. 2548. Л. 1.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ: ПРОЦЕСС Н.Т. РЖЕВСКОГО (1710–1714)

Одним из важных направлений преобразовательной деятельности Петра I явилось всестороннее реформирование военной юстиции. Однако если развитие тогдашнего военного судоустройства и судопроизводства (а особенно военно-уголовного законодательства) получило относительно систематическое освещение в классических трудах М.П. Розенгейма, П.О. Бобровского и П.С. Ромашкина, то с разработкой “живой” военно-судебной истории эпохи ситуация сложилась иная. Высказанное еще в 1948 г. суждение П.С. Ромашкина о полной неизученности судебной практики первой четверти XVIII в.¹ сохранило актуальность и в наши дни.

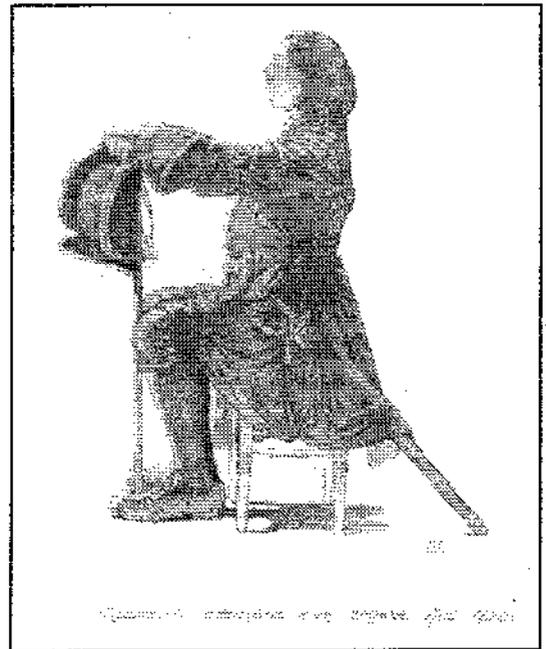
Между тем без введения в научный оборот сведений о конкретных судебных процессах невозможно составить реальное представление об эволюции ни национального правоохранительного механизма в целом, ни судебной системы в частности. В данной статье речь пойдет о безусловно примечательном эпизоде отправления военного правосудия в 1710–е гг. – разбирательстве имевшего, говоря по-современному, резонансный характер уголовного дела Никиты Ржевского. Источниковой базой работы послужили, главным образом, материалы названного дела, компактно отложившиеся к настоящему времени в фонде Преображенского полка Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

Выходец из многократно ветвившегося старинного рода (восходившего к удельным князьям Смоленской земли), Н.Т. Ржевский родился, вероятно, около 1672 г.² Внук погибшего в Чигирине знаменитого воеводы И.И. Ржевского³, Никита Тимофеевич начал службу в 1686 г. в стольниках. Впоследствии, подобно многим сотоварищам, оказался в гвардии. Известно, что в мае 1696 г. он получил ранение стрелой при осаде Азова. А в октябре 1707 г. поручик Преображенского полка Н.Т. Ржевский был направлен Петром I в союзную Речь Посполитую на должность коменданта Полоцка. Получившему под команду небольшой российский гарнизон Никите Тимофеевичу предстояло наглухо перекрыть – со своего направления – доставку в шведскую тогда Ригу товаров. В зону ответственности Никиты Ржевского вошли как водный путь по Западной Двине, так и пролегавшая через Полоцк сухопутная дорога. Согласно именному указу от 16 октября поставленную задачу Н.Т. Ржевскому надлежало выполнять “*под опасением чести и живота*”⁴.

Полоцкая миссия Никиты Тимофеевича заведомо теряла смысл после 4 июля 1710 г., когда Рига сдалась русским войскам. Но Н.Т. Ржевскому пришлось лишиться должности еще до капитуляции столицы Лифляндии. Более того: к моменту взятия Риги гвардии поручик уже находился под следствием.

Завязка уголовного дела Никиты Ржевского к настоящему времени не вполне ясна. С одной стороны, в письме от 8 апреля 1710 г. Петр I между иного упрекнул А.Д. Меншикова, что тот остался в неведении относительно неких “взятков” полоцкого коменданта. С другой стороны, из материалов судного дела Н.Т. Ржевского прямо явствует, что он был отстранен от должности 10 апреля – после обращения к Александру Меншикову группы жителей Полоцка, обвинивших коменданта в различных злоупотреблениях⁵. Вероятно, сведения о криминальных деяниях Никиты Тимофеевича достигли царя и светлейшего князя параллельно и почти одновременно (распоряжение о смещении Н.Т. Ржевского отдал, кстати, Александр Меншиков, а не Петр I).

Так или иначе, но 10 апреля 1710 г. поручик Ржевский в одночасье превратился из коменданта в подследственного (подозреваемые в отечественном процессуальном праве тогда отсутствовали). В условиях 1710 г. досудебное разбирательство дела о злоупотреблениях коменданта могло быть организовано двояко. Таким разбирательством могло заняться как специально назначенное высшей властью лицо⁶, так и должностное лицо общего управления (как правило, преемник отданного под следствие администратора). В случае с Н.Т. Ржевским “вышние командиры” избрали второй вариант. Осуществить предварительное рассмотрение выдвинутых про-

Д.Н. Кардановский. Гренадер лейб-гвардии Преображенского полка (1705–1720). Около 1909 г.

тив Никиты Тимофеевича на обвинений А.Д. Меншиков поручил новому полоцкому коменданту подполковнику Ивану Кропотову.

Как представляется, свою часть работы (более всего напоминавшую современную доследственную проверку) И. Кропотов проделал добросовестно. Подполковник допросил в общей сложности 14 жителей Полоцка, Витебска, Шклова и Чашников, четырех офицеров и унтер-офицеров, стоявших на заставах близ Полоцка, а также самого Никиту Ржевского и его ближайших помощников – гвардии капрала Игнатия Дурново, рядовых Степана Игнатьева и Петра Воейкова. Картина в итоге вырисовалась, что и говорить, неприглядная.

Д.Н. Кардановский. Гренадер лейб-гвардии Преображенского полка (1705–1720).
Около 1909 г.

Пользуясь относительно автономным положением, Н.Т. Ржевский и его подчиненные занялись поборами, а отчасти натуральным грабежом мещан и мелкой шляхты. Не очень сложилось у Никиты Тимофеевича и с выполнением царского предписания не пропускать товары в Ригу. Избрав в качестве посредника некоего “полоцкого жида” Авраама Рубанова, потомок удельных князей принялся вступать в переговоры с купцами, предоставляя время от времени некоторым из них – разумеется, не безвозмездно – “зеленый коридор” в сторону Риги.

Мало того: словно опьянев от вседозволенности, Н.Т. Ржевский взялся заказывать во вражеской Риге вино и предметы домашнего обихода. Согласно показаниям полоцкого мещанина Андрея Жванова, “... он же (Андрей. – Д.С.) купил ему, коменданту, в Риге, по его данному ресктру, товаров на 150 ефимков, которые деньги брал он (комендант. – Д.С.) за пропуск стругов с них, купцов...”⁷. Сам Никита Ржевский свою вину упорно отрицал.

В феврале 1711 г. Иван Кропотов направил материалы полоцкого “розыска” А.Д. Меншикову, командовавшему в ту пору армейской группировкой в Прибалтике. Далее в разбирательстве дела Н.Т. Ржевского наступил длительный перерыв. 11 июня 1712 г.

Никита Тимофеевич подал царю составленную еще в марте повинную челобитную, в которой признал факт пропуска в Ригу за взятки шести судов с товарами⁸.

Спустя месяц состоялось и судебное рассмотрение дела. Суду над бывшим полоцким комендантом предшествовало скоротечное новое досудебное разбирательство (“фергер”, по терминологии XVIII в., отчетливый аналог современного предварительного следствия). Это разбирательство провел обер-аудитор Э. Кромпейн, выезжий из Дании юрист, сыгравший впоследствии значительную роль в подготовке грандиозного проекта российской Уложения 1723 – 1726 гг.

9 июля допросам подверглись Н.Т. Ржевский, И. Дурново и С. Игнатьев. В тот же день по вопросу о количестве пропущенных в Ригу судов между Никитой Ржевским и Игнатием Дурново была проведена очная ставка⁹. Затем все материалы дела свели в обширную Выписку в виде таблицы, в первой графе которой кратко излагались данные “розыска” И. Кропотова, а во второй – следствия Э. Кромпейна¹⁰.

Наконец, 16 июля 1712 г., по распоряжению генерал-майора П.М. Голицына, в летнем войсковом лагере под Петербургом было создано временное военно-судебное присутствие – “кригсрехт”. В качестве судей (“ассессоров”) в состав кригсрехта вошло 16 офицеров в чинах от бригадира до поручика. Председателем (“презусом”) суда стал генерал-майор А.А. Головин.

Заслушав 16 июля упомянутую Выписку, судьи представили скрепленные подписями и личными печатями мнения касательно содержания приговора. В соответствии с установившейся традицией, мнения подавались начиная с младших чинов. Оставив без внимания эпизоды грабежей и насилий над литовским населением (личного участия в них Н.Т. Ржевский не принимал, речь шла все больше о его попустительстве), кригсрехт сосредоточил внимание на обвинении бывшего коменданта в злополучном пропуске в Ригу судов.

Суждения ассессоров оказались единодушными: назначить подсудимому смертную казнь. Идентичное мнение высказал и презус Алексей Головин (предложив в качестве дополнительной санкции взыскать полученные Никитой Ржевским в качестве взяток деньги “в салдацкую шпиталь (гоститаль. – Д.С.)”¹¹). Поскольку приговор офицеру вступал в законную силу только после утверждения царем, материалы кригсрехта над Н.Т. Ржевским были в сентябре 1712 г. направлены Петру I¹².

Окончательное решение судьбы Никиты Тимофеевича затянулось. Высочайший вердикт прозвучал только 8 апреля 1714 г.: вместо смертной казни Н.Т. Ржевский присуждался к наказанию кнутом, конфискации имущества и бессрочной ссылке в Сибирь. В том же апреле приговор был приведен в исполнение¹³.

Никита Ржевский не особенно задержался в Сибири. Уже 26 января 1722 г. “для полученного с короною Свейскою вечного мира” Петр I распорядился освободить бывшего полоцкого коменданта из ссылки¹⁴. Сегодня труд-

но с определенностью предположить, что именно подвигло императора повторно смягчить участь Никиты Тимофеевича. Может, дала о себе знать ностальгия о годах молодости, сказались нахлынувшие воспоминания об Азовских походах? А может, просто кто-то очень убедительно попросил за опального? Ведь одна из тогдашних “метресс” Петра I Е.И. Чернышева – знаменитая “Авдотья – бой-баба” – приходилась Никите Ржевскому двоюродной сестрой...¹⁵

Что бы там ни было, высочайшие милости Н.Т. Ржевскому имели продолжение. 11 мая того же 1722 г. император указал объявить вернувшемуся в Москву Никите Тимофеевичу прилюдное официальное прощение¹⁶. Таким вышел эпилог одного военно-уголовного дела, завязавшегося в апреле 1710 г. в городе Полоцке.

- ¹ Ромашкин П.С. Вопрос о применении воинских артикулов Петра I в общих судах // Вестник МГУ. 1948. № 2. С. 36.
- ² Современную сводку данных о дворянском роде Ржевских см.: Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С. Пушкина. Л., 1981. С. 60–86. 159–161.
- ³ Отец Н.Т. Ржевского – стольник Тимофей Иванович – также принял смерть на государственной службе: 30 июля 1705 г. он был убит восставшими в Астрахани (подробности его гибели см.: Голикова Н.Б. Астраханское восстание. 1705–1706 гг. М., 1975. С. 100–101).
- ⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1912. Т. 6. С. 140–141.
- ⁵ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 5. Л. 1, 27 (далее – Судное дело); Письма и бумаги... М., 1956. Т. 10. С. 103.
- ⁶ Как, например, 8 февраля 1711 г. для разбирательства дела по жалобам литовской шляхты на генерал-майора Ф.В. Шидловского Петр I направил А.И. Ушакова, а в мае того же года для аналогичного разбирательства о злоупотреблениях российских войск в Польше – М.М. Аргамакова (Письма и бумаги... М., 1962. Т. II. Вып. I. С. 240–241, 476).
- ⁷ Судное дело. л. 37. О покупке по заказам Н.Т. Ржевского товаров в Риге сообщил и Авраам Рубанов (Там же. Л. 29).
- ⁸ Там же. Л. 39 (Приложение).
- ⁹ И. Дурново утверждал, что в ночь на Пасху 1709 г. Ржевский велел пропустить целиком большой караван стругов. Никита Тимофеевич, в свою очередь, упорно утверждал, что давал разрешение пройти только шести судам. Согласно показаниям А. Рубанова, в пасхальную ночь 1709 г. в Ригу прошли 41 струг и 26 плотов (Судное дело. Л. 28–28 об.).
- ¹⁰ Судное дело. Л. 27–38 об. Вторая графа замыкалась списком повинной челобитной Н.Т. Ржевского.
- ¹¹ Там же, л. 46 об. Первейшего пособника Н.Т. Ржевского капрата Игнатия Дурново А.А. Головин предложил “прогнать спичдурен сквозь батальон три раза” и разжаловать на год в солдаты.
- ¹² См. письмо Ф.М. Апраксина Петру I от 28 сентября 1712 г. // Письма и бумаги... М., 1975. Т. 12. Вып. I. С. 351.
- ¹³ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1888. Т. 4, кн. 1. С. 318. Телесному наказанию Н.Т. Ржевский был подвергнут в Петербурге перед строем полка.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1888. Л. 197 об.; Письма и бумаги... Т. 6. С. 423.
- ¹⁵ Родившаяся в феврале 1693 г. Е.И. Ржевская с 1710 г. состояла в браке с Г.П. Чернышевым. Между прочим, по сообщению Н.П. Вильбуа, именно вследствие отношений с Евдокией Чернышевой Петр I получил инфекционное заболевание, окончательно надломившее его здоровье (Вильбуа Н.П. Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 195).
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 13. Л. 374; Баранов П.И. Архив Правительствующего Сената. СПб., 1872. Т. I. С. 98. Дальнейшие обстоятельства биографии Н.Т. Ржевского к настоящему времени не установлены.

Приложение

Повинная челобитная Н.Т. Ржевского от марта 1712 г.

Державнейши[й] царь государь милостивейши[й]

По твоему государеву указу, был я комендантом в Полотцку и чрез указ твой государев пропустил мимо Полотцка в Ригу шесть стругов, в том числе шляхтича Богомолца два да мещан Жванова да Захватая четыре. И взял с них за пропуск себе триста червонных и восемьсот талеров. И по твоему государеву указу, велено было о том розыскивать полоцкому коменданту Кропотову, и взята у меня скаска. И в той скаске вышепомянутой вины своей я не объявил. А до розыску в тех пропускных стругах донес я свою вину его княжеской светлости усно. И ныне оные вины свои приношу тебе, великому государю. Всемилоостивейший государь, прошу вашего величества: умилоостивися, государь, за смерть деда и отца моего и за мои раны, призри божески милостиво в вине, не дай безвременно душею погннуть, за мои вины милостиво накажи. А окроме, государь, выше писанных шти стругов, ей, не пропускал и никому пропускать не велел.

Вашего величества нижайши[й] раб Никита Ржевской марта в [] день 1712 году. *Никита Ржевской руку приложил* – РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 5. Л. 39 (подлинник: подпись – автограф; в нижнем правом углу помета: “Подана июня в 11 день нынешнего 1712 году”).

За Могилою Рябою
над рекою Прутовою
было войско в страшном бою.
В день неделный ополудны
стался нам час велми трудный,
пришол турчин многолюдный...
*Феофан Прокопович*¹

Д.О. Серов
(Новосибирск)

ПРУТСКИЙ ПОХОД 1711 г.: АСПЕКТЫ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ КАТАСТРОФЫ

10 июля 1725 г. в придворном журнале Екатерины I появилась очередная, по обыкновению краткая запись: *“Ея императорское величество изволила быть у обедни в Троицкой церкви, потом изволила слушать молебна благодарственного за избавление от турков в случае, бывшем при Пруте в 1711-м году ...”*². Что же это был за “случай”, воспоминания о котором ровно четырнадцать лет спустя привели не особенно благочестивую императрицу под своды Троицкого собора?

I

Прутскому походу российской армии 1711 г. посвящена значительная, хотя и отчасти национально обособленная историография. Крупнейшим на сегодня исследованием обстоятельств похода определенно следует признать изданный в 1951–1953 гг. на турецком языке 2-томный труд профессора новейшей истории Университета Анкары А.Н. Курата “Прутский поход и мир” (в 1962 г. основные положения этой работы были опубликованы также на немецком языке)³. Аналога фундаментальной монографии Акдеса Курата в отечественной литературе так и не появилось, хотя отдельные стороны похода – в первую очередь, дипломатическая – оказались освещены российскими учеными вполне систематически⁴.

Нельзя не отметить, что на разыскания, касающиеся Прутского похода, зримый отпечаток наложили патриотические настроения авторов: одни и те же ситуации подчас едва не противоположно интерпретировались русскими и турецкими исследователями. Особенно спорным, закономерно, оказался вопрос об оценке кульминационного события похода – окружения российской армии на Пруте в июне 1711 г. Среди многообразных суждений об этом событии особняком выкристаллизовалась точка зрения, что на Пруте турки упустили грандиозный исторический шанс надломить Россию, существенно изменить на обозримое будущее геополитическую ситуацию в Восточной Европе.

Еще в 1913 г. столь политически одиозный впоследствии Х. Юберсбергер несколько туманно высказался о том, что в июле 1711 г. турки не воспользовались неким уникально благоприятным моментом, “который более не представлялся Османскому государству”. Спустя почти два десятилетия турецкий военный историк Неджати Салим заметил, что “на берегу реки Прут сорокатысячное русское войско во главе с командующим и основателем России Петром Великим должно было найти свою могилу. Нет сомнения, что результат этой битвы и ее влияние на мировую политику могли бы быть другими”⁵.

Названный сюжет не обошел и А.Н. Курат. Описывая колебания турецкого командования на Пруте относительно предложения русских вступить в переговоры, профессор указал, что великому визирю Балтаджи Мехмед-паше “предстояло принять решение, которое должно было дать новый виток истории Восточной Европы”. Наконец в статье 1966 г. Ш. Лемерсье-Кельеже упомянул, что в июле 1711 г. Петр I “избежал величайшей катастрофы, в которой рисковала обрушиться вся структура только что построенной им молодой империи”⁶.

Конечно, подобные суждения не лишены публицистического оттенка – тем более, что ни один из приведенных авторов даже бегло не увязал военную ситуацию на Пруте с внутренним состоянием Русского государства. Между тем сам по себе вопрос о возможных последствиях для нашей страны гибели в дальнем краю армии во главе с царем, думается, все-таки заслуживает специального рассмотрения. Но прежде чем переходить к сюжету о гипотетическом развитии событий в России в случае разгрома турками нашей армии, необходимо затронуть проблему: а насколько значительной была в июле 1711 г. вероятность такого разгрома?

Итак, 9 июля 1711 г. в излучине реки Прут близ урочища Рябая Могила (по-турецки эта местность именовалась Хуш) российская армия попала в окружение. Численность оказавшихся в “котле” наших войск известна точно: 31 554 человека пехоты и 6692 – кавалерии. Сложнее установить численность противника. По наиболее авторитетным подсчетам А.Н. Курата, турецкая группировка на Пруте составляла от 80 до 100 тысяч человек. Кроме того российским дивизиям противостояло, по меньшей мере, от 20 до 30 тысяч крымских татар⁷. По артиллерии соотношение было 407 к 122 орудиям – аналогично в пользу турок.

Совершенно очевидно, однако, что механическое сопоставление количественного состава противоборствующих сторон заведомо малопродуктивно. В военной истории достаточно примеров, когда уступавшие противнику

численно армии одерживали победы. Поэтому стоит внимательнее остановиться на вопросе о реальной боеспособности сошедших на Пруте войсковых группировок. Как известно, в XVIII в. такая боеспособность обуславливалась, прежде всего, моральным и физическим состоянием, а также уровнем боевой выучки личного состава.

С одной стороны, по морально-психологической устойчивости и по боевому опыту русские солдаты и офицеры – ветераны Лесной и Полтавы – несомненно превосходили турок. Что и говорить, с севера на берега Прута являлась армия победителей⁸. С другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что российские войска находились на значительном удалении от национальной территории, не имели мотивации защиты своей земли. Это не могло, разумеется, не ухудшать моральный настрой солдат. Случись окружение русской армии где-нибудь на Оке или на Десне, расклад был бы принципиально иной.

С третьей стороны, наряду с теми самыми ветеранами Лесной и Полтавы в боевых порядках русских частей находились и только что набранные рекруты.

Несмотря на то, что сведения об укомплектовании двинувшейся к турецким границам армии новобранцами давно опубликованы, этот сюжет до настоящего времени не привлекал внимания исследователей. А рекрутами действующую армию пополнили щедро.

Согласно подготовленной в мае 1711 г. в Сенате ведомости, в маршировавшие на юго-запад войска направили 12 324 новобранца⁹. Таким образом, в окруженных на Пруте четырех русских дивизиях почти каждый третий солдат проходил только первые месяцы службы. При всем том, что в апреле 1711 г. Петр I писал Б.П. Шереметеву, чтобы поступающих в части рекрут “*учить непрестанно*”¹⁰, совершенно очевидно, что и психологическая устойчивость, и боевые навыки вчерашних “*уездных людей*” оставляли желать много лучшего.

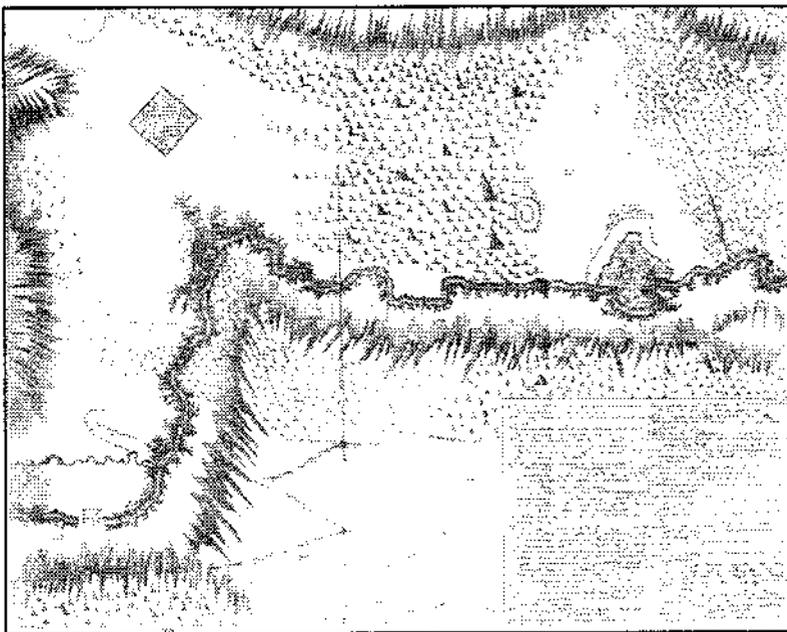
Но куда хуже дело обстояло с физическим состоянием наших войск. Еще до первых столкновений с турками на российскую армию обрушились крайний недостаток провианта и тяжелейший климат. Поскольку данные о полной неподготовленности Прутского похода в продовольственном отношении давно уже стали хрестоматийными, имеет смысл упомянуть единственно о распоряжении по армии от 5 июля о приобретении, “*где возможно*”, ручных жерновов для перемолки в частях самостоятельно же собранного зерна¹¹. Нечего и говорить, что подобный характер питания не мог не вызвать у личного состава массовые желудочно-кишечные расстройства, резкое снижение общефизического тонуса¹².

Что же касается климата, то дневная температура в местах тогдашнего движения русской армии составляла в июле, как правило, +38... +40 градусов. Даже для закаленных солдат подобный температурный режим был, конечно, труднопереносимым. И совсем худо приходилось рекрутам. Дело в том, что из упомянутых новобранцев 7261 человек призывался из Московской губернии, 1341 – из Архангелогородской, а 1105 – так и вовсе из Сибирской¹³.

Нельзя не добавить также, что лишения российских солдат усугублялись отсутствием палаток. Много внимания уделивший обеспечению армии понтонами, Петр I вспомнил о солдатских палатках только в конце июля, с безнадежным запозданием распорядившись закупить полотно для них во Львове¹⁴. При обычных для тех мест перепадах дневной и ночной температур в летние месяцы в 15–17 градусов ночевки солдат под открытым небом явно не укрепляли их здоровье.

Как ни поверни, изначально адаптированные к жаркому климату, бесперебойно снабжавшиеся провиантом с перевалочной базы в Исакче, турецкие войска превосходили изнуренных до предела русских по физическому состоянию¹⁵. Впрочем, анализируя военную ситуацию на Пруте, нельзя игнорировать еще и фактор тактический. Может, российским войскам удалось занять на местности Хуш господствовавшие высоты, подготовить глубоко эшелонированную систему временных фортификационных сооружений?

Увы, занятая русской армией к 9 июля позиция отличалась изрядной невыгодностью и была инженерно мало обустроена. Скуденно расположившиеся в узкой низине, площадью всего около трех квадратных километров, успевшие окопать невысоким бруствером менее половины окружности лагеря (остальной периметр прикрывался одними переносными рогатками) наши дивизии оказались к тому же в почти целиком простреливаемом турец-

План расположения русского и турецкого лагерей у реки Прут

кой артиллерией пространстве¹⁶. Эффективная оборона подобной позиции – даже без учета отсутствия провианта – безусловно, исключалась.

Разумеется, у русской стороны оставалась возможность (неслучайно зафиксированная в решениях военного совета и от 9, и от 10 июля¹⁷) идти на прорыв, сойтись с противником врукопашную. Понесшая значительные потери во время яростного, но беспорядочного штурма русского лагеря вечером 9 июля турецкая пехота вряд ли выдержала бы прямой штыковой удар наших войск. В этом отношении прорыв бесспорно имел предпосылки успеха.

Загвоздка состояла в другом. Оставшимся почти без боевого конского состава русским дивизиям противостояли не только пехотные подразделения турок, но еще и, по меньшей мере, 20 тысяч конных спагов (не считая отмеченных 20–30 тысяч татар). Пока русские войска укрывались за рогатками, они были почти не уязвимы для

вражеской кавалерии. Но в случае атаки турецких позиций наши солдаты немедленно оказались бы под ударом татар и спагов. Безусловно, сохранившие способность провести – в аффективном состоянии – скоротечный успешный бой с вражеской пехотой, пробиться сквозь линии турецких окопов, ветераны Полтавы однозначно не имели никаких шансов одолеть конницу противника.

Итак, положение русской армии на Пруте 10 июля 1711 г. было в военном отношении, думается, безнадежным¹⁸. Продолжение обороны на абсолютно невыгодной позиции грозило смертью от голода и массированных артиллерийских обстрелов, прорыв – гибелью от сабель татар и спагов. Самолитно внесенная Петром I в черновик “Истории Свейской войны” хрестоматийная фраза о том, что 10 июля наступило время “или выиграть, или умереть”¹⁹, оставляет впечатление лукавой риторики. Реальный выбор был иным: смерть или капитуляция²⁰.

И вот утром 10 июля в расположении российских войск появились белые флаги²¹ – Петр I решил вступить в переговоры. После длительных колебаний турецкое командование ответило согласием. Представлять нашу страну царь определил барона П.П. Шафирова²².

Дальнейшее хорошо известно: в ходе крайне напряженных трехдневных переговоров Петру

1. Копия
 Принято денег. Уставадина Тимурли
 Кривцкая Мухоморова 50000.
 Якушев Кривцкая Мухоморова 20000.
 /Данная сумма
 Итого на башни туркам тысяча 150000.
 Машин сав у дулиман, дань 5. Вещи
 Рахь, 100000.
 Писать дене одане Турк и посылать 150000
 Машин сав ироньхь Едла одане.
 2000 рубль
 Машин сав

Расписка А.П. Вольнского [от июля 1711 г.]
 в принятии денег, предназначенных для подкупа визиря.
 РГАДА. Ф. 89. № 7. Л.323.

Шафирову удалось переиграть турок, заключив 12 июля сопряженный с относительно умеренными потерями для России мирный договор. Поскольку обстоятельства заключения Прутского мира получили детальное освещение в литературе, в рамках данной статьи имеет смысл коснуться единственно вопроса о роли в этих переговорах финансового фактора. Другими словами, в какой мере результаты переговоров на Пруте обусловил давно установленный факт доставки российской стороной в турецкий лагерь внушительной денежной суммы²³?

Начать с того, что доставленная ротмистром А.П. Вольнским 14 или 15 июля позаимствованная из походной армейской казны сумма была в самом деле внушительной – 250 тысяч рублей серебряной монетой. Если учесть, что весь государственный бюджет нашей страны на 1710 г. составил 3,045 млн рублей (в приходной части)²⁴, то легко исчислить, что туркам одновременно передавалось около 1/12 годового национального дохода. Но, может, обозначенная сумма являлась контрибуцией, формой откупа побежденных?

Совокупность зафиксированных в российских документах прямых и косвенных данных категорически свидетельствует: деньги предназначались лично великому визирю Балтаджи Мехмед-паше, кяхье (начальнику канцелярии. – Д.С.) Осман-аге, чавуш-баше Ахмед-аге, командующему янычар Юсуф-паше. Разумеется, в случае капитуляции или разгрома российской группировки ее походная казна и так оказалась бы в распоряжении турок. В таком случае, однако, бочки с серебром стали бы официальными трофеями или же добычей солдат и офицеров, миновав тем самым карманы великого визиря и его ближайших соратников.

Другое дело: а на какие уступки пошло ослепленное, так сказать, алчностью турецкое командование? Ведь собственно турецкие геополитические цели в тогдашней войне с Россией (ключевой из которых было, конечно, возвращение Азова) оказались вполне достигнуты в ходе переговоров на Пруте. По образному выражению современного российского автора, “великий везир Мехмед Балтаджи... сумел “захлопнуть окно” на Азовское море, пробитое Петром I в 1696 г.”²⁵

Думается, тайно привезенные в распоряжение турок деньги явились платой за иную уступку – беспрепятственный уход из едва не ставшей гигантской могилы низины в излучине реки Прут обескровленных русских дивизий. Как представляется, именно благодаря убедительно предложенным многоопытным дельцом П.П. Шафировым 250 тысячам рублей (по ехидству судьбы, так и не доставшимся адресатам)²⁶, наши войска получили возможность 12 июля выступить из лагеря *“с распущенными знаменами, барабанным боем и с флейтами перед каждым полком”*²⁷. Катастрофа не состоялась.

II

Как могли повернуться события, если бы подканцлер П.П. Шафиров не сумел договориться с турками? Что касается Петра I, то он, по всей очевидности, не пережил бы 1711 год. Царь рисковал погибнуть от турецкого ядра или пули во время очередного обстрела (как семь с половиной лет спустя под стенами крепости Фридрихстен сложил голову другой «монарх-солдат» Карл XII). Еще менее вероятно, чтобы Петр I уцелел в хаосе масштабного полевого сражения, завязавшись оно при попытке прорыва наших войск или же при отражении запланированного турками на 10 июля генерального штурма русского лагеря.

Впрочем, смерть царя могла последовать и естественным образом. Испытавший в дни прутского окружения колоссальные нервные и психические перегрузки, доходивший временами до отчаяния, потерявший сон²⁸ Петр I вряд ли выдержал бы еще и потрясение капитуляции. Если бы вместо почетного отступления во главе армии с распущенными знаменами последующие июльские дни принесли царю позор пленения²⁹, он, скорее всего, скоропостижно сошел бы в могилу, сраженный болезнями.

Между тем, смерть носителя верховной власти – пусть и неожиданная, и произошедшая за пределами национальной территории – сама по себе мало что меняла в исторической ситуации. Да и разгром окруженных на Пруте дивизий стал бы тяжким, но заведомо не смертельным ударом для российских вооруженных сил. Достаточно вспомнить, что в численном отношении двинувшаяся на османов группировка составляла менее половины тогдашней русской армии.

Выходит, 10 июля Мехмед Балтаджи припимал вовсе не “мировое историческое решение”, а прутская эпопея не являлась *“одним из самых удивительных и необыкновенных событий, которые когда-либо случались”*³⁰? Не являлась – если не учитывать контекста внутрироссийской обстановки. Не учитывать, в каком состоянии находилась страна, которую Петр I оставил за спиной, столь опрометчиво направившись к берегам Босфора.

А состояние России в середине 1711 г. было, несомненно, глубоко кризисное. Десятилетнее участие в Великой Северной войне совершенно перенапрягло отечественные людские и финансовые ресурсы, привело к существенному падению уровня жизни основной массы населения. Страна изнемогала от шедших чередой рекрутских и трудовых мобилизаций, от непрерывно возрастающих “окладных” и экстраординарных сборов, безудержного лихоимства интенсивно разбухавшего чиновничества³¹.

Тяжелое социально-экономическое положение не могло не привести и к ухудшению криминогенной ситуации. Многочисленные шайки “воровских людей” буквально терроризировали сельские районы, свирепствовали по городам. Доходило до того, что бесчинства криминальных группировок затрудняли передвижения высоких должностных лиц. Так, управитель Московской губернии В.С. Ершов, собираясь в августе 1711 г. выехать в Смоленск, всерьез опасался, что его проезду могут воспрепятствовать *“большая разбойническая артели... которая ныне около Вязмы и повсюду zelo тяжки суть”*³². Если бандитских “артелей” страшился сам московский управитель, то что говорить о защищенности рядовых крестьян и посадских...

Далеко не в порядке находилась в год Прутского похода и система государственного управления. Что касается высшей власти, то сменивший аморфную, игравшую чисто координационную роль “Консилию министров” Правительствующий Сенат еще только-только осваивался в административном пространстве. Составленный большей частью из относительно малоавторитетных лиц³³ Сенат не выработал к середине 1711 г. механизм взаимодействия с нижестоящими учреждениями, толком не откристаллизовал собственную компетенцию.

Круг мелочных вопросов, рассматривавшихся сенаторами весной и летом 1711 г., поражает: тут и решение о выдаче провианта присланным из Ярославля 48 рекрутам, тут и решение о зачислении в московский гарнизон 12 недорослей из Керенска, тут и решение о передаче захваченных поручиком Тихоном Геевым разбойников ростовскому коменданту³⁴. Характерно, что к той же середине 1711 г. не устоялось даже название учреждения: сам Петр I именовал Сенат то “Правительствующим”, то “Вышним”, то “Управительным”³⁵.

Худо было и с центральным управлением. Изрядно порушенная за 1700-е гг., утратившая целостность архаичная приказная система продолжала, однако, функционировать. Рядом со старинными учреждениями множились новоманерные канцелярии (изначально нередко являвшиеся военно-походными отделениями соответствующих приказов)³⁶. Подобная ситуация порождала устойчивую межведомственную неразбериху, существенно затрудняла оперативное разрешение многих вопросов, открывала широкий простор для служебных злоупотреблений.

Немало проблем имелось также в управлении местном. Проводившаяся в 1709–1710 гг. I губернская реформа едва не парализовала своим размахом отечественный госаппарат. Особенно трудно сложилась передача в регионы налоговых полномочий центральных ведомств (по этому поводу, как известно, обер-инспектор Ратуши А.А. Курба-

тов даже вступил в полемику с царем). Так или иначе, но в 1711 г. губернский механизм требовал, несомненно, еще длительной отладки.

При этом объем власти, который первоначально заполучили губернаторы, был сопоставим, думается, разве что с властью удельных князей. Высказанный Александру Меншикову упрек Петра I, что *“о вашей губернии ни о чем не ведаем, будто о ином государстве”*³⁷, звучал, безусловно, симптоматично. Нечего и говорить, что грянувшее в марте 1711 г. подчинение губернаторов Правительствующему Сенату не вызвало с их стороны особого энтузиазма. Царю пришлось несколько раз напомнить и А.Д. Меншикову, и Ф.М. Апраксину о необходимости *“писать к Сенату”*³⁸.

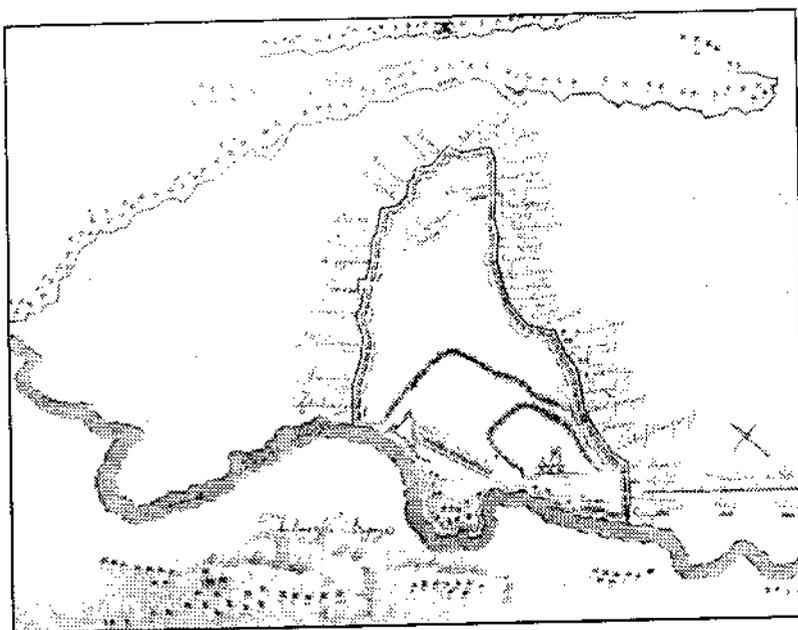
Определенная неупорядоченность сохранялась в 1711 г. и в низовых структурах регионального управления³⁹. С одной стороны, на исходе 1700-х гг. в нашей стране возникло среднее звено местной власти – провинция (во главе с обер-комендантом). Эта административно-территориальная единица не получила, однако, всеобщего распространения⁴⁰.

С другой стороны, губернская реформа совершенно не коснулась уездного уровня. После зримой неудачи с попыткой создать институт выборных товарищей воевод Петр I решил, по-видимому, до поры до времени не трогать низшее региональное управление. В итоге, основным подчиненным губернатора в 1711 г. являлся все тот же старомосковский воевода – хотя и переименованный, сообразно духу времени, в коменданта.

Неблагополучно обстояло дело с правоохранительной системой. Отправление правосудия было по-прежнему рассредоточено по множеству неспециализированных инстанций, крайне затруднялось устарелостью норматив-

ной базы. Ликвидация в 1702 г. проверенных временем губных изб (а годом раньше – Разбойного приказа) серьезно ослабила противодействие массовой уголовной преступности. И если государственные преступления вполне эффективно искоренял зловещий Преображенский приказ⁴¹, то вся тяжесть борьбы с разбоями легла на слабосильные местные учреждения общего управления. Неудивительно после этого, что даже губернаторы опасались ездить по большим дорогам...

Совершенно безнадзорным оставалось издревле не отличавшееся бескорыстием российское чиновничество. Возглавлявшаяся престарелым Н.М. Зотовым Ближняя канцелярия осуществляла контроль исключительно за финансовой деятельностью учреждений, никак не охватывая их персонал. Основанная же в марте 1711 г. фискальская служба – первое в нашей стране специализированное обще-

План расположения русских и турецких войск 8–12 июля у реки Прут

надзорное ведомство – реально сформировалась только к концу года⁴². Закономерно поэтому, что даже заезжий дипломат и тот констатировал, что *“в России неподкупный комиссар встречается так же редко, как трилистник о четырех листьях”*⁴³.

За спиной двинувшегося покорять Константинополь Петра I осталась разоренная, с полудезорганизованной системой управления и разложившимся госаппаратом, захлестываемая преступностью страна. В год Прутского похода Россия находилась в опаснейшей фазе истощения ресурсов, широко развернувшихся, но далеко не завершенных преобразований и при том на самом пике тяжелой войны. Подобные шаткие ситуации всегда образовывали перепутья, развилки национального исторического пути.

А на таких перепутьях личностный фактор неизменно (хотя и ненадолго) приобретал исторически значимую роль. Вот почему в условиях 1711 г. гибель царя-реформатора оказалась бы, вероятнее всего, прологом крупномасштабных потрясений, отправной точкой существенно иной линии дальнейшего развития страны. Вот почему думается, что 10 июля 1711 г. великий везир Мехмед Балтаджи действительно *“принимал решение, которое должно было дать новый виток истории Восточной Европы”*.

III

Как именно могли развернуться события, если бы Петр I встретил смерть на “Туретчине”? При всей затруднительности прогноза, касающегося столь хронологически удаленного несостоявшегося будущего, представляется несомненным, что схватка за отечественный престол была бы жестокой. Присущая любой правящей элите кон-

курения между ее группами рисковала в тогдашней российской обстановке принять максимально острые формы. И наличие легитимного наследника царевича Алексея Петровича в данном случае, думается, ситуацию не меняло.

Дело в том, что в 1711 г. в правительственной иерархии отчетливо доминировал светлейший князь и герцог Ижорский Александр Данилович Меншиков⁴⁴. Всецело обязанный головокругительным возвышением Петру I, Александр Данилович рисковал в случае воцарения Алексея очень многим. Находившийся в длительно неприязненных отношениях с наследником⁴⁵ герцог Ижорский успел к тому же приобрести немало врагов и в коридорах власти. При таком раскладе на кону стояли не просто карьера, материальное благополучие, а сама жизнь светлейшего князя. И нет сомнений, что А.Д. Меншиков не стал бы сдаваться без боя.

Возглавлявший администрацию Северо-Западной России, командовавший войсками, дислоцированными в Эстляндии и Лифляндии, имевший спаянную команду приверженцев, Александр Меншиков располагал в 1711 г., безусловно, широкими возможностями для разнообразных политических комбинаций. Сославшись на тайное распоряжение погибшего или плененного царя, он мог, захватив находившегося в Дрездене Алексея Петровича, наглухо изолировать его, мог насильно постричь в монашество. Вот и писали бы позднейшие историки и литераторы о загадочной “железной маске”, томившейся в каком-нибудь меншиковском замке Раненбург, или царственном иноке из Соловецкой обители... На престол же могла быть возведена одна из внебрачных дочерей Петра I – 3-летняя Анна или 2-летняя Елизавета. Реальную верховную власть получил бы в этом случае регентский совет во главе, естественно, с герцогом Александром Даниловичем.

С другой стороны, отнюдь не наивный Алексей Петрович также имел свои возможности для противоборства с “полудержавным властелином”. Царевич мог опереться на российские части, расположенные в Польше и на Украине. Законного наследника, скорее всего, поддержали бы послы в Дании и Польше В.Л. и Г.Ф. Долгоруковы, киевский и смоленский губернаторы Д.М. Голицын и П.С. Салтыков, командующие войсковыми группировками на юго-западе И.И. Бутурлин и М.Г. Ромодановский. Да и влиятельнейший посол в Ганновере князь Борис Куракин, отстраненный в 1709 г., просками светлейшего князя, от командования Семеновским полком, вряд ли уклонился бы от поддержки Алексея Петровича.

А может, в дело вступила бы некая “третья сила”? В конце концов, в год Прутского похода вполне здравствовал ряд представительниц царствующего дома, под имена которых (разумеется, чисто номинально) могли спрятаться какие-то группировки. Живы были и единокровная сестра Петра I Наталья Алексеевна, и его старшие сводные сестры Евдокия, Екатерина, Мария и Феодосья Алексеевны. В здравии находилась и вдовствующая царица Марфа Матвеевна, два родных брата, которые – П.М. и Ф.М. Апраксины – губернаторствовали в сопредельных Казанской и Азовской губерниях. Между прочим, Федор Апраксин (вообразив, что царь в плену) успел 1 августа уже отказаться исполнять высочайшее распоряжение о передаче Азова туркам...⁴⁶

Почти точно не обошлось бы без самозванцев. Уж явно не одного чудесно спасшегося “в турках” Лжепетра узнала бы тогда Россия. Наверняка, появились бы и Лжеалексеи. Вероятно, заявили бы о себе и сепаратисты (вроде казанского деятеля 1600-х гг. Никанора Шульгина). При всей неясности конкретного сценария развития внутривосточных событий совершенно очевидно, что в стране разразилась бы новая Смута (хотя и, вероятно, уступающая по масштабу потрясениям столетней давности). В условиях продолжавшейся войны с несомненной Швецией все это не могло не повлечь новых военных и дипломатических поражений.

Несомненно, что, кто бы ни утвердился в итоге междоусобия на всероссийском престоле, из Смуты 1710-х гг. наша страна вышла бы изрядно ослабленной. И хотя во втором десятилетии XVIII в. крайний вариант – утрата национальной независимости России – судя по всему не грозила (слишком ослабели к тому времени ее геополитические соперники), страна все равно понесла бы значительные территориальные потери, на долгие годы вновь превратилась в дальнюю окраину Европы. Толком не отстроенный Санкт-Петербург стал бы одной из шведских крепостей, Курск, Воронеж, Смоленск – пограничными городами.

Как известно, ничего подобного не случилось. Маятник исторической судьбы, замерев на роковое мгновение, качнулся в сторону той череды событий, которая реально протянулась от 11 июля 1711 г. до наших дней. И все-таки ледяное дыхание вплотную надвинувшейся катастрофы еще долго отзывалось в душах участников прутской эпопеи. Так что неслучайно, совсем неслучайно в далекий день 10 июля 1725 г. ступила императрица Екатерина Алексеевна под своды Троицкого собора...

¹ Прокопович Феофан. Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. М.: Л., 1961. С. 214 - 215.

² Походный журнал 1725 года. СПб., 1855. С. 14.

³ Kurat A.N. Der Prutfeldzug und der Prutfrieden von 1711 // *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*. 1962. Bd. 10, H. 1. S. 13 - 66. Вполне содержательную, но патристически тенденциозную отечественную рецензию на эту статью см.: Водарский Я.Е. По поводу работы турецкого историка о Прутском походе 1711 г. // *История СССР*. 1963. № 6. С. 207 - 212.

⁴ Наиболее систематический обзор литературы, а также архивных и опубликованных источников о Прутском походе можно найти в изданной в 1971 г. академической монографии С.Ф. Орешковой “Русско-турецкие отношения в начале XVIII в.” В самой монографии обстоятельствам похода специально посвящена глава третья – самый, пожалуй, значимый к настоящему времени отечественный вклад в историографию темы. Из работ, появившихся в нашей стране после выхода в свет книги С.Ф. Орешковой, следует отметить, прежде всего, детальное и целостное

- изложение дипломатической истории Прутского похода во второй и третьей главах труда В.А. Артамонова "Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы". Относительно подробное освещение событий похода получили и в известных монографиях Е.В. Анисимова и Н.И. Павленко о Петре I. Наконец, отдельные сюжеты Прутского похода и его ближайших последствий оказались – с разной степенью подробности – затронуты в новейших диссертационных исследованиях и статьях Н.А. Коломова (эвакуация Азова и Таганрога) и О.Г. Санина (участие в русско-турецком конфликте 1711 г. крымских татар). См.: Анисимов Е.В. Время Петровских реформ. Л., 1989. С. 214 - 225; Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709 - 1714). М., 1990. С. 44 - 96; Коломов Н.А. Формирование Азовской губернии и деятельность высших губернских администраторов в 10-е - 20-е годы XVIII в.: Автореф. дисс... канд.ист.наук. Воронеж, 1998. С. 13 - 14; Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 4 - 25, 93 - 137; Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 326 - 358; Санин О.Г. Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII в.: Автореф. дисс... канд.ист.наук. М., 1996. С. 17 - 19; Он же. Крымское ханство в русско-турецкой войне 1710 - 11 года // Москва - Крым: Историко-публицистический альманах. М., 2000, № 2.
- ⁵ Цит. по: Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения... С. 10-11, 12.
- ⁶ Kurat A.N. Der Prutfeldzug... S. 47 [пер. А.Г. Кравцовой]; Lemerrier - Quelquejay Ch. La campagne de Pierre le Grand sur le Prut d'après les documents der Archives Ottomans // Cahiers du monde russe et soviétique. 1966. V. 7. № 2. P. 224 [пер. L.G. Lallemand]. Далее Ш. Лемерсье - Кельске заметил также, что 10 июля 1711 г. "Отоманская империя потеряла случай, который никогда больше не представился в будущем: нанести своему главному противнику (России, - Д.С.) удар, который бы мог изменить ход истории" (Р. 228).
- ⁷ Kurat A.N. Der Prutfeldzug... S. 42. Сводку мнений о численности турецкой группировки на Пруте см.: Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения... С. 123 - 124.
- ⁸ Очень показательны, что в июле 1711 г. в Константинополе далеко несправедливо обвинили Россию в том, что она не получила в ответ от турецкой столицы уже 14 июля, вызвали глубокие сомнения в их достоверности (The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople (1710-1714) / ed. by A.N. Kurat. London, 1953. P. 57.). Такова была в ту пору магическая репутация полтавских победителей.
- ⁹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1880. Т. 1. С. 101.
- ¹⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11, вып. 1. С. 177.
- ¹¹ Бранденбург Н.Е. Русская артиллерия в Прутском походе 1711 года // Артиллерийский журнал. 1897, № 1. С. 13.
- ¹² По сообщению хорошо осведомленного английского посла в Турции Р. Саттона, на обратном марше в Россию наша армия – уже снабженная продовольствием – теряла от болезней по 500-600 человек ежедневно. А участник Прутского похода бригадир Жан-Никола Моро де Бразе, привел косвенные данные о тогдашних потерях русских войск, печально резюмировал: "Прочие остались на удобрение сей бесплодной земли, отчасти истребленные огнем неприятельским, но еще более голодом и голодом" (The Despatches of Sir Robert Sutton. P. 69; Записки бригадира Моро де Бразе, касающиеся до турецкого похода 1711 года // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Л., 1978. Т. 8. С. 328).
- ¹³ Доклады и приговоры... Т. 1. С. 100. Как ни поразительно, заведомо более привычных к жаркому климату рекрутов из Азовской и Казанской губерний на турецкий фронт лишь соответственно 445 и 1422 человека.
- ¹⁴ Письма и бумаги... Т. 11, вып. 1. С. 304. Что характерно, о палатках – правда, только для полупешого Ингерманландского полка – побеспокоился А.Д. Меншиков. По письму светлейшего князя 27 марта 1711 г. Сенат предписал изготовить в названный полк 364 солдатских палатки за счет Московской губернии (Доклады и приговоры... Т. 1. С. 24 - 25).
- ¹⁵ Для характеристики состояния турецких войск в отечественной литературе обычно цитировалось донесение русского информатора в Константинополе Л. Барки о перебрасывавшихся из Малой Азии подразделениях, в которых "народ плох, ободран, без ружья..." (Письма и бумаги... Т. 11, вып. 1. С. 570; Водарский Я.Е. По поводу работы турецкого историка... С. 208; Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения... С. 115). Между тем, участник похода с российской стороны оставил несколько иное внешнее описание частей противника на Пруте: "Из всех армий мира, которые удалось мне видеть, никогда не видывал я ни одной прекраснее, величественнее и великодушнее армии турецкой. Эти разноцветные одежды, ... блеск оружия, ... величавое одобрение головного убора, эти легкие, но завидные кони, все это... составляло картину невыразимую..." (Записки бригадира Моро де Бразе... С. 319.). Видать, не из одного только "ободранного народа" состояли турецкие войска...
- ¹⁶ The Despatches of Sir Robert Sutton. P. 65, 76; Kurat A.N. Der Prutfeldzug... S. 40, 45. Стоит добавить, что турецкая артиллерия была установлена преимущественно на тех самых господствовавших высотах, о занятии которых загадочным образом не побеспокоилось российское командование.
- ¹⁷ Письма и бумаги... Т. 11, вып. 1. С. 313, 316.
- ¹⁸ Так, как уже отчасти упоминалось, положение нашей армии 9-10 июля как совершенно отчаянное оценивали многие современники и позднейшие авторы причем не только зарубежные. По емкому выражению авторитетного российского исследователя, ситуация на Пруте "сложилась такая, что (Петру I - Д.С.) самое время подумать о завещании" (Анисимов Е.В. Время Петровских реформ. С. 218). Что же касается одного из ключевых для отечественной историографии тезисов – будто бы турецкие войска оказались совершенно деморализованы неудачными атаками русского лагеря 9 июля, а потому неспособны к продолжению боев, то эту версию, увы, убедительно оспорил А.Н. Курат (Kurat A.N. Der Prutfeldzug... S. 46).
- ¹⁹ Письма и бумаги... Т. 11, вып. 1. С. 570. Интересные подробности о тщательной обработке Петром I раздела о Прутском походе в официальной "Истории Свейской войны" см.: Майкова Т.С. Петр I и "История Свейской войны" // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 130-131.
- ²⁰ Из числа современников наиболее четко подобную альтернативу, кажется, сформулировал детально информированный о Прутском сражении Джеймс Джеффри, английский посланник при Карле XII. В донесении от 16 июля 1711 г. он писал, в частности, что "у москвитов оставался единственный выбор: или отдаться в рабство туркам, или погибнуть от их обстрела" (цит. по: Lemerrier - Quelquejay Ch. La campagne de Pierre le Grand sur le Prut... P. 227; пер. автора).
- ²¹ Kurat A.N. Der Prutfeldzug... S. 46. В отечественной литературе об этой детали, понятное дело, умалчивалось.
- ²² Отчего Петр I направил для переговоров с турками именно П.П. Шафирову? Думается, царь принял во внимание как обширный дипломатический опыт подканцлера, так и его незаурядную коммуникабельность и деловитость. Свою роль, как представляется, сыграло и этническое происхождение барона Петра Павловича. Житейски выражаясь, расчет Петра I состоял в том, что ушлый иудей сумеет заморочить туркам головы – как оно впоследствии и получилось. Вспомнивая несколько позднее обстоятельства своего назначения на прутские переговоры, Петр Шафиров отмечал, что "я не сам назвался [напросился], как ныне, слышу, говорят, но послан в такое время, когда все были близ погибели..." (см. его письмо С.Л. Владиславичу от 9 октября 1713 г.: Архив СПб ФИРИ, ф. 83, оп. 3, № 6, л. 307 об.; черн. оттиск).
- ²³ Первые российские документы об организации в июле 1711 г. подкупа турецкого командования ввел в научный оборот еще С.М. Соловьев (Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. 8. С. 371, 376).
- ²⁴ См. запись государственных доходов по губерниям от 27 января 1710 г.: Письма и бумаги... Т. 10. С. 25.
- ²⁵ Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая... С. 93.
- ²⁶ Согласно подготовленному П.П. Шафировым в 1721 г. финансовому отчету присылка в турецкий лагерь в июле 1711 г. возов с деньгами получила непредвиденную огласку. В итоге, как вспоминал Петр Павлович, "крайней везир Мегмет-паша и при нем сушие знатные министры за опасностью... не посмели тех обещанных и объявленных им дач от [российских] министров принять, хотя оные денги им уже разотчены и на телеги, от них присланные... розложены были" (РГАДА, ф. 89, 1711 г., № 7, л. 3 об. - 4). Публикацию одного из документов, связанных с этой историей, в своей книге сделал Артамонов (Материалы для его биографии). 1711 - 1718 / Публ. П.П.

ОСАДА И ВЗЯТИЕ ШВЕДСКОЙ КРЕПОСТИ НОТЕБУРГ (ОРЕШЕК) РУССКИМИ ВОЙСКАМИ В 1702 г.

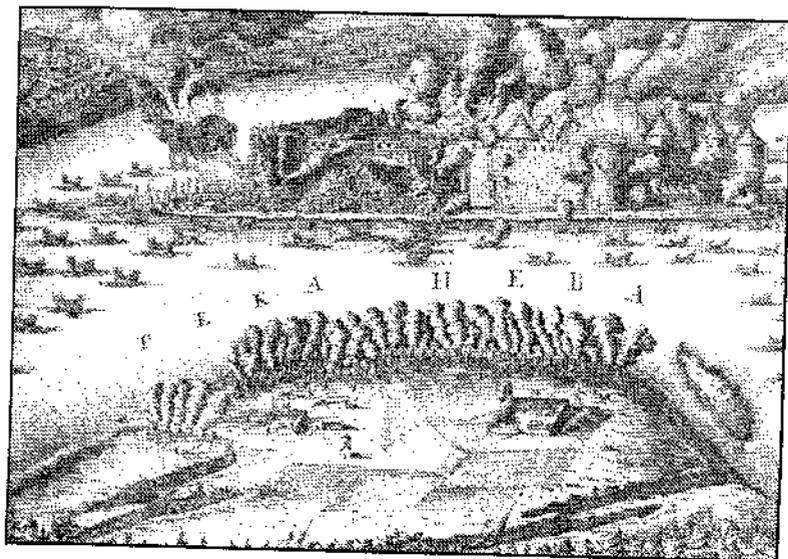
В 1702 г., воспользовавшись тем, что Карл XII «увяз» в Польше, и оправившись от поражения под Нарвой, русская армия перешла к активным наступательным операциям, целью которых стало возвращение Ингрии. Наиболее серьезной операцией того года стала осада древней русской крепости Орешек, захваченной в начале XVII в. шведами и переименованной ими в Нотебург.

Прежде всего следует отметить высокую обороноспособность крепости. Ее обеспечивало и островное положение: у самого выхода Невы из Ладожского озера на небольшом острове возвышались огромной толщины стены высотой около двух саженей, возведенные у самой воды. Безопасность сравнительно малочисленному гарнизону создавали не только мощные стены, но и высокая оснащенность артиллерией – в распоряжении 450 солдат и офицеров находилось 142 орудия¹.

Крепость, заложенная новгородцами в 1323 г. и перестроенная в начале XVI века, была снабжена семью паружными и тремя внутренними башнями. Они были круглыми; диаметр ствола вверху 16 м, толщина стен также внизу около 4,5 м. Лишь въездная Государева башня была в плане прямоугольной и отличалась усиленной защитой. В ней помещались двое ворот и две опускаемые решетки – герсы. Перед башней находился подъемный мост. Такой же мост и герса укрепляли вход в цитадель, дополнительно окруженную водяным рвом шириной 15 м. На стене цитадели сохранились выемка для поднятого моста и щель для пропуска подъемного коромысла. Опущенными решетками были снабжены еще два дополнительных выхода из крепости, находившиеся в пряслах между Королевской и Мельничной, также Мельничной и Флажной башнями. В отличие от выступающих наружу башен таковые же башни цитадели своими бойницами были нацелены исключительно внутрь крепостного двора; иными словами, это укрепление мыслилось последним рубежом защитников, второй и последней линией их обороны². Средняя высота стен крепости от подножия равнялась 12 м (цитадели 13–14 м), башен 14–16 м³.

Все башни (за исключением Воротной и Королевской, переложенной в конце XVII в.) первоначально членились на три яруса, причем нижний отделялся от двух верхних каменным сводом. Перекрытие второго и третьего этажей было деревянным. В каждом ярусе располагалось до шести отверстий для пушек; находившиеся в двух нижних этажах орудия били вдоль стен⁴.

Правда, нельзя забывать и о том, что каменная крепость была построена в 1352 г. и к тому времени уже несколько устарела. Во второй половине XVII в. в военных планах Швеции Нотебургу уделяли пристальное внимание. Проекты следовали один за другим. В связи с усовершенствованием артиллерии и распространением бастионной системы крепость стала казаться шведским военным «устаревшей» и даже «с самого начала плохо сложенной». В 1659 г. возник план обнести крепость бастионами, но он не был приведен в исполнение. В целом

Штурм шведской крепости Нотебург 11 октября 1702 г.
Гравюра А. Ф. Зубова. 1713 г.

фортификационные работы в Нотебурге шли, но медленно. Пока восстанавливалась одна часть крепости, другие разрушались. Шведский военный деятель, инженер и фортификатор Э. Дальберг, с 1674 г. назначенный генерал-квартирмейстером и укреплявший Ригу, Нарву и города Ингерманландии, не раз предостерегающе торопил шведское правительство с оборонными работами. В 1695 г. он писал королю, что русские в своем движении к Балтике «не встретят ничего, кроме Нотебурга, который благодаря своему расположению в прошлом был непобедимой крепостью, но вряд ли сумеет теперь выдержать атаки, как в старые времена, так как крепость тесна, ее старые башни и стены обветшали». Но его планы по укреплению башен и стен были реализованы лишь частично. Однако, по мнению А. Н. Кирпичникова⁵, не следует

преувеличивать слабость шведского Орешка. Крепость по-прежнему являлась грозной преградой для неприятеля и могла держаться достаточно долго.

Считается, что Петр принял решение об осаде Нотебурга в декабре 1701 или в январе 1702 г.⁶ Но в нашем распоряжении имеется инструкция царя Я. В. Брюсу, составленная в середине сентября 1701 г. В ней содержится указание «сделать сани под 6- и 3-фунтовые пушки... також на 12 мортиров...». Кроме того, следовало «изготовить 300 или 400 лестниц штормовых и сани, на чем весть, покрытые лубьем, чтоб было не знать их...»⁷. Можно предположить, что мортиры и лестницы предназначались именно для зимнего похода под Нотебург, а легкие пушки – для лифляндского «поиска» Б. П. Шереметева, в задачу которого не входила осада крупных крепостей⁸. Но это только предположение, требующее дальнейшего уточнения. Здесь же следует обратить внимание на обеспечение секретности задуманного предприятия – «сани, покрытые лубьем, чтоб не знать их». К тому же не исключено, что эти припасы готовились для зимнего похода, просто Петр решил заранее дать указание Я. В. Брюсу⁹ (кстати говоря, именно при подготовке этой осады началась карьера Я. В. Брюса по артиллерийскому ведомству).

В январе 1702 г. была составлена инструкция Б. П. Шереметеву, в которой царь сообщил фельдмаршалу о зимнем походе Орешек доставить и припасы провезти, сухого ядра в кандалах и в Орешке и покрыта ли Нева льдом¹⁰. Однако зимний поход не состоялся. Причины этого точно неизвестны, на сей счет существует две версии. П. О. Бобровский¹¹ и Д. Ф. Масловский¹² утверждали, что поход сорвался из-за неудовлетворительного состояния русских войск, причем последний в качестве аргумента привел резолюции монарха на докладе Б. П. Шереметева, в котором тот указывал на недостатки драгунских полков. Такой доклад действительно существовал¹³, но в нем речь шла главным образом о коннице, поэтому, на наш взгляд, нет оснований считать, что из-за этого доклада поход был отменен. По другой точке зрения, высказанной А. С. Кротковым¹⁴, Г. И. Тимченко-Рубаном¹⁵, И. Н. Божеряновым¹⁶, М. М. Бородиным¹⁷, Н. П. Волыньским¹⁸, Н. И. Павленко¹⁹, а также уже упоминавшимся П. О. Бобровским в более поздней работе²⁰, шведов выручили половодье и распутица, помешавшие доставить к крепости войско и припасы. Здесь имеется более веский «аргумент» – письмо Б. П. Шереметева Петру, в котором фельдмаршал сообщал царю об изменениях погоды²¹. Поэтому вторая точка зрения выглядит более убедительной (видимо, не случайно: П. О. Бобровский позже присоединился к ней).

Как бы то ни было, зимний поход не состоялся, но подготовка к осаде Нотебурга началась еще осенью 1701 г., когда Я. В. Брюс получил приказание изготовить 12 мортир. Надо сказать, что теперь был учтен опыт нарвской неудачи, когда орудия и снаряды подвозились по частям. Теперь все необходимое для осады сначала доставили в Ладугу, ставшую опорным пунктом экспедиции. Зимой там было приготовлено 10 мортир и 4500 бомб к ним, т. е. по 450 выстрелов на каждое орудие²². Как уже отмечалось выше, в тот момент они не понадобились, но зато пригодились позже. Так, 8 июня 1702 г. Петр писал Т. Н. Стрешневу: «изволь приказать Брюсу, чтоб которое изготовлено зимним путем, изготовил водою, и к ним 18-фунтовых, что есть, да 12 мортиров, и к ним по тысяче бомб, и ядер и пороху, также... мотыг и лопат втрое перед зимним»²³. Следовательно, в июне 1702 г. начался новый этап подготовки к походу, причем использовались припасы, заготовленные зимой. Я. В. Брюс обратился к царю за уточнениями: «к тем ли 10 мортирам две в прибавку или вновь 12 к посылке изготовить?», на что получил ответ: приготовить две мортиры²⁴. Параллельно с Я. В. Брюсом подготовкой артиллерии к походу, по-видимому, занимался А. А. Виниус, сообщивший Петру 20 июля, что в Новгороде готовы к отпуску в Ладугу 41 пушка, более 56 000 ядер к ним, лопаток и заступов до 16 000, кирок до 15 000, пороху из Москвы 28 000 пудов²⁵. По мнению В. Е. Шутога²⁶, в Ладугу была доставлена 91 пушка (правда, автор не ссылается на источник). Но скорее всего, часть из этого (если не все) осталась в резерве, то есть снова был учтен печальный опыт Нарвы, когда из-за несвоевременного подвоза припасов застопорился ход осады. Теперь резервы находились «под рукой». Уже 27 июля Я. В. Брюс начал отправлять к Нотебургу осадную артиллерию, в тот день было послано 27 пушек (12-фунтовых – 12 и 18-фунтовых – 15)²⁷.

Кроме того, в июне 1702 г. писарь Преображенского полка И. К. Муханов и сержант Преображенского же полка М. Щепотев получили указание: «Ехати им от Архангелского города морем до реки Онеги и рекою Онегою вверх и иными местами... наскоро, для описи и проведывания дорожного водяного и сухого путей, который бы имел быти от Города к Олонцу и до Великого Новагорода способной и блискою и мочно было бы тем путем проходить его, великого государя, служилым людям безо всякие остановки»²⁸.

Это стало началом пути от Архангельска к Нотебургу. Исходным пунктом «Осударевой дороги» стало «на взморьи у Вадегоры корабельное пристанище», у которого располагалось Нюхоцкое усолье (промысловое поселение для добычи соли) Соловецкого монастыря. От Нюхчи дорога шла «лесом и мхами» до Пулоозера (40 верст), далее до Вожмосалмы «лесами ж и болотами» (40 верст), потом по понтонному («живому») мосту (60 сажений) преодолевался пролив Вожмосалма и дорога проходила лесом до реки Выг (15 верст). Через реку был сооружен наплавной мост (120 сажений). Затем дорога сворачивала к западу до деревни Телекиной (25 верст), от которой шла в южном направлении «лесами ж и болотами» до своего конечного пункта Повенца (40 верст)²⁹. Общая протяженность «Осударевой дороги» составила 160 верст (172, 8 км)³⁰. По этой дороге протаскили два фрегата: «Святой дух» и «Курьер». При этом каждое судно тянули 100 лошадей с подводчиками (100 человек) и еще 100 пеших работных людей-бурлаков³¹.

В то же время готовилось к выступлению и войско, сосредоточенное в Новгороде и Ладоге. При выступлении Б. П. Шереметева из Ладоги у него было 16 505 человек пехоты: полки Преображенский (2064 человека), Семёновский (1840 человек), Деидюта (993 человека), Гулица (820 человек), фон Вердена (816 человек), Р. Брюса (673 человека), Девгерина (803 человека), Романовского (669 человек), фон Буковена (811 человек), Бернера (805 человек), Алраксина (902 человека), Гурика (477 человек), Иглица (561 человек), Гордона (454 человека), Байшева (651 человек), Трейдена (846 человек), Билса (759 человек), Островского (122 человека) и др. Кроме того, в составе корпуса имелось до 4000 человек конницы³².

Карл XII. Гравюра Е.-С. Хейфса.
Начало XVIII в.

Русское войско подошло к Неве 27 сентября, после чего начались осадные работы, сопровождавшиеся постоянными мелкими стычками, а также вылазками и ружейной стрельбой неприятеля. Но это не остановило деятельность осаждавших, и уже 29 числа начали делать батареи и кетели, на которые 30 сентября (или в ночь 1 октября) была установлена артиллерия: 31 пушка (из них 19 18-фунтовых и 12 12-фунтовых) и 12 мортир³³. А несколько позже, 3 октября, на другой стороне Невы были установлены 6 пушек и 3 мортиры (калибр не указан)³⁴. Таким образом, против крепости было задействовано 51 орудие, в том числе 37 пушек и 14 мортир.

Фрегаты располагались к северо-востоку от крепости на корабельном фарватере со стороны Ладожского озера, их задача состояла в предотвращении возможного подхода подкрепления с этого направления от Кексгольма³⁵.

1 октября начался артиллерийский обстрел Нотебурга, продолжавшийся непрерывно десять дней, пока запалы у большинства орудий не разгорелись и стрелять из них стало невозможно (некоторые позже были перелиты)³⁶. За это время было выпущено 10 725 зарядов, в том числе 2581 бомба (3-пудовая) и 8144 ядра (18-фунтовых – 3794, 12-фунтовых – 3850, 6-фунтовых – 500), а также 4471 ручная граната; при этом был потрачен 4371 пуд пороха³⁷. Правда, А. Н. Кирпичников указывает, что по крепости было выпущено свыше 15 000 ядер и бомб³⁸; но эта цифра не подтверждается источниками, поэтому ее следует признать завышенной. Основной удар был

направлен на Церковную и Келарскую башни и стену между ними. Здесь было сделано три пролома (в двух башнях и в куртине на юго-западной стороне³⁹), но они были в верхней части стены, что сильно затрудняло успех атаки⁴⁰. Более удачной была стрельба из мортирных батарей: при помощи навесной стрельбы удалось вызвать в городе два сильных пожара (6 и 11 октября)⁴¹. В целом Петр I остался доволен действиями артиллерии, отмечая в письме к А. А. Виниусу, что она «зело чудесно дело свое исправила»⁴². Но при этом следует иметь в виду, что она не смогла до конца выполнить поставленную перед ней задачи, и нотебургскую крепость пришлось штурмовать при помощи лестниц.

При этом по ходу обстрела возникло несколько локальных стычек. Например, 1 октября 1000 человек из гвардейских полков было послано на другой берег Невы, где располагались неприятельские шанцы и окоп, которые они заняли практически без боя⁴³. На следующий день неприятельский отряд (400 человек с 4 пушками) атаковал наш караул, стоявший недалеко от взятого накануне шанца у пильной мельницы (100 человек), но был отбит; благодаря присланному подкреплению, потеряв 64 человека убитыми, 8 – пленными, а также 3 пушки⁴⁴.

Уже 7 октября, убедившись в безрезультатности обстрела крепости, Петр приказал начать подготовку к штурму. В тот же день были собраны охотники, «которых немалое число записалось», а 9 числа раздали штурмовые лестницы⁴⁵. 11 октября эти охотники подъехали на лодках к острову с разных сторон, после чего начался штурм крепости, отличавшийся большим упорством. Осажденным помогало и то обстоятельство, что лестницы, которые были заготовлены для приступа, оказались короткими. Кроме того, на острове было очень мало места. Позже Петр, имевший обыкновение каждый год 11 октября ездить на остров, если находился в России, вспоминал, что «под брешью вовсе не было пространства, на котором войска могли бы собраться и приготовиться к приступу, а между тем шведский гарнизон истреблял их гранатами и камнями»⁴⁶. В какой-то момент даже было решено отступать. Существует легенда, что Петр послал приказ об отступлении, но командовавший отрядом семёновцев подполковник М. М. Голицын, по праву считающийся одним из главных героев штурма (кстати говоря, именно этот день можно считать началом его блистательной карьеры), ответил, что «он уже не петров а богов»; но это не более чем красивая легенда. Н. Г. Устрялов предположил, что посланный не смог добраться до Голицына из-за тесноты⁴⁷, но и это не подтверждается источниками. В «Реляции осады Нотебурга» сказано, что отступить не смогли «ради быстрой воды»⁴⁸.

В конце концов сказало свое численное превосходство русских войск: к атакующим постоянно прибывали подкрепления, в то время как силы осажденных были ограничены. После 13-часового штурма гарнизон капитулировал, причем на почетных условиях: ему было разрешено покинуть крепость с четырьмя пушками, со знаменами, музыкой, полным вооружением и имуществом⁴⁹. Победителям достались богатые трофеи: 138 пушек, 11 114 ядер, 1117 фузей и др.⁵⁰

Следует отметить, что Нотебург достался нам дорогой ценой: во время штурма русские войска потеряли 538 человек убитыми и 925 ранеными. Больше всего пострадала гвардия: в Семеновском полку насчитывалось 114 убитых и 198 раненых, в Преображенском полку – 102 убитых и 24 раненых⁵¹. Но тем не менее, благодаря овладению этой старой русской крепостью был сделан первый шаг к закреплению России на Балтийском побережье.

¹ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 162.

² Кирпичников А. Н. Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в устье Невы. Л., 1980. С. 60.

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Кирпичников А. Н. Указ. соч. С. 104-109.

⁶ Инструкция Б. П. Шереметеву в январь 1702 г. // Письма и бумаги императора Петра Великого (далее – ПБП). Т. II. СПб., 1889. С. 4; Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. СПб., 1863. С. 26.

⁷ ПБП. Т. IV. СПб., 1900. С. 497-498.

⁸ Палли Х. Э. Между двумя боями за Нарву: Эстония в первые годы Северной войны 1701-1704. Таллин, 1966. С. 173.

⁹ Божерянов И. Н. Санкт-Петербург в Петрово время. Исторический очерк. Вып. 1. СПб., 1901. С. 37.

¹⁰ Устрялов Н. Г. Указ. соч. Ч. II. СПб., 1863. С. 26; ПБП. Т. II. С. 4.

¹¹ Бобровский П. О. Завоевание Ингрии Петром Великим (1701-1703 гг.). СПб., 1891. С. 12-13.

¹² Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1. СПб., 1891. С. 86.

¹³ ПБП. Т. II. С. 13-16.

¹⁴ Кротков А. С. Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 г. СПб., 1896. С. 29-30.

¹⁵ Тимченко-Рубан Г. И. Первые годы Петербурга: Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 41-42.

¹⁶ Божерянов И. Н. Указ. соч. С. 37.

¹⁷ Бородин М. М. История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910. С. 41.

¹⁸ Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Северной войне. СПб., 1912. Вып. 1. Кн. 1. С. 83.

¹⁹ Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 34-35.

²⁰ Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Т. II. СПб., 1904. С. 28-29.

²¹ ПБП. Т. II. С. 99.

²² Кротков А. С. Указ. соч. С. 70.

²³ ПБП. Т. II. С. 68; Кротков А. С. Указ. соч. С. 69.

²⁴ ПБП. Т. II. С. 362-363, 70; Кротков А. С. Указ. соч. С. 69, 71.

²⁵ Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV. Ч. II. С. 245.

²⁶ Шутой В. Е. Северная война (1700-1721). М., 1970. С. 57.

²⁷ Кротков А. С. Указ. соч. С. 73.

²⁸ Цит. по: Кротков П. А. Осуаарова дорога // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 181.

²⁹ Кротков П. А. Указ. соч. С. 190.

³⁰ Там же. С. 200.

³¹ Там же. С. 203.

³² Военно-походный журнал (с 3 июня 1701 г. по 12 сентября 1705 г.) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по высочайшему повелению в Новгород для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск шведского короля // Материалы Военно-Ученого архива Главного штаба. Т. I. СПб., 1871. Стб. 120.

³³ Реляция о взятии Нотебурга // ПБП. Т. II. С. 100; Журнал или полевая записка блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Ништадтского мира. Ч. I. СПб., 1770 (Журнал Петра Великого). С. 59; Журнал боевых действий российских войск, главным образом флота, в царствование Петра Великого. Жизнь и дела великого государя... // ОР РНБ. Ф. 359. Колобов Н. Я. Д. 655. Л. 30.

³⁴ Жизнь и дела великого государя. Л. 31; Кирпичников А. Н. Указ. соч. С. 113.

³⁵ Кротков П. А. Указ. соч. С. 212.

³⁶ Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV. Ч. I. С. 201.

³⁷ Журнал Петра Великого. Ч. I. С. 60-61; Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. СПб., 1861. С. 126; Кротков А. С. Указ. соч. С. 205.

³⁸ Кирпичников А. Н. Указ. соч. С. 113.

³⁹ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 202.

⁴⁰ Кирпичников А. Н. Указ. соч. С. 113-114.

⁴¹ Гиппиус В. Лейб-гвардии бомбардирская рота в царствование императора Петра Великого. СПб., 1883. С. 237-238.

⁴² Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV. Ч. II. С. 40; ПБП. Т. II. С.

⁴³ Реляция о взятии Нотебурга. С. 106.

⁴⁴ Там же. С. 107-108.

⁴⁵ Там же. С. 109.

⁴⁶ Миних Б. X. Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб., 1874. С. 15-16.

⁴⁷ Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV. Ч. I. С. 202.

⁴⁸ Реляция о взятии Нотебурга. С. 110.

⁴⁹ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 163.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV. Ч. II. С. 474.

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О КОРНЕЛИИ ИВАНОВИЧЕ КРЮЙСЕ¹ (по письмам К.И. Крюйса А.Д. Меншикову)

В личном архиве одного из самых известных деятелей петровского времени А.Д. Меншикова находится комплект писем от К.И. Крюйса². Письма датируются периодом 1715–1727 гг., за исключением одного письма 1708 г. Все они представляют ценность для исследования истории России при Петре Великом, особенно русского флота на Балтике. Ниже речь пойдет об авторе писем, о его жизненном опыте, дружеских связях, разнообразии трудов в России, о его жизни на склоне лет в новой российской столице. Эти письма откроют нам немало неизвестных ранее исторических страниц жизни нашего героя.

Открытие жлет исследователя на первом же листе дела, в котором собраны письма. 2 января 1708 г. К.И. Крюйс поздравляет А.Д. Меншикова с “возвышениями в службе Его Царского Величества”, шлет новогодние поздравления и пожелания, упоминает о некоторых делах и завершает письмо очень важными для нас словами. Он пишет: “Ваша Светлость, не изводь своего старого слугу позабывать, понеже Ваша Светлость единый начальнейший есть, которой меня впервые и вдругие в службу Его Царского Величества принудил пойти”³. В мае 1698 г. В Амстердаме Крюйс подписал предложенный Великим Посольством договор о приеме его на русскую службу на 3–4 года, этот документ известен. Предположительно, в 1702 г. перед своей служебной поездкой в Амстердам Корнелий Иванович подписал новый договор, текст которого до нас дошел. Теперь же мы узнаем от самого К.И. Крюйса, что он поступал на царскую службу два раза. Особенно же интересно, что и в первый, и во второй раз к этому был причастен царский фаворит А.Д. Меншиков, который “принудил”, побудил или уговорил К.И. Крюйса решиться на этот шаг. Следовательно, амстердамское знакомство 1697 г. превратилось в тесные и крепкие отношения.

Дороги Северной войны развели наших героев. К.И. Крюйс занимался Азовским флотом (до 1711 г.) и начал строительство Балтийского флота. А.Д. Меншиков стал военачальником на суше. Жизнь свела их вновь в новой столице России. К.И. Крюйс возвратился из казанской ссылки в 1715 г. в Санкт-Петербург и продолжил службу в Адмиралтействе. Губернатором новой столицы был А.Д. Меншиков. В 1716–1717 гг. Крюйс в тесном контакте с губернатором занимается делами флота, о чем говорят многие письма. Из обширной переписки этого времени мы извлечем те строки писем К.И. Крюйса, которые подчеркивают личные черты их автора, а также демонстрируют характер отношений между автором и адресатом.

23 мая 1716 г. К.И. Крюйс, получив три указа по одному и тому же вопросу, писал губернатору: “Ныне пятьдесят лет минуло, как я морским делам обучался, и помощью Божию могу похвалиться, что шести кораблям, трем речем поспалитом (*республикам*. – Т.С.), а нынэ з 19 лет Его Царскому Величеству служу в таком кредите, что, не скрывая лица своего, могу всюду явитца. И благодарю Бога за давней мне разум, что могу отчет всегда в делах своих дать”⁴, и добавлял, что “честному человеку” довольно одного указа. Ценные сведения о жизненном пути моряка изложены исчерпывающе и лаконично. Жесткий и требовательный характер воспитан морем, которое не шутит. На море нужно учиться быстро, работать четко, согласованно и дружно.

Организационные неурядицы очень сердят К.И. Крюйса, он просит в письме от 3 июля 1716 г. обязательного письменного ответа от А.Д. Меншикова, “потому что мне другим, которые в ведении при Адмиралтействе, ни письму их, ни словам верить не можно” (л.51). Там же он просит разделить сферы его деятельности с главой Морского комиссариата, генералом Г.П. Чернышовым и добавляет: “А лутче быть одной команде или без команды, когда двое одно дело в команде ведают, и один чинит дельно, а другой противно, и в том нашему всемитости-вейшему государю утрата великая”⁵.

В письме от 7 августа 1716 г. К.И. Крюйс добавляет новые краски: “На прошедшей неделе виделся с оборкамисарами с Тормосовым и с Водковским и говорил с ними словесно и письменно подавал.. Ваша Княжая Светлость имеет главную команду и силу над теми господами и приказать указом определить о том им для того, что они меня слушают, когда им понравитца. Однако ж Его Царское Величество тягость в том вящую несет...”. О недостатке организации подобных мер К.И. Крюйс писал и в письме от 13 мая 1717 г. к главе Адмиралтейства Ф.М. Апраксину, копию которого послал и Меншикову: “Я на море с 50 лет ездил, но век свой таковое управление не видывал ни в которой нации во всей Еуропе. Я имею точию труд, а Его Царскому Величеству от того убыток”⁶.

К.И. Крюйс старался ввести на флоте уже выработанные в Западной Европе порядки и организационные приемы. В письме к А.Д. Меншикову от 14 ноября 1716 г. он пишет о порядке составления росписи корабельных железных, мачтовых и других припасов – “как чинитца в Фланской, Агенской и Голландской землях”. Упомянув о порядке приема корабельного леса и отборе древесины для строительства шлюпок, старый моряк с горечью пишет: “О сей материи и о прочих таких я уж нынэ 18 лет писал, желаю я всем своим сердцем, дабы однажды оное учинить”⁷.

Обладал ли инициативой и чувством ответственности сам К.И. Крюйс? Рассмотрим случай, о котором он сообщает губернатору в письме от 24 сентября 1716 г. с Котлина острова: “Нынешняго утра прибыло сюды купеческих детей пять человек, однако не адресовано, куды послать – в Галандию или в Англию, и без денег. Я из оных четырех человек послал на карабль к господину Шпельману, оных отвезть на Зонт или в Копенгаген и тамо разделить на галанские карабля по одному человеку, которые от меня и адресованы в Амстердам к Осипу Соловьеву. Однако я не знаю, туды ль оных принадлежит послать или инуды, понеже в письме от Вашей Светлости иманно не написано. Павла Стрежнева я послал назад до Вашей Светлости, которой жаелет видеть Вашу княжескую персону, ибо оной в Галандии был и говорить и отчасти писать того языку разумеет и здесь он имеет жену и детей и летами уже немолод, о котором Ваша Светлость как соизволите?”⁸

Перед нами предстает опытный администратор, самостоятельный, не боящийся принимать решения и отвечать за них, способный внести свои коррективы в указания свыше, способный выслушать человека и готовый помочь ему.

Своими техническими знаниями в корабельном деле К.И. Крюйс готов поделиться со своим давним другом и покровителем: “Мой совет Вашей Высококняжеской Светлости о корабле “Лесном”. Понеже я слышил, что оной корабль проломлен с правой стороны, с которой ныне поворочен. И ежели сие правда, то можно по правой стороне крюком или чем пристойно осмотреть. И как найдетца оной пролом, тогда можно, хотя и мокро в воде, заделать мохом с салом, а потом выливать из него воду. И посему она работа вкратке без великих трудов окончатца может, и карабль подыметца из воды выше”⁹.

К.И. Крюйс. Портрет начала XVIII в.

К.И. Крюйс занимался метеорологией, именно в его доме регулярно велись наблюдения за погодой в Санкт-Петербурге, составлялись “журналы”, которые отсылались во дворец к императору и к губернатору по их просьбе. 31 марта 1721 г. К.И. Крюйс писал: “Светлейший князь! Журнал мой сего утра в 5-м часу был готов. И хотя б писания от Вашей Светлости не было, но оной бы был до Вашей Светлости от нас отослан, которой при сем ныне и прилагаем”. К письму приложен “Экстракт из журнала, которой содержитца в доме господина вице-адмирала Крейса” с метеонаблюдениями за 17–31 марта и припиской: “Таково послано к Царскому Величеству 31 дня марта с Строгоновым”. 1 мая 1721 г. К.И. Крюйс послал А.Д. Меншикову “по письму”, т.е. по письменной просьбе, два “журнала” за 6–13 и 13–28 апреля¹⁰.

В 1722 г. в Москве шла подготовка Персидского похода императора Петра. Потребовались географические карты. Картографические знания К.И. Крюйса вновь пригодились, он получил от А.Д. Меншикова письмо, на которое отвечал 27 августа: “Светлейший князь и фельд-маршал! Вашей Светлости письмо, писанное от 17-го, здесь получил, и по оному прилагаем при сем две лант-карты Каспийского моря, которые последние в здешней Типографии отыскали. И хотя она является хороша, однако ж о справедливости оной я не обезуюсь поруюко. Понеже хотя б все навигаторы, географы и матиматики при том были, однако ж впервые не будет таким существом, как во-вторые и в-третьи те места обсервованы, и карты напечатаны бываюг”¹¹.

Все это богатство знаний и энергия принадлежали немолодому и не слишком здоровому человеку, который в письме к старому другу и благодетелю мог пожаловаться: “Июня 28-го весьма жаелал я видетца с Вашею Светлостью и доносить в Адмиралтействе, токмо за подагрою не мог ехать в коляске, которой нужды ради посылал я секретаря своего... Подагра и другие болезни одержали меня, и за тем не могу сам сие собственноручно вручить Вашей Княжеской Светлости...”¹².

Длительная и успешная служба К.И. Крюйса была вознаграждена земельными поместьями. В январе 1718 г. он обратился к губернатору о разрешении “свободного пропуска” его крестьян из погоста Куреока с рожью, маслом и другими съестными запасами в Кексгольм, Выборг и Санкт-Петербург для продажи, деньги были нужны для уплаты налогов. Тяжесть налогов была немалой. К.И. Крюйс предлагал в случае надобности купить за свои деньги и поставить в армию 44 бочки муки и 88 бочек овса, взимавшиеся в качестве натурального налога. В феврале 1719 г. он просил “о пропускном письме” для тех, кто счал в Петербург со съестными припасами “для домовых нужд” самого К.И. Крюйса¹³.

В новой столице России и вокруг нее строились дворцы. Новые каменные особняки по распоряжению царя должны были иметь все вельможи. А.Д. Меншиков начал стройку в Ораниенбауме, уже в июне 1719 г. К.И. Крюйс писал к нему: “Светлейший князь!.. Понеже жена моя и дети жаелают видеть красно здания, которое сочинено чрез прилежные Ваши благоразумные труды в Раненбومه, которых я отпустил, для того прошу не изволить в том воспринять гневу, что они туда приедут”¹⁴. Прекрасный дворец на берегу моря, наверное, понравился жене и детям К.И. Крюйса. Возможно, когда настала пора строить каменный особняк в Петербурге для семьи Крюйса, они заказали что-то похожее на “красно здания” в Ораниенбауме.

В 1719 г. строительство особняка К.И. Крюйса “на Адмиралтейском острове на берегу Большой Невы реки” началось, с архитекторами братьями ван Аммерс было заключено два контракта. Царь Петр, по свидетельству

К.И. Крюйс, не оставил без внимания и эту стройку: "И по совершении тех контрактов Его Императорское Величество изволил высокоперсонально первой читать и за благо одобрить". В 1722 г. особняк К.И. Крюйса был построен, хозяин собирался пригласить на новоселье своего друга, но тот был в Москве, куда адмирал отправил письмо 6 августа 1722 г.: "Светлейший князь! Хотя мое желание было, еже бы в бытность Вашей Светлости вместе здесь в новых моих полатах приобщиться пищи, но за скорым и тихим отъездом, что приличествует великим министром, о каковом ниже я ведал, того сподобится Бог не допустить, в чем не извольте возложить гневу. И дай Бог, впредь то мое желание благополучно исполнилось"¹⁵. В феврале 1723 г. К.И. Крюйс обратился к губернатору А.Д. Меншикову с просьбой о выделении ему участка земли "на Малой Неве близь двора господина генерала-фельдцеймехстера Якова Вилимовича Брюса". Адмирал хотел перенести туда "старые свои хоромы", несомненно, деревянные. Он мотивировал свое желание тем, что не имеет загородного двора, и просил поспешить с решением вопроса, ибо уже получил указ "о ломке старых хором"¹⁶.

Когда в 1727 г. возникло спорное дело об уплате за строительство каменных палат К.И. Крюйса, он обратился к А.Д. Меншикову с просьбой о переносе дела из надворного суда, куда жаловался архитектор Дирк ван Аммерс, в другую инстанцию: "...а я весьма ныне дряхл и в здоровье своем слаб, также руского суда и прав недостаточен, а стряпчего при себе не имею. Того ради Вашу Высококняжескую Светлость всепокорнейше прошу чрез свое многомочное заступление донести Ея Императорскому Величеству нашей всемилоостивейшей государыни в такой силе, чтоб то дело в надворном суде не следовать, а указала б всемилоостивейше между нами в штахх разобрать и рассмотреть архитектуру Трезину з двумя искусными в штахх купецкими людьми. А я по их рассмотрению то заплатить фон Армерсу (!) готов, что они мне приговаривать будут, понеже при старости моей процессы в надворном суде иметь мне непристойно, понеже я в российских правах весьма не искусен, и того для в своей правде легко изубытчицца могу"¹⁷.

А.Д. Меншиков выполнил просьбу, дело было перенесено в Юстиц-коллегию, но решалось оно уже без адмирала К.И. Крюйса. 9 июня 1727 г. вдова адмирала Катарина Фохт обратилась к А.Д. Меншикову с письмом. Она благодарила его за поддержку и утешение, за пожалование ей тех деревень, которыми владел адмирал, а также за участие в заботах о погребении тела покойного адмирала в Голландии: "Высокоучрежденный господин генералиссимус! Светлейший князь, мой милостивый государь! Вашей Высококняжой Светлости милостивое писание от 7-го июня я получила, ис которого я при нынешнем моем печальном состоянии немалое утешение возимела — коим образом Его Императорское Величество соизволил чрез высокое Вашей Светлости заступление всемилоостивейше меня деревнями теми, которыми покойник муж мой владел, пожаловать. За сие Вашей Светлости у Его Императорского Величества заступления со всею моею фамилиею нижайше благодарствую и прошу Вашу Светлость о неотменном меня содержании в своей милости. Что же изволили определить о погребении тела мужа моего — и понеже он пред кончиною своею желал чтоб оное в Голландию отослано было — того ради я не премину, как по милостивому соизволению Вашей Светлости, так и по желанию покойника мужа моего, тело в Голландию отправить, дабы оное в городе Амстердаме по достоинности погребено было"¹⁸.

А.Д. Меншиков в последний раз позаботился о своем старом друге, с которым встретился в Амстердаме в 1697 г. Ему же самому осенью 1727 г. предстояла поездка на Восток, в ссылку, в Березов, его ждала вечная мерзлота Сибири.

¹ К.И. Крюйс (4 июня 1657—3 июня 1727) — российский военно-морской деятель, адмирал (1721). Родился в Ставангоре (Норвегия), около 20 лет служил во флоте Нидерландов. В 1698 г. перешел на русскую службу в чине вице-адмирала. В 1699—1701 гг. участвовал в создании адмиралтейства в Воронеже, оборудовании гавани в Таганроге и укреплении Азова. В 1705 г. руководил отражением нападения шведского флота на Кроншлот и Котлин. До 1713 г. командовал корабельным флотом. В 1713 г. в связи с гибелью севшего на мель линейного корабля "Выборг" отдан под суд и приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Казань. С 1715 г. служил в Адмиралтействе, с декабря 1717 г. — вице-президент Адмиралтейств-коллегии.

² РГАДА. Ф. 198. № 672. Л. 1—466. Далее ссылка только на листы документов.

³ Л. 1—1 об. Синхронный перевод.

⁴ Л. 19. Подлинник.

⁵ Л. 52. Подлинник.

⁶ Л. 101, 196. Подлинник.

⁷ Л. 156—157 об. Подлинник.

⁸ Л. 141 об.—142 об. Подлинник.

⁹ 12 июня 1719 г. Л. 249. Подлинник.

¹⁰ Л. 270, 271—272 об., 316, 278—281, 288—298. Синхронные списки.

¹¹ Л. 350—350 об. Подлинник.

¹² 3 июля 1716 г. Л. 51—52 об. Подлинник.

¹³ Л. 225, 246. Подлинник.

¹⁴ Л. 249. Подлинник.

¹⁵ Л. 354 об., 349. Подлинник.

¹⁶ Л. 351—351 об. Подлинник.

¹⁷ Л. 356—356 об. Подлинник.

¹⁸ Л. 357—358. Подлинник.

ТРОФЕИ И ПЛЕННИКИ (комплекс боевых традиций североамериканских индейцев глазами европейцев и его эволюция в XVII–XVIII вв.)

В пестром kaleidoscope европейских войн конца XVII – середины XVIII в. отечественная историография уделяет весьма скромное внимание войнам, которые велись Англией, Францией и Испанией за обладание и передел колоний в Северной Америке. Вместе с тем, эти войны оказали значительное влияние как на экономико-политическую компоненту европейских международных отношений, так и на развитие собственно военного искусства, воплотились в живописи, архитектуре, дали импульс к развитию целого ряда новых литературных жанров и образов.

Четыре наиболее крупных войны – King William's War (1689-1697), Queen Anne's War (1702 -1713), King George's War (1739–1748) и French and Indian War (Seven Years' War) (1756–1763) – кардинально изменили географию колоний, а также их внутреннее устройство и взаимоотношения с коренными обитателями континента – американскими индейцами.

Большинство племен восточной и северо-восточной части континента в той или иной степени участвовали в упомянутых войнах как независимая (непримиримая) сторона, так и в различных блоках и соглашениях с европейцами.

Период этих войн чрезвычайно богат интереснейшими историческими сюжетами, большинство из которых достойно стать предметом фундаментальных исследований по истории освоения Американского континента, формирования и эволюции национальной политики колоний, развития аграрного и индустриального секторов экономики.

Сюжет, избранный нами, относится к области влияния (и взаимовлияния) боевых традиций европейцев и индейцев, обычаев, связанных с символикой военных трофеев, и отношения к пленникам. Вместе с тем данный сюжет, как мы полагаем, является наиболее ярким примером «культурно-исторического феномена», созданного в большей степени на основе авантюрно-приключенческой литературы и традиционно подаваемого с позиции «цивилизованного европейца по отношению к жестоким краснокожим дикарям».

В первую очередь, речь, безусловно, идет о скальпировании, которое для многих до сих пор является неким символом индейской культуры вообще.

Скальпы и скальпирование

В отечественной литературе по американистике нет достаточно систематического описания обряда скальпирования, его происхождения, географического распространения, а также исторической эволюции под влиянием колонистов.

Первые сведения о скальпировании на американском континенте содержатся в описаниях путешественников и миссионеров первой половины XVI в. – Francisco de Garay (1520), Jacques Cartier (1535) и Alonso de Carmona (1540). В 1565 г. увидела свет гравюра, выполненная французом Jacques de Moynes, участником экспедиции гугенотов на Флориду, на которой подробно изображены все этапы обряда, сопровождавшего победу одного касика над другим. Скальп, согласно гравюре, наряду с отрезанными руками и ногами, является одним из трофеев, которые уносили с поля боя победители (Nadcau, 1941). Сам термин «скальп» (англ. – scalp, sculp) вошел в употребление лишь с 1667 г.

К моменту начала колонизации Нового Света практика скальпирования была распространена далеко не повсеместно и имела множество региональных особенностей. К ней редко прибегали эскимосы и атапаски, активно использовали племена ирокезской лиги, индейцы Флориды, группы племен по берегам Миссисипи, известно о скальпировании на Антильских островах, в Эквадоре, Аргентине и Парагвае. У части племен снятие скальпа сопровождало процедуру отрубания головы пленника или побежденного, у других наряду со скальпом в числе трофеев были глаза или уши (Friederici, 1906).

Документально зафиксировано несколько разновидностей скальпирования:

1) простое скальпирование – снятие части кожи с головы вместе с волосами (ирокезы); 2) сложное скальпирование – снятие скальпа вместе с частью лица, шеи и ушами (чинук, сиу); 3) частичное скальпирование – снятие лишь небольшого участка кожи (размером с ладонь) с волосами с макушки (шошоны, шайены); 4) групповое скальпирование, при котором сразу несколько победителей срезали по фрагменту скальпа, обычаем появился с распространением огнестрельного оружия и применялся тогда, когда после стычки или боя нельзя было одно-

значно определить, чья пуля поразила противника; 5) снятие скальпа ударом — часто, когда не было времени на обычную процедуру, просто наносился один или несколько быстрых и сильных ударов (siber-like blow); 6) снятие скальпа с лысых — обычай, мало известный между индейцами (по причине крайне малого числа лысых) и получивший распространение только с приходом европейцев; 7) неполное скальпирование — надрез и лишь частичное отделение кожи с волосами от головы. Процедура производилась как часть пыток (Knowles, 1940). К числу исключительно редких разновидностей следует отнести снятие скальпа с погибшего в бою соплеменника (когда нет возможности унести с собой для погребения все тело и необходимо предотвратить снятие скальпа противником) и самоскальпирование (Nadeau, 1941).

Сохранились многочисленные описания использования индейцами скальпов. Их водружали одиночно и сериями на специальных раскрашенных шестах, подвешивали к поясу, к томагавку, на нос каное. Скальпами пользовались в церемониях и танцах (scalp dance), в играх, ими украшались наряды шаманов, скальпы вглетались в шнуры и веревки, которыми связывали пленников, скальпы в числе других предметов погребального характера укладывались с воином при похоронах. После снятия своего первого скальпа воин-ирокез был окружен рядом табу, и только по истечении определенного срока возвращался к полноценной жизни.

Исследователи по-разному интерпретируют смысл скальпирования — одни предпочитают видеть в нем лишь разновидность специфического военного трофея; другие рассматривают как видоизмененный (упрощенный) ритуал расчленения тела врага; третьи обращают внимание на символику головы и волос, а также на представления о переходе силы от побежденного к победителю (кстати, источником таких сил служили не только человеческие скальпы, но и скальпы птиц, животных); четвертые ссылаются на фольклорные данные, в которых душа оскальпированного становится слугой победителя. Последние две точки зрения достаточно близки и затрагивают глубокие ритуально-мифологические пласты культуры североамериканских индейцев.

Скальпирование глазами европейцев

Очень ценную информацию можно извлечь из описаний процедуры скальпирования и случаев из боевой практики. Так, к периоду Семилетней войны 1756–1763 гг. относятся записки французского солдата под инициалами J.C.V.:

«... когда группа противника бывает захвачена в плен, и нет возможности увести всех с собой, существует обычай умерщвления их нанесением нескольких ударов томагавком по голове... после того, как дикарь нанес два или три удара, он быстро выхватывает нож и делает надрез вокруг волос от лба до шеи на затылке. Затем он упирается ногой в плечо жертвы, которую он повалил лицом вниз, и сдергивает волосы двумя руками одним движением с затылка на лоб... Этот ужасный обряд не закончен до тех пор, пока он не пристегнет скальп к своему поясу и не отправится восвояси... Когда дикарь снял скальп, не боясь скорой погони, он останавливается и счищает со скальпа кровь и остатки подкожной ткани — затем высушивает на солнце. Готовый скальп прикрепляется на конец длинного шеста и несутся с триумфом в селение или в место, где он будет установлен. Приблизжаясь к каждому селению на своем пути, дикарь издает крики, равные количеству добытых скальпов, чтобы возвестить о своем прибытии и показать свою храбрость... Иногда до 15 скальпов бывает на одном и том же шесте одновременно... когда их слишком много для одного шеста, они украшают скальпами несколько шестов...» (J.C.V., 1941).

Томас Гист (сын известного Кристофера Гиста), побывавший в индейском плену, записал в своем журнале от 14 сентября 1758 г.: *«... очищают подкожную ткань и кровь со скальпов, высушивают их на огне, затем украшают перьями и раскрашивают, а потом прикрепляют к белым, красным и черным шестам...» (Thomas Gist's Indian Captivity..., 1956).*

Майор Роберт Роджерс сообщал, что в 1755 г. лично наблюдал большое количество скальпов: *«... развешанных на шестах над входами в жилища, около 600, преимущественно белых...» (Rogers, 1765).*

Французский офицер Пьер Пошо описал весьма характерное нападение индейцев из засады и последующие события:

«... 16 человек из Jersey Blues (войсковое подразделение. — А.Т.) были посланы из лагеря для сбора дров, но не прошло и часа, как они были атакованы отрядом противника, около 240 человек, которые убили и тут же оскальпировали шестерых, ранили двоих, взяли в плен четверых, и лишь оставшимся четверым из всей партии удалось спастись... Большой отряд был послан в погоню, но тщетно. Индейцы разделили наших людей наиболее шокирующим способом, отрезая части плоти от их шеи, бедер и ног...» (Pouchot, 1994).

В то же время сохранилось и немало свидетельств о случаях, когда люди выживали после снятия скальпа, если им по какой-то причине удавалось преодолеть болевой и психологический шок, а также избежать заражения. Так, газета «[New York] Mercury» только в 1759 г. дважды сообщала о выживших. И в первом случае (июнь 1759 г.), и во втором (июль) это были белые женщины, которых удалось отбить у индейцев.

Уникальный факт приводит «New Hampshire Gazette». В статье рассказывается о судьбе лейтенанта Петера Вустера, раненного в бою 8 августа 1758 г. и находившегося в госпитале:

«... в него попало 8 пуль, он также был трижды ранен томагавком, причем дважды в голову и один раз в локоть... он находился в сознании пока противник скальпировал его. Будучи не в состоянии сражаться или бе-

жить, он упал ничком и притворился мертвым, что и сочли враги. Тем не менее, ему нанесли еще два удара по голове, после чего скальпировали...» (New Hampshire Gazette, 1758). И уж совсем курьезный случай описывается по 1756 г. С.Кроссом, судостроителем из Массачусетса:

«... один из наших солдат появился на краю леса, где, очевидно, он проспал всю ночь после доброй вечеринки, будучи не в состоянии добраться до форта... он лишился скальпа, но не мог объяснить, как и где его потерял, не обнаружив поутру вокруг себя никого... Мы предположили, что индейцы просто споткнулись о него ночью и, решив, что он мертв, оскальпировали его...» (Journal of Stephen Cross..., 1939).

Следует, однако, отметить, что процедура скальпирования до прихода европейцев отнюдь не являлась событием ежедневным и обязательным в боевой практике. Гораздо больше в ней элементов исключительного характера и сакральной символики. Очень часто в ритуальной практике производилось «символическое» скальпирование или человека (пленника) заменяли животным или птицей. Однако именно этот экзотический атрибут индейской культуры и был эффективно использован европейцами.

Охотники за скальпами

Европейцы вовсе не стали причиной угасания практики скальпирования, а, наоборот, превратили ее в инструмент межнациональной политики и наживы (англичане первыми стали платить за индейские скальпы, а французы первыми стали платить и за скальпы белых) и активно использовали его в ходе серии войн за господство над восточными районами Северной Америки. Так появились отряды (и индейцев, и белых) «охотников за скальпами», так практикой скальпирования стали пользоваться племена, ранее ее не демонстрировавшие.

Существенное влияние на распространение скальпирования сыграло, в первую очередь, широкое внедрение в жизнь индейцев орудий из металла, кардинально упростивших и ускорявших снятие скальпа. Если во второй половине XVII в. за один нож во французских колониях просили всю одну шкуру бобра, то уже в конце XVIII в. нож мог стоить для индейца как лошадь (Federici, 1906).

Первые сведения о премиях за скальпы относятся еще к 1637 г., а уже в 1680 г. появились первые расценки на «товар». Так, колонисты в Южной Каролине в 1689 г. платили за скальп воина 8 фунтов, на канадских территориях давали по 10 крон за любой скальп (Federici, 1906). Позднее, в 1755 г. губернатор Массачусетса Уильям Ширли предлагал по 40 «монет» за мужской и 20 «монет» за женский скальп. Уже через год губернатор Пенсильвании Роберт Моррис платил 130 «монет» за мужской и 50 за женский.

Легкие деньги помимо роста жестокости (нападение из засад, скальпирование женщин, детей, стариков, больных и раненых, порой целых селений) вызвали к действительности и другие отвратительные факты – спекуляцию скальпами, перепродажу, изготовление фальшивых скальпов из шкур животных, деление одного скальпа на несколько с целью обмана и даже скальпирование эксгумированных трупов (J.C.B., 1941). Именно эти факты и создали вокруг древнего обряда образ, растиражированный и устойчиво укрепившийся в сознании и культуре европейцев.

Основная часть материалов была собрана во время работы по исследовательскому гранту программы Фулбрайт в 2001–2002 гг. (University of Maine, USA). Североамериканские исследователи Дж. Мак Дональд (Thomas Burke Museum, University of Washington), Давид Сангер (University of Maine), Джордж Хамели (New York State Museum) и Брэдли Леппер (Ohio Historical Society) оказали неоценимую помощь автору ценными комментариями, за что он выражает им искреннюю признательность.

Литература

1. Federici, G. Scalping in America // Annual report of the Smithsonian Institution, 1906.
2. Journal of Stephen Cross of Newburyport. Entitled "Up to Ontario" Activities of Newburyport Shipbuilders in Canada in 1756" / Ed. by Sarah E. Mulliken // Essex Institute Historical Collections. 1939. V 75. P. 345–346.
3. J.C.B. Travels in New France by J.C.B. Ed. by Sylvester K. Stevens, et al., Harris-burg: The Pennsylvania Historical Commission, 1941.
4. Mercury, 18 June 1759.
5. Mercury, 2 July 1759.
6. Nadeau, G. Indian Scalping. Technique in Different Tribes // Bulletin of History of Medicine. Vol LX. № 2. 1941.
7. New Hampshire Gazette, 8 September 1758.
8. Pouchot, P. Memoirs on the Late War in North America Between France and England. Ed. by Brian Leigh Dunnigan, Youngstone, 1994.
9. Rogers, R. Journals of Major Robert Rogers. L., 1756.
10. «Thomas Gists's Indian Captivity, 1758–1759». Ed. by Howard H. Pockham // Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1956. V. 80.

ФРАНЧЕСКО АЛЬГАРОТТИ: ИТАЛЬЯНСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1735–1739 гг.

Граф Франческо Альгаротти (Венеция, 1712 – Пиза, 1764), литератор и просветитель, автор многочисленных книг и эссе¹, известен в России прежде всего как автор крылатого выражения «Петербург – окно в Европу», внедренного А. С. Пушкиным в текст «Медного всадника» с добровольным комментарием поэта: «Альгаротти где-то сказал: «Петербург – окно, через которое Россия смотрит в Европу»» (цитата дана у Пушкина по-французски)².

Знаменитый девиз впервые появился в книге с названием «Saggio di lettere sopra la Russia» («Очерк в письмах о России»), вышедшей анонимно дважды, в 1760 и 1763 гг. Третье издание этой книги, с другим названием, – «Viaggi di Russia» («Русские путешествия»³), на котором уже стояло имя Франческо Альгаротти, увидело свет летом 1764 г., в составе 5-го тома собрания сочинений графа, спустя несколько недель после смерти автора. Сердцевину книги составляют три обширных письма (III–V), посвященные Петербургу, где итальянец дает подробное описание новой столицы, ее архитектуры, быта, традиций⁴.

Путешествие в Россию на британском судне стало блестящей импровизацией просветителя. В целом этот эпизод являлся составной частью его английских отношений. Еще в свой первый визит в Лондон, в 1735 г., он сблизился там с российским посланником князем Антиохом Кантемиром. Князь, большой италофил, даже перевел на русский (по рукописи) «Ньютоnianство для дам», первую книгу Альгаротти, сделавшую его знаменитым, и отослал свой перевод в Петербург. В предисловии к итальянскому изданию своей книги (1739) просветитель выразил надежду, «что в скором он, возможно, станет пропагандистом Ньютона в обширной Российской империи, и да распространится новая вера в новых мирах»⁵. Альгаротти даже предослал переводу на русский язык стихотворное посвящение царице Анне Иоанновне, однако популяризация «новой веры» в России не произошла из-за цензурного вмешательства св. Синода; судьба рукописи осталась неизвестной⁶. Несомненно, что именно Кантемир, автор незаконченной панегирической поэмы о Петре Первом, при общении с Альгаротти заинтересовал последнего рассказами о царе-плотнике и о его детище – Петербурге.

Второе посещение итальянцем Лондона пришлось на весну 1739 г., когда Георг II Английский снаряжал официальную делегацию на свадьбу принцессы Анны Леопольдовны (Мекленбургской), племянницы царицы, с герцогом Антоном-Ульрихом Бауншвейгским. Делегацию возглавил Чарльз Кальверт, пятый лорд Балтимор (1699–1751), приятель и Кантемира, и Альгаротти.

21 мая 1739 г. собственный корабль лорда «Августа», с Альгаротти на борту, vyplыл из английского порта Грейвсенд по направлению к Балтике. Путь лежал через Эльсинор и Ревель – к Петербургу. Обратный маршрут проходил через Данциг и Гамбург, где путешественники неожиданно упублились в материк, посетив Дрезден, Лейпциг, Берлин, Потсдам и Рейнсберг (их целью была встреча с кронпринцем Фридрихом, будущим королем Пруссии). Вернувшись в Гамбург, вояжеры отбыли в Англию. Плавание «Августы», молниеносное по тем временам, вызвало в европейском обществе слухи, что делегация главала с секретной миссией.

Альгаротти подошел к своей поездке по-научному, ведя подробный дневник, озаглавленный «Giornale del viaggio da Londra a Petersburg nel vascello The Augusta di Mylord Baltimore nel mese di maggio u.s. L'anno MDCCXXXIX» («Журнал путешествия из Лондона в Петербург на корабле «Августа» милорда Балтимора в мае месяце 1739») ⁷. Именно этот дневник в конце 1750-х гг., спустя двадцать лет после путешествия, взял в руки Альгаротти, для того чтобы капитально переработать его в книгу.

Многое из дневника в публикацию не вошло, например описание продолжительного визита делегации в Петербургскую Академию наук и даже описание царской свадьбы, ради которой, собственно, и было затеяно путешествие. И наоборот, в книгу включено то, о чем Альгаротти не писал в своем дневнике, в частности известие о русско-турецкой войне, шедшей тогда к финалу. Вообще, при анализе текста обращает на себя внимание повышенный интерес Альгаротти с его, казалось, сугубо гражданскими интересами к военным делам России. Во многих частях своих «писем» он дает подробные сведения об укреплении границ новой империи, оснащении ее крепостей, о флоте, армии, системе военного обучения и прочем. При этом итальянец якобы отвечает на запросы своего английского корреспондента, которого он сам же и придумал. Возникает очевидный вопрос: «На кого работал Альгаротти?»

Основным его «работодателем» (при наличии, возможно, и других) являлся, скорей всего, кронпринц Фридрих, знаменитый в будущем полководец с эпитетом «Великий». В самом деле, англичане, плывшие вместе с

литератором, сами были в состоянии собирать нужную им информацию, в то время как будущий прусский государь нуждался в непосредственных «каналах». Путешествие в Россию произошло в 1739 г., и в том же году Альгаротти знакомится с кронпринцем, который спустя несколько месяцев становится королем. Почти сразу же итальянец поступил к Фридриху Второму на службу, завязав с ним близкие (и, похоже, двусмысленные) отношения. Король пожаловал итальянскому «лебедю», как он называл Альгаротти, графский титул, с правом наследования, а после смерти литератора самолично составил для его надгробия пышную латинскую эпитафию.

Некоторые источники, которыми пользовался Альгаротти при переработке своего журнала в книгу, выявлены⁸. На писательский стол, вне сомнения, легли ранее вышедшие «Московские письма» анонима-итальянца, где подробно обрисовывались Балтика, Нева, Петербург⁹. Прорабатывал автор английскую литературу – «Жизнь Петра Великого» Джона Перри (1716), «Путешествие в Россию» Элизабеты Джастис (1739) и работы соотечественников, а именно: VIII том Географической энциклопедии (Венция, 1738) с подробной статьей о Петербурге.

Какими именно материалами пользовался автор для составления своей хроники русско-турецкой войны, прояснить пока не удалось. Вероятно, ими послужил ряд публикаций в европейской периодике, но уж в любом случае это были не беседы в дамском салоне, где писатель якобы услышал все им написанное. Предлагаем отрывки из текста Альгаротти, относящиеся к войне 1735–1739 гг.

Франческо Альгаротти.

Русские путешествия¹⁰

Седьмое письмо

Данциг, 13 августа 1739

Отплывая в Данциг двадцать первого числа прошлого месяца, я получил от Вас, милорд¹¹, письмо (ответное на посланное мною из Хельсингера), в коем Вы интересуетесь нынешней войной России с турками. Война и вправду необычна: из-за особенностей земель, где она ведется, и из-за особенностей воюющих народов полководцам пришлось отказаться от установившихся правил военного искусства. К тому же, война имеет наиважнейшее значение, ибо имеет целью покорить Оттоманскую империю.

<...> Причиной или, точнее, предлогом к войне стало желание империи проучить тревоживших ее границы татар. <...> Красивая провинция Украина, отделенная от Малой Татарии рекой Самара, подвергается набегам крымских татар чаще всего. Украина, некогда управлявшаяся гетманом, в конфедерации с Польской республикой, приняла затем покровительство России, которая после бегства Мазепы низвела ее до положения провинции империи. При отличном климате, Украина богата скотом, зерном, медом, воском и населением. Обитают там казаки, греческой веры¹² и весьма воинственные, без конца враждующие с соседями-татарами. <...> Порты навредила татар на Россию, и те пошли на нее войною, вернее – продолжили воевать с еще большей охотой от того, что их враг был отвлечен делами Польши (ее успехи, зависевшие, кстати, болес всего именно от русского оружия, страшно раздражали турок).

Во время набегов на Украину татары брали богатую добычу и множество пленников, а затем публично продавали их в Константинополе в качестве военных трофеев. После неоднократных нот протеста и бесполезной корреспонденции Россия прибегла к крайнему доводу, врученному Богом государям¹³. <...> В 1735 году на Украине было собрано, под командованием генерала Леонтьева, войско из двадцати тысяч солдат и восьми тысяч казаков, с намерением покарать Крым. Однако выступив крайне поздно, оно добралось лишь до Каммервисатона на Днепре, разбив в степи несколько татарских орд.

В следующий, 1736 год дело приняло более серьезный оборот: после устроения польских дел и подписания мира между Францией и императором¹⁴, поддерживаемым Россией, военные действия тут возобновились пуще прежнего. Зимой того же года Миних с новым войском, собранным на Дону, осадил Азов. Из Балтики по Воронежу спустилось множество галер и других кораблей с пехотой, под командованием контр-адмирала Бредаля. Флотилия, доставившая тяжелую артиллерию, ради усиления осады, завладела устьем реки. Миних передал командование армией Ласси, вернувшемуся с войны в Германии, а для завершения прошлогоднего крымского похода возглавил возросшие отряды на Украине, главном поле боя. Русским пришлось нарубить целые леса для изготовления повозок, собрать муку, людей, лошадей и быков для поставки провианта в течение шести месяцев в те места, где существует лишь фураж для кавалерии. Кроме того, понадобилось множество бочек с водою, ибо ее не найти там на протяжении нескольких дневных переходов.

Основательно подготовившись, Миних выступил за пределы Украины. Его армия маршировала, встав в одно или несколько каре и поместив обоз и провиант в центр. Кругом – лишь травы, небо, да отовсюду нападавшие татары. <...> С таковыми предосторожностями и трудностями войско Миниха, числом в семьдесят-восемьдесят тысяч солдат и с большим обозом, двигалось в направлении Крыма, в то время как меньшие силы Ласси сжимали Азов, благополучно им захваченный в июле. <...> После разных злоключений в степи Миних достиг прославленной линии Перекопа, преграждающей вход в Крым неприступными для русских башнями, и изготовился к ее

Людгар Ж.-Э. Портрет графа
Ф. Альгаротти. Около 1745 г.

приступу. Линию оборонял сам хан со своими людьми, а также с турецкими сипахами¹⁵ и янычарами, подобными крепостным контрфорсам. Миних, притворившись, что нападает с одного фланга, атаковал с другого и легко преодолел Перекоп. <...> В Крыму Миних взял зажиточный торговый город Козлов¹⁶, а затем, в центре полуострова – Бахчисарай, резиденцию хана, спалив его дворцы, а также Султан-Сарай, резиденцию султана Гальги, предполагаемого наследника хана. До поры до времени у Миниха все шло гладко. Однако по пути к Кафе, обнаружив одно селение, перевернутое вверх дном самими татарами, он усвоил, сколь трудным оказалось его предприятие, и замешкался. Миних стал опасаться, что татары, перебравшись по известным только им бродам на материк и соединившись там со своими бессарабскими сородичами, могут напасть на Украину. Татары в самом деле хотели опередить русских, измотать их и добычей в Украине возместить потери в Крыму. Тогда Миних повернул назад к перекопской линии, которую во многих местах порушил и сравнял с землей, и соединился с Леонтьевым, уничтожившим Кинбурн, слишком далский от русских и слишком близкий к туркам. К концу лета на Украину вернулось победоносное русское войско, наполовину, впрочем, поредевшее из-за разного рода передраг.

Однако и на зимних квартирах войску не пришлось отдохнуть, ибо для татар это самое лучшее время для набегов, благо топи и речки замерзают, да и тактика Миниха вынудила их перенести нападение именно на зимний сезон. Посему часть русских солдат принялась сторожить крымских татар вдоль линии, на которой, подобно Цезарю у Диррахума¹⁷, они держали наготове сигнальные костры, тотчас возвешавшие о приближении врага. <...>

Кабинет в Петербурге имел разноречивые мнения по поводу конфликта.

Граф Остерман, старый заслуженный министр, почитатель мира, столь нужного империи, и враг разного рода альянсов, советовал карать татар, но не ссориться с турками. Граф утверждал, что для безопасности и достоинства империи достаточно уже совершенного, что не следует ввязываться в новую тяжкую войну и что татар следует лишь наказывать, но не покорять. Турки, избавившись от войны с персами, могли обрушить на Европу всю свою мощь: в Черном море они уже увеличили флот, вышедший туда в прошлом году на подмогу Азову; укрепились их гарнизоны в Крыму и на Дунае. Один мудрец сказал: воюйте, когда и другие этого хотят, и не воюйте, когда те хотят уже кончить. События непредсказуемы, одно лишь ясно – в случае продолжения войны будут разорены лучшие провинции империи; земли же, отвоеванные от турок, удерживать трудно, ибо сама природа установила между ними и Россией истинные границы в виде бескрайних степей.

Призванный в Петербург из армии граф Миних, честолюбивый и удачливый полководец, убеждал в необходимости большой войны, ибо все счастливые обстоятельства никогда не совпадут вместе и благоприятному времени мешает лишь само время. Нынче же оно действительно благоприятно: Турецкую империю тревожит ненадежность папы в Вавилонии и волнения в Египте; у них нынче низкий налог, который в случае войны придется повысить, тем вызвав недовольство подданных против правительства; персы истощили турецкие силы в Европе; азиатские народы по сути своей вялы и не способны к армейской дисциплине; турок много, но их все равно побьют готовящиеся к схватке австрийцы; если последним сулит слава, то она сулит и русским. Ошибаются те, кто неразумно полагает, что можно усмирить татар, не вынудив их господ, турок, подписать почетный для державы договор. Венценосцы должны наказывать за оскорбления, дабы неповадно было впредь, причем не за оскорбления мелкие, со стороны татар, а за тяжкие, вроде Прутского мира, истинного ярма для России. Тогда империи спасла одна женщина, ныне же ее сумеет возвеличить женщина иная, не менее первой достойная деяний Петра¹⁸. Она может ныне, после успехов прошлого лета, после того, как дала королю Польше¹⁹ и как увидела свои войска на Рейне, исполнить мечту гения России – завладеть Крымом, этой житницей Константинополя, и завести флот на Эвксиние. Если же фортуна улыбнется – кто знает, может ей удастся изгнать турка из Европы и из столицы империи греков, уповающих на царицу как на собственную государыню и жаждущих встать под ее знамена.

Царице полюбились смелые речи Миниха, окруженного ореолом успехов в Крыму и в Дандиге. Порешено было сблизиться с австрийцами и идти на турка войною. <...>

Теперь Миних задумал дело посерьезнее, а именно – взятие Очакова, с его двадцатитысячным турецким гарнизоном и всем необходимым для обороны. Для осады крепости со стороны моря и для противостояния турецким галерам (они сдерживают тут казаков, спускающихся по реке на вылазки к берегам Черного моря), русские построили небольшой флот на Днепре, истекающем из России и омывающем Украину. Такой флот, тем не менее, на море был непригоден, ибо состоял из лишь плоскодонных судов, способных преодолевать речные пороги.

В том же году на Дону снарядили весьма грозный флот, долженствующий противостоять флоту турецкому и содействовать походу Ласси против крымских татар и походу Миниха против Очакова. В разгар весны Миних выступил с Украины, с шестидесятью-семьюдесятью тысячами солдат, с огромным обозом провианта, с артиллерией и с двумя тысячами верблюдов, груженных палатками и прочим. Разделившись на три корпуса, армия по трем мостам перешла Днепр. Один из мостов был переброшен у Переволочки, близ того места, где переправлялся через реку Карл XII, отступавший после Полтавы на Бендеры. Мост сей имел в длину пятьсот локтей и стоял на ста двадцати восьми лодках. Соединив за рекою своих солдат, Миних всячески заторопился – дабы упредить подмогу, направляемую визирем из Дуная по морю и по суку. К концу июня, без помех перейдя Буг, он оказался у Очакова.

При штурме крепостного вала, обороняемого огромным турецким отрядом, стало ясно, чего стоит армейская выучка, а при штурме крепости – чего стоит фортуна. Русские трижды атаковали вал и, несмотря на первые две неудачи, все-таки его одолели. Крепость же они осадили у самой могучей стены, не зная плана и не имея осадных машин, прибывших на кораблях спустя пятнадцать дней после падения Очакова. Причиной же его падения стала бомба, попавшая благодаря миниховой фортуны прямо в пороховой погреб. Из-за пожара турки запаниковали, русские поднажали и вошли в крепость, взяв в плен весь гарнизон вместе с комендантом. Так погибли все плоды европейской дисциплины, насаженные в Турции Бонневалем²⁰, в том числе – и артиллерийские бригады, им сформированные. При штурме получили ранения Левендаль и Кейт, своим личным примером, а не командами увлекавшие русских. Кейт был совсем выведен из строя, а Левендаль, поправившись, стяжал еще большую военную славу. <...>

Опять-таки в тридцать седьмом году, когда Миних шел к Очакову, Ласси готовился к вторжению в Крым. Некоторые офицеры в его армии стали роптать, как и в армии Цезаря, когда тот выступил против Ариовиста²¹. Ласси, подобно Цезарю, дал им спокойно уйти и даже выделил конвой для сопровождения на Украину. Три дня спустя, осознав ошибку, они вернулись с повинной. Ласси двигался к Малой Татарии вдоль берегов болотистой Меотиды; провиантом его снабжал флот, плывший рядом с армией, под началом Бредаля. Ласси тоже обеспечил сообщение с Азовом, устроив цепочку редутов, а на реке Молочие воздвиг форт, разместив в нем больных. Хан ждал его со своими людьми за перскопской линией, восстановленной татарами, но ждал напрасно. От берега Татарии, в нескольких маршах от перешейка, в море вдается мыс Геническ, навстречу которому из Крыма от Арабата тянется узкая коса. Гнилое море, или лагуна, омывающая перешеек, отделена от болотистой Меотиды узким проливом. Ласси, дабы обмануть хана, сидевшего у Перекопа, навел переправу через пролив и благополучно перешел море. На расстоянии двух маршей от Арабата он узнал о крупном скоплении там врага. Что делать на узкой косе, между двумя морями, где небольшой отряд может удержать целую армию, где нет никакой надежды на успех атаки? Ласси промерил лагуну, оказавшуюся мелкой, кроме немногих участков, где лошадям надо плыть, и приказал соорудить понтоны из бочек, «колочей проволоки» и всего прочего, что оказалось под рукою. Одновременно он прокопал ров от лагуны к морю – для защиты тыла и обоза. Обезопасив себя спереди и сзади, он в несколько приемов, с удобством, переправил свое войско. Лошадей вели под уздцы, а там, где не было настила, они плыли. Татары, узнав, что русские уже в Крыму, покинули Арабат и Перекоп. Ласси же двинулся туда, куда в прошлом году не дошел Миних, и сжег Сарайбассар, один из богатейших крымских городов. Татары, вместе с турками, не раз пытались атаковать Ласси, но безуспешно. Наконец, сымитировав марш на Арабат, он повернул влево и ушел из Крыма по другой косе, Шунгарской, рядом с Геническом, прихватив с собою добычу и пленных и оставив своих людей на постое на Дону и Донце. Вот и все, что дал поход Ласси, если не считать еще двухдневную морскую баталию между Бредалем и турками, после которой флотилии расплылись к себе в Азов и в Кафу.

Не славнее вышел и третий крымский поход русских, под командованием того же Ласси, предпринятый русскими в следующем, тридцать восьмом году. Они намеревались взять Кафу, получив тем самым порт на Черном море и базу в Крыму. <...> Поход Ласси в итоге не удался, ибо край впереди был разорен, а вышедший на подмогу флот Бредаля с провиантом рассеялся из-за шторма. Во время нынешнего крымского похода русские лишь взломали перекопскую линию, дали обычную взбучку татарам, оставили в Азове Дундукомбу, грозу Кубани, и удалились на постой на Украину. Примечательным оказался способ, коим русские вошли в Крым. Они не пошли ни по Арабатской косе, ни по Шунгарской, как Ласси сперва думал сделать, пока не выведал о татарах, стоявших крепкой обороной на этих линиях. Пребывая в нерешительности, он узнал от одного татарина, что вблизи от Перекопа существует мелководье, и, когда западный ветер гонит волну в море, полуостров соединяется с сушей. Ласси доверился фортуны, то бишь проявил мужество: дождавшись ветра, он дерзко повел свой фронт, войдя в Крым посуху.

Миних, по взятии Очакова в тридцать седьмом году и по возвращении на Украину, занялся обороной провинции, реорганизацией армии и запасом провианта на будущий год. Против общего врага готовились совместно русские и австрийцы, желавшие зажать его с двух сторон. Вена, в начале лета тридцать седьмого года теснящая турок, к концу кампании перешла к обороне и предложила ныне осадить Видин, пограничную крепость на болгарской части Дуная. Петербург должен был помочь австрийцам и послать в Трансильванию большой корпус, дабы отвлечь все возраставшие силы турок. Именно с этой целью, пока Ласси проникал в Крым, Миних предполагал осадить на Днестре Хотин, вблизи турецко-польской границы.

Опираясь на Миниха в Трансильванию – ни у Ласси, ни у Миниха не хватило людей. В Петербурге решили ограничиться осадой Бендер, заявив Вене, что для отвлечения противника сего предостаточно. Тем самым Россия могла усмирить непокорных бессарабских татар, не удаляясь от своих приобретений, в первую очередь – от важного Днепра, текущего по местам дислокации русских войск.

Итак, Миних пошел на Бендеры. Переправившись через Днепр, он осторожно двигался вперед, разбивая бивуаки непременно по берегам рек – ради воды и фуража, всегда недостаточных в этих местностях. Русская армия напоминала большой корабль в открытом море: она несла с собою все необходимое и сеяла повсюду страх. О больных никто не заботился: в степях несчастным еще хуже, чем на море – нет никаких лазаретов и всего того, что сопутствует военным действиям в Европе. Добыв вола или быка у всегда присутствующего врага, солдаты устраивали настоящий праздник, подобно морякам, доставшим свежую провизию. Покончив с провиантом, русские сжигали повозки и съедали быков, ставших не нужными. Миних долго шел вдоль Днестра, надеясь переправиться и осадить Бендеры. Турки, однако, удерживали за собою другой берег, но, бдительно следя за противником, не нападали на него, благо, это делали татары. Последние, поддерживаемые одним турецким отрядом, шипали Миниха с боков и с хвоста, стремясь отбить у него провиант. Русским пришлось бы совсем плохо, если бы не выучка и предусмотрительность Миниха. Стычки с татарами иногда длились целыми днями – враг беспрестанно тревожил русских, но те не давали спуску. Ослабленный даже своими собственными успехами и отчаявшись перейти Днестр, Миних задумался о собственном спасении, тем более, что в край пришла чума. Армия ретировалась на украинские квартиры, порушив прежде Очаков, ради взятия которого отдали жизнь двадцать тысяч русских. В том году при наступлении турок удержат крепость, однако, не представлялось возможным, и Миних решил не защищать то, что все равно потеряешь.

Неудачи последней кампании со стороны как русских, так и австрийцев посеяли рознь между союзниками. Вена упрекала Миниха и Ласси в ведении рыцарских турниров с татарами, в то время как она якобы приняла на себя главные турецкие силы, с визирем во главе. Петербург возражал, что война вышла необыкновенно серьезной (потери составили сто тысяч солдат), и, в свою очередь, обвинял австрийцев: те в тридцать седьмом году распустили армию, оставили на Дунае флот, и не взяли готовый пасть ключевой Видин, а в тридцать восьмом уступили Орсову²², заслон Белграда, – из-за малочисленности войск, из-за бесчисленных перемен полководцев и решений и из-за прочих неурядиц, в коих виною только сама Вена.

С подобными препалками союзники вступили в войну в нынешнем тридцать девятом году, по взаимному согласию приняв миролюбивое посредничество Франции. Ласси остался на Украине, вверив Кубань вождю калмыков Дундукombe, истреблявшему повсеместно татар и утонявшему их жен и детей для пополнения населения России. Между нею и Татарией в итоге оказалась голая степь, что полностью сообразуется с обычаями Востока – разрушив селения и угнав людей, рубежи укреплять более не нужно. <...>

С Веней сговорились, что Миних пойдет к Хотину напрямик через Польшу – так русские займут больше провианта и лучше помогут австрийцам в Венгрии. В начале мая Миних выслал вдоль левого берега Днестра один корпус, со множеством казаков, делая видимость очередной, как и в прошлом году, атаки на Бендеры. Обойдя же реку поверху, он вошел в Волынское княжество. Для прохода по польским землям, русские пытались обосновать необходимость войны. Бог всемогущ – они обещали железную дисциплину и плату за все. Поляки, увидев себя посреди русских солдат, сильно запротестовали: нарушен, мол, нейтралитет их республики. Турки, поджидавшие русских на Днестре и узнав, что те уже на Волыни, перешли реку и вторглись в Польшу с другого бока, через Подолию. Они оправдывались примером врага и нуждою искать его повсеместно. По этой чудной провинции, омываемой полноводными реками, богатой тучными пастбищами и поставляющей скот в пол-Европы, не замедлили промчатся ураганом татары. Местные крестьяне разбежались кто куда, бросив все на военные трофеи – вот пример ничемности нейтралитета, если он не вооружен. <...>

Таковы, Милорд, последние новости, полученные мною в салоне пфальцгерцогини Масовии²³, дамы, достоинства которой соответствуют славе ее мужа-пфальцгерцога²⁴.

Восьмое письмо

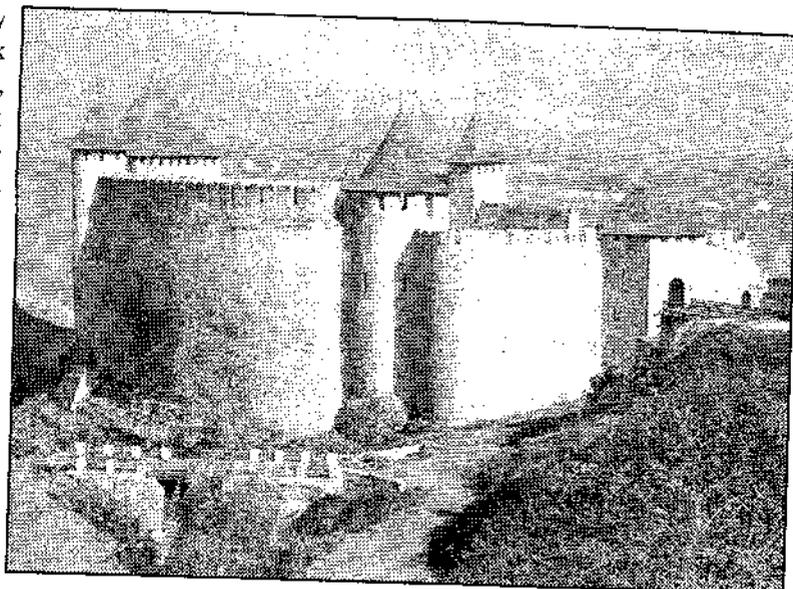
Гамбург, 30 августа 1739

Ему же

<...> Кампания шла таким образом, когда внезапно оживились мирные переговоры – по инициативе французского посла, обретавшегося в турецком лагере. Австрийцы послали предприимчивого графа Найпберга²⁵, заключившего в последний день августа наитайнственный из всех мирный договор: Вена от него клятвенно отреклась и столь же клятвенно соблюла. Порта, помимо разнообразных преимуществ, получила по сему договору белградскую крепость, главный форпост империи, доставшийся христианскому миру такой высокою ценою. А ведь там еще стояло доброе войско для обороны, да и комендант Белграда уверял, что способен был его удерживать в течение еще двух месяцев. Кроме того, русские союзники, позабытые в договоре, одержали на пути в Венгрию важную победу над турками, обещавшую не менее важные плоды в будущем.

Граф Миних во главе семидесятипяти тысячной армии пересек всю Польшу и, идя на Хотин, выслал генерала Румянцева с большим отрядом к Каменцу²⁶, на польской пограничной реке Збруч, впадающей поблизости в Днестр.

Сделав вид, что переправляется через реку именно здесь, Румянцев, отобрав крепких молодцов, совершил двухдневный марш, почти на шестьдесят миль, и перебрался через Днестр выше Каменца, поразив турок, втуне поджидавших его на берегах Збруча, числом в сорок тысяч человек, с бесчисленными татарами-союзниками и с мощной артиллерией. Прознав о переправе Миниха через Днестр, турки тотчас пересекли реку и бросились на защиту Хотина, найдя удобное место для лагеря — холм, господствовавший перед окрестностями города, позади болотистой речки, прикрытый справа густыми лесами, а слева — труднодоступною ложбиною. Турки, кроме того, успели окопаться и вооружиться артиллерией — благодаря Миниху, заждавшемуся из-за Румянцева (тот вел обоз и пушки, но его удержал снеший переправы разлив). Миних к тому же потерял время на рекогносцировку в чужой стране и на добычу провианта: он не мог спешить, но не мог и медлить. Удостоверившись, что легче всего атаковать с левого фланга, утром двадцатого августа он зашел на врага справа²⁷. Русские изобразили яростную атаку на пригорки, вторгшись в лес и забросав турок бомбами. Те с готовностью удвоили оборону, в то время как Миних снял часть своих людей и внезапно навалился на слабый левый фланг. Турки, озадаченные сим маневром, не сумели дать должный отпор, и русское войско налетела масса татар, а также крупный отряд отчаянных янычар, почти разметавший ряды противника. Победа все же осталась за Минихом, взявшего у турок крупную военную и продовольственную добычу. Немешкая, он отправился к Хотину, сдавшемуся без сопротивления тридцатого числа, ибо турки, разбитые десять дней прежде, ушли к Бендерам. Так Миних с триумфом завладел дорогой на Прут, отомстив за бывшее поражение Гики посадил Кантемира, сражавшегося на стороне русских, и торжественно, от имени царицы, принял от греков клятву в верноподданстве.

Крепость Хотин (Украина). XIII—XVII вв.

В самый разгар успехов, когда между австрийцами в Трансильвании и русскими оставалось несколько часов марша, а казачьи эскадроны дошли до рубежей Болгарии, Найпберг под Белградом заключил мир²⁸. Чуть погодя от имени царицы подписал мир и русский посланник, отправленный осторожным Остерманом к туркам сразу после известия о фатальном деле под Кротском. Общим договором способствовала Франция, несколько лет тому назад замирившая Европу, взяв Лотарингию²⁹ и посадив на неаполитанский трон принца из собственного дома³⁰. Ныне Франция добилась мира при условии, что австрийцы снесут белградскую крепость и сдадут часть Валахии и Сербии Порте, а последняя отласт разоруженный навсегда Азов царице и прикажет татарам не беспокоить рубежи русской империи.

Вот как завершилась война, обещавшая поначалу покончить с присутствием Оттоманской империи в Европе. Турки выказали себя молодцами, медля и поспешая вовремя: фортуна подчинилась доблести, хотя обычно бывает все наоборот. Австрия понесли урон в военной славе и надежности рубежей. Россия, пусть и с честью, но лишилась средств, солдат, моряков, а также благополучия самых своих прекрасных провинций, каковое собственно и являлось целью ее войны. <...>

Вот как завершилась война, обещавшая поначалу покончить с присутствием Оттоманской империи в Европе. Турки выказали себя молодцами, медля и поспешая вовремя: фортуна подчинилась доблести, хотя обычно бывает все наоборот. Австрия понесли урон в военной славе и надежности рубежей. Россия, пусть и с честью, но лишилась средств, солдат, моряков, а также благополучия самых своих прекрасных провинций, каковое собственно и являлось целью ее войны. <...>

¹ О жизни и творчестве Альгаротти в Италии существует целая литература: см. библиографический очерк У. Спаджари в: *Algarotti F. Viaggi di Russia*. Падуа, 1991. P. XXXI - XLVII.

² См. об этом комментарий: Измайлов Н. В. Примечания к тексту поэмы // Пушкин А. С. Малый всадник. Л., 1978. С. 266; заметим, что в итальянском оригинале Петербург назван «finestrono», т. е. «окнище».

³ В русской литературе, однако, бытует титул «Письма о России».

⁴ Эти три письма целиком переведены и опубликованы: см. Альгаротти Фр. Русские путешествия. Перевод с итальянского, предисловие и примечание М. Г. Талалая // Невский архив. СПб., 1997. С. 235-264.

⁵ Цит. по: Boss V. *Newton and Russia: The Early Influence, 1698-1796*. Cambridge, 1972.

⁶ Сомова С. Я. Франческо Альгаротти и его сочинения в русских книжных собраниях XVIII в. // Русские библиотеки и их читатели. Л., 1983. С. 189.

⁷ Дневник путешествия не опубликован; хранится с 1848 г. в Британской библиотеке в Лондоне (Additional Manuscripts, 17482).

⁸ Об этом процессе см. Franceschetti A. *Algarotti in Russia: dal «Giornale» ai Viaggi* // *Lettore italiane*, luglio-settembre, 1983. P. 312-332.

- ⁹ Книга (на франц.) вышла в 1736 г. в Кенигсберге; ее автор, Ф. Локателли, искривляемо пристрастный к русским, во время путешествия в Россию был заподозрен в шпионстве и посажен в тюрьму.
- ¹⁰ Перевод осуществлен нами по изд.: Francesco Algarotti. *Viaggi di Russia. A Cura di W. Spaggiari*. Parma: Fondazione Pietro Bembo, 1991.
- ¹¹ Почти все «письма» Альгаротти были адресованы лорду Джон Харви де Икуорт (Lord John Hervey of Ickworth, 1696 – 1743), вице-канцлеру короля Георга II, в 1725–1733 гг. члену парламента от партии вигов, литератору, историку, мемуаристу, автору многих сочинений, посвященных Италии. Альгаротти познакомился с ним в Лондоне благодаря рекомендации Вольтера; сами письма и постоянные обращения в них к лорду Харви – литературный прием автора, ибо в момент их написания адресат был уже мертв.
- ¹² Так католики в прошлом называли православных.
- ¹³ То есть оружием; аллюзия на латинскую фразу «ultima ratio regum» (последний довод государя), в XVII–XVIII вв. часто помещавшуюся на пушки.
- ¹⁴ Анахронизм: мир между Карлом VI Габсбургом, императором Священной Римской империи, и Людовиком XV Французским был подписан в Вене в 1738 г.; согласно нему на польском троне был утвержден Август III, а Станислав Лещинский, ставленник Франции, получил герцогство Лотарингское.
- ¹⁵ Кавалеристы.
- ¹⁶ Совр. Евпатория.
- ¹⁷ Диррахинум, совр. Дуррах (Албания); эпизод, упомянутый Альгаротти, относится к войне Цезаря с Помпеем.
- ¹⁸ То есть Екатерина I и Анна Иоанновна.
- ¹⁹ Август III.
- ²⁰ Клод де Бонневаль (Claude de Bonneval, 1675 – 1747), французский военный, принявший ислам и, с именем Ахмет-паша, служивший турецкому султану.
- ²¹ Эпизод из кампании Цезаря против германских племен.
- ²² Дунайская крепость на территории современной Румынии.
- ²³ Область Польши.
- ²⁴ Характерная мистификация автора: в действительности, в подробном дневнике его путешествия отсутствуют какие-либо следы его бесед с кем-либо о тогдашней русско-турецкой войне; все сведения о ней внесены позднее, на основании хорошо проработанных европейских источников.
- ²⁵ Граф Вильгельм-Рейнгард фон Найпперг (Wilhelm Reinhard von Neipperg, 1684 – 1774), австрийский дипломат и военачальник. – Каменец-Подольский.
- ²⁶ Ниже описан бой при Ставучанах.
- ²⁷ Анахронизм: Белградский мир между Австрией и Турцией был подписан 18 сентября 1739 г., в то время как письмо Ф. А. было «отправлено» 30 августа того года (см. *Opere di Francesco Algarotti e di Saverio Bettinelli, a cura di E. Bonora, Milano-Napoli, 1969, p. 249*).
- ²⁸ По Вейскому миру 1738 г. Лотарингское герцогство было передано Франции; его герцогом стал Станислав Лещинский, бывший польский король и ставленник Франции.
- ²⁹ В 1734 г. королем Неаполитанским и Сицилийским стал Карл VII Бурбон.

ВОЙНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И БОРЬБА С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНОЙ И ИНОСТРАННЫМ ШПИОНАЖЕМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Россия на протяжении своей многовековой истории вела огромное количество войн. С момента образования Иваном III Русского государства в XV в., по самым приблизительным подсчетам, в XVI в. было около 30 сравнительно мирных лет (не считая мелких стычек на границах), в XVII в. – 42, в XVIII в. – 35, а в XIX в. – 32! Если учесть, что средний срок социальной активности одного поколения – 30 лет, то получается, что в истории Русского государства вплоть до второй половины XX в. не оказывается ни одного поколения, жившего без войны! Подобное обстоятельство неизбежно приводило на генетическом уровне к обостренному восприятию понятий «свой» – «чужой» и, как следствие, особой роли в русской истории категорий «верность» – «измена».

Понятие измены на Руси получило законодательное оформление в Соборном Уложении 1649 г. В нем говорится: «Также будет кто при державе царского величества, хотя Московским государством завладеть и государем быть, и для того своего злого умысленья начнет рать збирать, или кто царского величества с недруги начнет дружитца, и советными грамотами ссылатца, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым неоружали по его ссылке Московским государством завладеть (здесь и далее курсив мой. А.Ф.) или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому известу сыщется про тое его измену допряма, и такова изменника по тому же казнить смертию» (гл.2, ст.2). Также конкретизируется частный случай предательства: «А будет кто царского величества недругу город здаст изменою, или кто царского величества в города примет из иных государств зарубежных людей для измены же, а сыщется про то допряма, и таких изменников казнить смертию же» (ст. 3). Ст. 4 предусматривала наказание за «изменный» поджог города или дворов для сдачи неприятелю.

У уличенных в измене конфисковывались поместья, вотчины и все имущество («животы» – ст. 5). Родственники изменника, не дошедшие на него, карались вместе с ним. По ст. II вернувшемуся и раскаявшемуся перебежчику в другое государство даровалось прощение, но ему приходилось «поместья дослуживатися внов, а в вотчинах его государь волен, а в прежних его поместей ему не отдавать».

Возбуждение дела по обвинению в измене всегда начиналось с «извета» – доноса, который делался государю, его боярам и ближним людям, а на местах – воеводам или приказным людям. После этого начинался сыск, включавший такие элементы, как опрос свидетелей, сбор документов, очные ставки. Законодательство одинаково карало как недоносительство, так и ложный донос. При этом клеветнику причиталось то наказание, которое полагалось бы по Соборному Уложению за преступление, в котором он ложно обвиняет (в случае с изменой – смертная казнь) (ст. 17)¹.

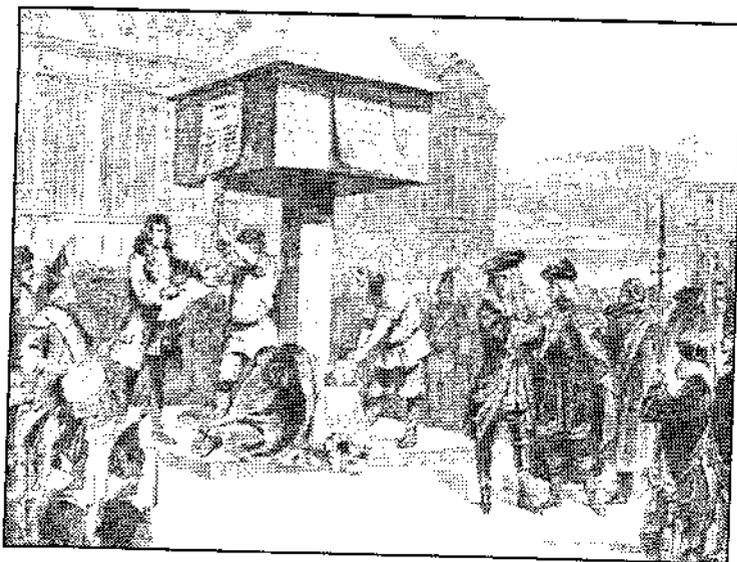
Лицам же, отличившимся при поимке предателя, полагалась награда из его имущества: «А будет кто изменника догнав на дороге убьет или поймав приведет к государю, и того изменника казнить смертию, а тому, кто его приведет или убьет, дати государево жалованье из его животов, что государь укажет» (ст. 15).

Данные законодательные нормы легли в основу политики Петра I в отношении иностранного шпионажа и собственных «неверных подданных». Однако стоит отметить, что при этом в России долгое время не было учреждения, отвечающего за борьбу с государственной изменой. Роль Преображенского приказа (стал учреждением около 1695 г.) князя Ф.Ю. Ромодановского была в основном полицейская². В 1718 г. в связи с процессом над царевичем Алексеем Петровичем при данном учреждении была образована Канцелярия тайных розыскных дел.

Начальник Тайной канцелярии
генерал-аншеф граф А.И. Ушаков

Она занималась делами "по первым двум пунктам": по именному указу Петра от 25 января 1715 г. все подданные обязывались доносить императору или караульному офицеру о преступлениях по трем пунктам: 1) "о каком злом умысле против персоны его царского величества или измены"; 2) "о возмущении или бунте"; 3) "о похищении казны". Последний пункт попал в компетенцию общей юстиции, а первыми двумя занималась Тайная канцелярия. В 1722 г. обязанность доносить по ним была вменена даже священникам, исповедующим прихожан (с нарушением тайны исповеди).

Граф А.И. Остерман на эшафоте

При Петре I часто под изменой имелось в виду нарушение закона вообще, а также дела, связанные с бунтом и оскорблением императорской фамилии. Дел по предательствам в пользу иностранной державы были единицы. Помимо всем известных дел Мазепы и царевича Алексея, следует упомянуть дело Якова Янсена, голландского матроса на русской службе. Во время Первого Азовского похода 1695 г. он изменил Петру I, перебежал к туркам и выдал им планы русских штурмовых укреплений. Это способствовало провалу наступления российской армии на турецкую крепость.

Во время Второго Азовского похода в 1696 г. Янсен принимал деятельное участие в обороне Азова. Он соорудил позицию для восьми турецких орудий и из них "по государевых людех в полки стрельял". Перебежчик лично участвовал в трех вылазках турок против русских. После взятия Азова изменник был схвачен. Очень колоритно описание его перевозки в Москву в составе триумфальной процессии русского войска, торжественным маршем входившего в столицу: «После Преображенского полка: Позади тех рот везли вора и крестопреступника и изменника Якушку, на четырех лошадах.

Телега намощена тесом и поставлены рей, а на реях по столпам воткнуто по обе стороны два топора, два ножа повешены, два хомута, десять плетей, двое клещей, два ремня, а Якушка в турецком платье, голова в чалме обвита по-турецки, руки и около поясицы окован цепями, на шее петля, на грудях бумажное зеркало, на перекладине веревка петлею и ложена на шею, на перекладине подпись:

Переменою четырех вер Богу и изменою, возбуждает ненависть турок, христианом злодей.

Да над ним же луна, да звезда с подписью: *Ущерб луны.*

На зеркале на груди написано: *Злодей.*

Везли того Якушку в другие ворота, что подле Триумфальных ворот. В Белой город, во всевятские нижние ворота для того, что он *за многое свое воровство и измену в Триумфальные ворота весть недостойн* (выделено мною. — А.Ф.)». После пыток и допросов Янсен был казнен колесованием 7 октября 1696 г. в селе Преображенском. Его голову отрубили и выставили на колу².

С эпохой Петра связан любопытный эпизод, показывающий повышение статуса измены в глазах государства. 11 июля 1709 г. князь А.Д. Меншиков отправил руководителю Ижорских канцелярий А. Шукину письмо следующего содержания: "По получении сего сделайте тотчас манету серебряную весом в десять фунтов, а на ней велите вырезать Иуду на осине повесившагося и внизу тридесят(ь) сребреников лежащих и при них мешек, а назади надпись против сего: «Тресклят сын погибельный Июда еже за сребролюбие давится». И к той манете сделал цепь в два фунта, пришлите к нам на нарочной почте немедленно". Таким образом был поставлен вопрос о создании официального символа измены, которым предполагалось "наградить" наиболее "отличившихся" лиц.

Орден был готов к сентябрю 1709 г. К сожалению, о его судьбе известно крайне мало. Историк С.Ф. Платонов высказывает мысль, что данная регалия первоначально предполагалась для расправы над Мазепой⁴, что вполне вероятно, учитывая склонность Петра I к некоторой театральности при наказаниях и награждениях своих подданных.

Кавалером этой сомнительной "награды", по свидетельству датского посланника Юста Юля, был князь Юрий Федорович Шаховской. Но получил ее он не за конкретное предательство, а в результате идеологического спора с царем Петром, когда заявил, что Иуда продешевил, оценив голову Христа всего в тридцать сребреников, он бы, Шаховской, запросил больше. Необходимо учитывать и то, что кавалер Ордена Иуды занимал должность шута и распорядителя царских забав в составе так называемого "Всепянейшего собора" под именем архидьякона Гедена.

После смерти Петра I в 1726 г. Тайная канцелярия была упразднена, в 1729 г. закрыт Преображенский приказ. Государственные преступления, в том числе "изменные дела", теперь рассматривались Сенатом, коллегиями,

органами полицейского надзора, губернаторами и т. д. В 1731 г. при Анне Иоанновне, Тайная канцелярия была восстановлена. Ее ликвидировали в 1762 г., но ее функции тут же перешли образованной Тайной экспедиции, существовавшей до 1801 г.⁵

Поводом для возбуждения дел, как и раньше, чаще всего служили доносы. Интересно, что в Тайной экспедиции был ужесточен порядок проверки достоверности полученного сообщения о государственном преступлении. Информатора полагалось сначала «уведевать», затем посадить «на два дни под крепкий караул и не давать ему ни питания, ни пищи», «оставив ему все сие время на размышление». Только если после этого человек упорствовал в своих показаниях, им давали ход. Впрочем, он еще раз должен был подтвердить свой донос под пыткой⁶.

Подавляющее большинство так называемых «изменных дел» составляли процессы об оскорблении императорского величества, выпадах в адрес присяги и оскорбительных отзывах о государственной политике⁷. Мы здесь не будем останавливаться на известных делах И. Лестока (1748), А.П. Бестужева (1758) и С.Ф. Апраксина (1757), носящих во многом политический характер, а упомянем ряд менее известных процессов. Например, в 1734 г. дворянин Василий Нефедов в пьяном виде на поминках в городе Торолше ругал присягу: «разбоденная мать наша проклятая присяга» и «проклят тот человек, который присягнет должности». На него тут же донес отставной катенармиус Савва Кармалин, и Нефедова обвинили в государственной измене⁸. В 1739 г. кронштадтский бомбардир Семен Ефремов поделился с сослуживцем фюзелером Михаилом Семеновичем: «Идем молить Бога, чтобы «турка поднялась», тогда их пошлют из надоевшего Кронштадта в действующую армию». Ефремова осудили за «изменнические речи» (желал начала русско-турецкой войны!), били плетью и перевели служить в Остзейский полк⁹.

Всплеск «шпионских дел» в 1730-40-е гг. был связан с войнами с Турцией и Швецией, которые вела Россия. Наиболее интересно здесь так называемое «битюцкое дело 1737 г.». 23 октября 1737 г. в селе Архангельском, принадлежавшем воронежскому епископу, приказчиком Волохом Федоровичем Ивановым и прапорщиком Извольским был пойман подозрительный человек. Его доставили сперва в город Острогжск, а затем переслали в Воронежскую губернскую канцелярию. Арестованный не знал ни слова по-русски, и его допрос велся с помощью переводчика солдата Еремея Малякова, знавшего татарский язык.

Иноземец показал, что он шпион, по происхождению из молдаван («волоской нации»). Его направила в Россию турецкая разведка «для присмотру городовых крепостей и для загогов городов, сел и деревень». Вместе с ним было заслано одиннадцать человек, которые разошлись под Нижним Ломовом. Двое пошли на Воронеж, трое – на Тамбов, двое – на Пензу, четверо осталось в окрестностях Ломова. Турецкое правительство выделило им для выполнения шпионской миссии 20 рублей.

Воронежская губернская канцелярия страшно переполошилась. В ней совершенно не знали, что надлежит делать с арестованными разведчиками и диверсантами. На обращение в Сенат не прислали никаких вразумительных инструкций, кроме того, что преступников надо сажать под караул. Срочно был отправлен запрос в Военную коллегию, которая определила: «В Воронежской и Белгородской губерниях и во всех донских казачьих городках оных шпионов где как возможно накрепко сыскивая ловить и злые их намерения пресекать, и во всем крепкую осторожность иметь».

10 ноября 1737 г. пойманный лазутчик был заклепан в ручные и ножные кандалы и отправлен к фельдмаршалу Б.-Х. Миниху. Квалификация центральных следователей оказалась выше, чем воронежских. Они заново допросили «шпиона». И история предстала в совершенно ином свете.

Незадачливый арестант родился в Валахии в местечке Букзеште. Звать его Тимофей Сергеев. Он происходит из семьи чеботарей (сапожников), добывал средства к жизни сельским хозяйством. Однако, когда началась русско-турецкая война, османлы забрали его на двухмесячные земляные работы в крепость Кинбурн. Как только российская армия стала приближаться к Кинбурну, работников эвакуировали в Очаков.

После взятия Очакова несчастных волохов сперва взяли в плен как неприятельских солдат. Но потом разобрались, что они всего-навсего подсобные рабочие, и потеряли к ним интерес. Молдавских крестьян, увезенных на сотни километров от дома, просто выпустили в чисто поле. Они бродили по окрестностям, просили подавание, и так кочевали по Приднепровским степям. То какие-то неизвестные люди увезли Сергеева на подводах в неизвестном направлении. То он сумел пристать к команде беженцев, но распорядившийся их судьбой русский офицер велел ехать в другое село, и больше они его не видели. Так потерявшийся молдаванец, к тому же ни слова не

Наказание на дыбе

понимавший по-русски, добрался до воронежских краев. Причем в пути он издержался настолько, что его одежда превратилась в сплошные лохмотья.

На вопрос, почему же он сперва дал совершенно другие показания, Сергеев ответил, что он понятия не имеет, что там за показания и о чем его спрашивали. Ему задавали вопросы на неизвестном языке, ни по-русски, ни по-татарски он не разговаривает. И что записали воронежские канцеляристы, не знает. Срочно вызвали переводчика, Еремея Малякова. Его знания проверили, специально доставив из тюрьмы пленных татар. Выяснилось, что Маляков языка не знает. Он – бывший дезертир. Чтобы скрыть свое бегство из армии, придумал, будто бы был в татарском плену и там выучил их наречие. Правда, Маляков пытался представить себя полиглотом и заявил, что разговаривал с Сергеевым по-персидски. Он надеялся, что уж тут-то его не разоблачат.

Однако теперь следствие работало уже в другую сторону. В шпионаже подозревали незадачливого переводчика – с чего это он выдумал историю про плен, зачем подвел под пытки безвинного бродягу-волоха, если с самого начала было ясно, что тот несчастная жертва большой политики, один из тысяч людей, потерявших кров и семью из-за войны великих держав. Правда, доказать связь Малякова с турками не удалось¹⁰.

Дело «битюцких шпионов» 1737 г. имело далеко идущие последствия. По всей стране были разосланы указы о борьбе с изменниками и иностранными лазутчиками. На юге России на поимку вражеских агентов были брошены казаки из подонских, донских, хоперских, медведицких, бузулуцких городков. Правда, казачьим разъездам иноземных диверсантов попало мало.

Наказание плетью в Тайной канцелярии

В основном они ловили сторонников движения «некрасовцев», которые также считались государственными изменниками. Как это часто бывало, в борьбе с «изменой внутренней» власти преуспели больше, чем в противодействии реальному действию иностранных спецслужб.

Неспокойно было и на западных рубежах страны: в 1741 г., перед русско-шведской войной, русские офицеры расследовали подозрительную деятельность ревельского купца Иоганна Витте, связанного со Стокгольмом. В 1743 г. велось следствие над шведскими дезертирами Ю.-А.-Ф. Гавони и И. Коконте, обвинявшихся в шпионаже¹¹. Видимо, усилением угрозы шпионажа обусловлен выход указа Елизаветы Петровны об организации в России специальной контрразведывательной службы. Ее деятельность курировали Секрет-

ная экспедиция Сената и Коллегия иностранных дел. Постановление увидело свет 11 июня 1742 г. По нему учреждались должности тайных агентов, которые должны были вести перлюстрацию писем, проверку паспортов, досмотр судов и карет, наблюдать за приезжими иностранцами. Наша находка в фондах РГАДА этого императорского указа¹² существенно удревает дату появления в России специальных работников контрразведки – обычно его относят к концу XIX в., когда такое ведомство было создано при Главном управлении Генерального Штаба.

Русской контрразведке сразу нашлось много работы. В 1744 г. был пойман шведский шпион Александр Луэтин, в 1749 г. солдатами Астраханского пехотного полка схвачен уроженец Финляндии Томас Гранрот, с непонятной целью обходивший караулы, которые несли военнослужащие. В 1752 г. расследовалось дело купца Якова Гарднера и служителей подполковника барона Лейтрома, подозревавшихся в шпионской деятельности, в 1756 г. – дело французского миссионера Валькруассана и ливонского барона Готгарда Фридриха Будберга, заподозренных в политическом шпионаже, а также велось следствие «о польском шпионе Демьяне Иванюченке». В 1757 г. в документах, связанных с подобными обвинениями, фигурируют имена прусского шпиона Ламберта и Эрикса Стампеля, слуги принца Антона Ульриха. В 1757 г. в Сибирь был сослан задержанный в Курляндии прусский шпион барон Ремер, за шпионаж в пользу Пруссии в 1758 г. осуждены капитан Альбрехт Ключевский и драгун Абрам Дейхман. За добывание секретной информации для пруссаков в том же году находился под следствием прапорщик Павел Калугерович, а в 1758-1762 гг. – инженер-поручик Фридрих Теш и вахмистр Мартин Келер¹³.

Из крупных дел этого периода следует остановиться на следствии над полковником Сванге-Блюмом и нарвским комендантом бароном фон Штейном по поводу передачи ими иностранным державам секретных сведений. С 1752 г. Блюм являлся подполковником Нарвского гарнизона. Во время нахождения на русской службе у него возникли проблемы с наследованием принадлежащих ему земель в Пруссии. Этим воспользовалась прусская дипломатия. Через капитана Винтерфельда ему было предложено «служить прусскому королю», не покидая

русской армии. После колебаний подполковник согласился и в 1753 г. тайно вступил в прусскую службу, не оставив при этом своих должностей в российских вооруженных силах.

Задачей Блюма была передача шпионских сведений. Он их отправлял в письмах, адресованных в гарнизон города Данцига капитану Лизандеру. За эти услуги ему обещали уладить проблемы с наследством.

6 марта 1757 г. на Рижском почтовом дворе при перлюстрации писем было перехвачено письмо Блюма, "которого содержание явную измену изъясляет". Арестованный подполковник во всем сознался и показал, что пересылал неприятелю росписи и штаг армии, выкупленные им у сержанта Белозерского полка Михаила Будушева и писаря Новгородского пехотного полка солдата Осипа Сидоровича Ерыгина, получивших за свои услуги 16 копеек. По делу был также арестован нарвский комендант бригадир барон фон Штейн, но он свою вину категорически отрицал. Во время следствия, не выдержав условий заточения, 22 февраля 1759 г. Блюм умер в Шлиссельбургской крепости¹⁴.

Этапными в политике властей по отношению к измене и предательству, в том числе военному дезертирству, стали 1757, 1758 и 1760 гг. Правительство Елизаветы в эти годы подготовило проекты манифестов о прощении подданных, изменивших присяге и сбежавших за границу или дезертировавших из армии, но потом захотевших вернуться в Отечество и молить о прощении¹⁵. Эта мера была направлена на облегчение участи людей, волею судеб оказавшихся за рубежом в бурные годы становления молодой Российской империи. Развитие представлений об измене при Екатерине II составит уже новую, особую страницу отечественной истории.

¹ Соборное Уложение 1649 г. Л., 1987. С. 20-21.

² Домов В.И. В Пресоборенских застенках // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 216-218.

³ РГАДА. ф. 371, оп. 2, стб. 21, 287; оп. 4, д. 509; Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шиша к Азову, взятие его и Лютика-города и торжественное возвращение в Москву с подробным описанием всех военных и торжественных происшествий / Издал в свет Василий Рубан. СПб., 1773. С. 191-193.

⁴ Цит. по: Платонов С.Ф. Орден Иулы 1709 года // Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии за 1926 г. Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 194-197.

⁵ Джинчарадзе В.З. Из истории Тайной экспедиции при Сенате (1762-1801 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного педагогического института. Новгород, 1956. Т. 2. Вып. 2. С. 83; Кириллов В.И. Тайная канцелярия XVIII столетия // Вопросы истории. 1967. № 12. С. 206; Самойлов В. Возникновение Тайной экспедиции при Сенате // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 80-81.

⁶ Голикова Н.Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII-XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М., 1964. С. 273.

⁷ Подробнее см.: Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Пестровского времени. Харьков, 1911; Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.

⁸ Там же, ф. 7, оп. 1, д. 398, л. 1-25.

⁹ Там же, ф. 7, оп. 1, д. 686, л. 1-15.

¹⁰ Там же, ф. 248, оп. 113, д. 61, л. 1, 1 об., 4 об., 18, 21, 29, 30 об., 31-33, 35 об., 43

¹¹ Там же, ф. 7, оп. 1, д. 884; ф. 248, оп. 113, д. 349, л. 1-32.

¹² Там же, ф. 248, оп. 113, д. 349, л. 25.

¹³ Там же, ф. 7, оп. 1, д. 1556, 1762, 1811-1812, 1839, 1853, 1855 и 1968, ср. также д. 1116; ф. 248, оп. 113, д. 424, л. 14-15, д. 1003, 1251, 1140.

¹⁴ Там же, ф. 7, оп. 1, д. 1831, части 1-21.

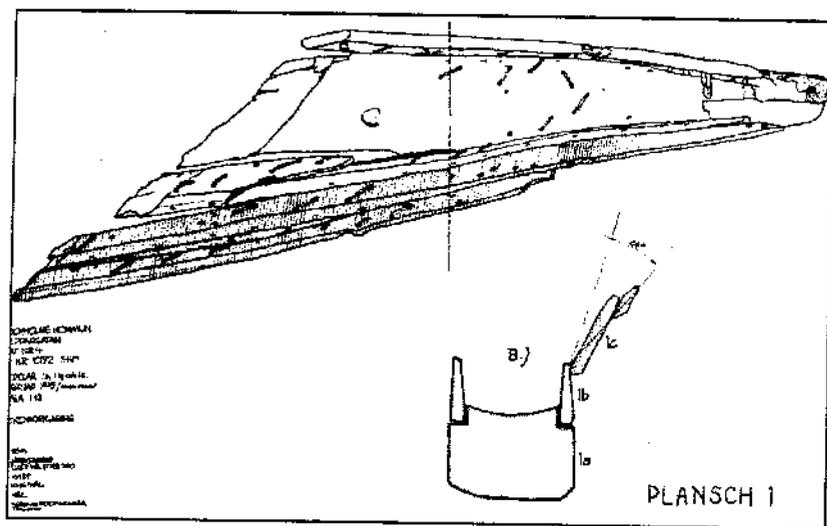
¹⁵ Там же, ф. 248, оп. 113, д. 1466, л. 1-2.

КАЗАКИ НА БАЛТИКЕ И РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1656 – 1658 гг.

Северо-Запад России – регион, граничащий со многими европейскими государствами. Многочисленные войны, целью которых был контроль над этой территорией, происходили по причине крайне выгодного географического положения. Отсюда расходились многочисленные торговые, в основном водные пути, ведущие, с одной стороны, в глубь российских территорий, с другой – выводящие в акваторию Балтики. Только на протяжении трех столетий, с XVI по XVIII век, произошло более десятка войн за обладание этими землями. Они побывали в составе и Московии, и шведского королевства; были и центром Российской империи. Цель России во всех этих войнах – выход к морю или удержание достигнутых завоеваний. Большинство конфликтов сопровождалось морскими сражениями, что вполне естественно для приморского региона, причем если один из участников конфликта вынужден перевозить войска с других берегов. Неудивительно, что столь богатая морская история должна была оставить свое отражение и в виде различных археологических памятников – последствий войн и следов деятельности всех народов, проживавших и занимавшихся здесь торговлей.

Одна из таких войн происходила в 1656–1658 гг. Причинами войны обычно считаются русско-польско-шведские противоречия, в особенности претензии России на литовские, малороссийские и другие земли Речи Посполитой. Боевые действия проходили на широком фронте не только на Украине и в Белоруссии, но в Прибалтике, Карелии и Ингерманландии (Ингрии). В данном случае нас особенно интересуют боевые действия в Ингерманландии.

Война была объявлена в мае 1656 г. Войска под командованием самого царя Алексея Михайловича выступили в Ливонию и 31 июля штурмом взяли Динабург (Даугавпилс), переименовав его в Борисоглебск, а затем –

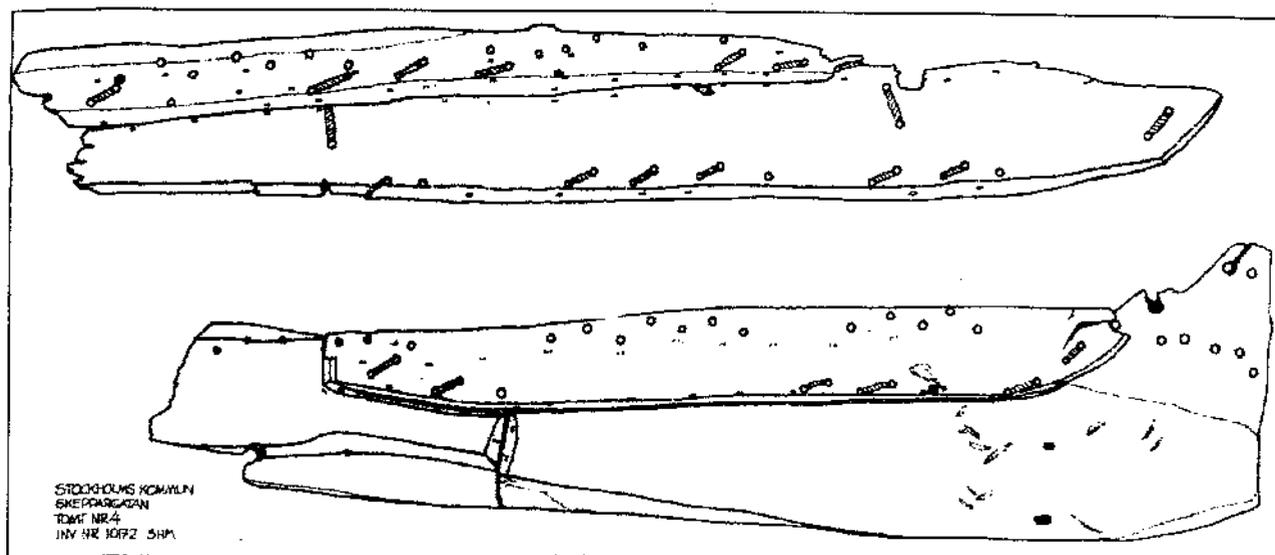

Обшивка судна из Скеппартагена (Sederlund. 1978)

Кокенгаузен и Дерпт. Последним осажденным городом оказалась Рига, однако русские вскоре сняли осаду, опасаясь подхода большого шведского войска и постоянной угрозы от местного населения, и отступили в Полоцк. Кампания 1657 г. оказалась для России еще более неудачной – войска оказались выбитыми из Прибалтики. Перемирие было подписано в 1658 г., а в 1661 г. по Кардисскому мирному договору со Швецией Россия отказывалась от всех своих завоеваний в Прибалтике.

На фоне неудач в этой кампании относительно хорошо выглядели боевые действия 1656 г. в Ингерманландии. Войска Петра Потемкина блокировали Нотебург и сожгли Ниеншандц. Кроме того, шведы столкнулись с той же проблемой, что и русские в Ливонии – про-

тив них поднялось местное православное население. Следующим этапом был перенос боевых действий на территорию шведской Финляндии и в перспективе самой Швеции. Для подобных действий требовалось срочно создавать морскую флотилию, однако людей, знакомых с морем, не было и пришлось срочно собирать опытных в морском деле казаков. На Дону было собрано 570 казаков, благословленных патриархом Никоном на морской поход на Стокгольм¹. На первый взгляд подобные планы кажутся наполеоновскими; но надо учитывать, что казаки могли составлять только экипажи небольших судов, где кроме них находились еще и стрельцы для десанта. Во время той же войны собирались и другие достаточно крупные флотилии – например при отступлении 1657 г. на Западной Двине было брошено около 800 транспортных судов². Основной причиной того, что поход не состоялся, принято считать неудачи на сухопутном фронте в Ливонии³, однако и в этих условиях участники похода под руководством Силы Потемкина сделали немало. Основное их достижение – это поход к острову Котлин, где в бою были взяты трофеи – шведский полукорабль (вероятно, гребной фрегат), пушки и знамена. Казачий отряд вернулся к Ниеншандцу⁴. В это же время в Карелии высадился корпус Густава Горна, и русские были вынуждены отступить из Ингрии.

Обшивка судна из Скеппартагена

Известия о походе вызывают вопрос, на каких судах перемещались его участники. Наиболее часто упоминаемое судовое название в XVI–XVII вв. – *струг*. Сам термин существует еще с эпохи Средневековья и относится прежде всего к судам Волжского бассейна. По Н.П. Загоскину, струг – изначально «нечто среднее между набойной ладьей и челном и не имеет ничего общего со стругом XVII в. грузоподъемностью до 1000 ластов»⁵. Грузоподъемность стругов на небольших реках не превышала 30 тонн, на Волге – 800–1000 тонн⁶. К XVI–XVII вв. струги распространяются по всей территории Московии. Этот термин в различных документах упоминается более сотни раз, в некоторых регионах России он приобретает значение общеродового⁷, описание струга на Волге и его изображение есть у Адама Олеария⁸, термины “*lodia*” и “*struss*” присутствуют в шведских документах XVII в.¹⁰, наиболее поздние упоминания относятся к началу XVIII в.¹¹. В некоторых случаях, письменные источники фиксируют и наличие судов европейских типов в допетровской России – постройку корабля «Орел» в 1668 г. или корабля «Фридрих» – в 1636-м¹². Однако нетрадиционность и эпизодичность применения подобных судов общепризнаны¹³. Относительно северо-западного региона интересные сведения содержатся в шведских документах – например о наличии в Стокгольме второй половины XVII в. торгового двора для русских купцов (*gysshodarna*), куда они приходили на своих судах, с собственной верфью, располагавшегося недалеко от королевского Адмиралтейства¹⁴. И все же из приведенной публикации неясно, из каких именно областей прибывали русские купцы – из Московии или из земель, находящихся в шведском подданстве. Типы применявшихся ими судов – уже упомянутые “*lodia*” и “*struss*” – в шведской кораблестроительной литературе связываются с определенным способом соединения досок обшивки – при помощи штыря вишей.

Судно, изготовленное в подобной технике, обнаружено в Скеппаргатене (*Skeppargaten*) недалеко от Стокгольма. К.-О. Седерлунд считает его русским или прибалтийским по происхождению. Датировка по C14 (по углероду) – рубеж XVII–XVIII вв. Корабль построен из сосны, он имел длину около 15 метров и был практически плоскодонным. Штевни и киль изготовлены из грубых бревен, обшивка в клинкер (*ввахлест*), сшита еловыми корнями, сшивание производилось рядами по три стежка в каждом, стежки заделаны деревянными клиньями. Киль со шпунтовым поясом соединен при помощи гвоздей. Доски обшивки изготовлены из грубо обработанной древесины и имеют различную ширину. Швы тщательно проконопачены просмоленным мхом, сверху прикрыты ластильными планками, закрепленными скобками. Планки имелись не только на внешней стороне борта, но и на внутренней¹⁵.

В принципе подобные суда были известны в балтийском регионе и ранее¹⁶, но все связанные с этим находки относились к небольшим речным судам. Использование таких судов для морского плава-

Майерберг А. Русские суда на Ильмене. 1661 г.
Видна клинкерная обшивка судов

ния фиксируется только во второй половине XVII и самом начале XVIII в. Возможно, толчком для этого послужило их использование казаками в войне 1656–1658 гг.

В заключение несколько слов о вооружении стругов. Запорожские чайки XVII в., по сведениям французского инженера Г. де Боплана, оснащались несколькими фальконетами¹⁷, двумя бронзовыми пушками был вооружен струг К. де Бруина на Волге в 1703 г.¹⁸ Возможно, так же малокалиберной «фальшбортной» артиллерией вооружались и казацкие струги середины XVII в. В этом отношении обращает на себя внимание находка небольшого чугунного фальконета на вертлюжковой установке в реке Волхов¹⁹.

¹ Сорокин П.Е. Водные пути и судостроение на Северо-Западе России в Средневековье. СПб., 1997. С.100.

² Широкопад А. Северные войны России. Москва; Минск, 2001. С. 147.

³ Сорокин П.Е. Водные пути... С. 101.

⁴ Сорокин П.Е. Страницы истории Ижорской земли. Усть-Ижора, 1993. С. 27.

⁵ Загоскин Н.П. Водные пути и судовое дело в допетровской Руси. Казань, 1910.

⁶ Сорокин П.Е. Водные пути... С. 203.

⁷ Там же. С.100.

⁸ «Здесь мы встретили большой струг или лодку шедшую из Астрахани с 200 рабочими на ней. Русские не имея ветра в точности позади себя, не плывут на парусах, но в лодке заносят вперед на $\frac{1}{4}$ мили пути один якорь за другим, и затем сто и более человек, становясь один за другим с помощью каната из лыка тащат судно против течения. При этом они не способны пройти в день более 2 миль. Такие струги имеют вид изображенный на рисунке. ввиду они плоски, могут поднять 400-500 пудов и большей частью нагружены солью, икрой и соленой рыбой» (Олеарий А. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906. С. 361-362. Рис. 1).

⁹ Суда названных типов известны по шведским документам, относящимся к Прибалтике и Северо-Западу, а также присутствуют в качестве вспомогательных в шведском флоте XVII в. (Sederlund С.-О. Ett fartyg byggt med syteknik. Stockholm. 1978).

¹⁰ Ibid.

¹¹ В 1703 г. на Волге на струге путешествует голландец К. де Бруин (Бруин К., де. Путешествие в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1978), в том же году струги присутствуют в «Описи кораблей» (Сорокин П.Е. Водные пути...), а в 1710-м принимают участие в осаде Выборга.

¹² «Этот корабль был построен Михаилом Кордессом с помощью русских плотников из сосновых досок, он был длиной в 120 футов, имел три мачты и плоское дно, он сидел в воде всего на 7 футов и имел 24 весла. Он был устроен преимущественно для плавания по Волге, чтобы мы имели возможность переходить через многочисленные песчаные перекаты и в случае если бы ветер оказался непопутным, могли обходиться бы и без парусов. Наверху, на корабле, в каютах и трюмах были устроены различные каморки... Мы хорошо снарядили корабль всякого рода зельем и снарядами, пушками для металлических и каменных ядер, гранатами и другим оружием» (Олеарий А. Описание путешествия в Московию. С. 256–357).

¹³ Шершов А. История военного кораблестроения. СПб., 1994. С. 202.

¹⁴ Sederlund С.-О. Ett fartyg byggt med syteknik. S. 78.

¹⁵ Ibid. S.75-76.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Боплан Г., де. Описание Украины. СПб., 1836.

¹⁸ Бруин К., де. Путешествие в Московию.

¹⁹ Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. С.152.

О ШУВАЛОВСКИХ ЕДИНОРОГАХ И ГРИБОВАЛЕВСКИХ ГАУБИЦАХ: ЗАМЕЧАНИЯ К КНИГЕ Ю. Ю. НЕНАХОВА «ВОЙНЫ И КАМПАНИИ ФРИДРИХА ВЕЛИКОГО»

Несколько месяцев назад в серии «Военно-историческая библиотека» минское издательство «Харвест» выпустило книгу Ю. Ю. Ненахова (Непомнящего) «Войны и кампании Фридриха Великого»¹. В книге подробно описаны походы и кампании прусского короля Фридриха II Великого (1712–1786), справедливо названного современниками и потомками одним из величайших полководцев мира. Издание снабжено большим количеством иллюстраций и карт.

Выход такой книги, пусть и научно-популярной, можно только приветствовать, учитывая, что на русском языке книг, посвященных военной деятельности и походам Фридриха, особенно вышедших в последние десятилетия, не так много². Книгу Ю. Ю. Ненахова отличают живой язык и стремление представить исследуемую тему с разных точек зрения, не основываясь лишь на стереотипах. Особый интерес для современного читателя представляют главы, посвященные описанию Силезских войн и характеристике армий крупнейших европейских государств к середине XVIII в.

Но, к сожалению, в ряде случаев автор допускает серьезные ошибки. В этой связи хотелось бы коснуться описания русской артиллерии кануна Семилетней войны, и в первую очередь таких орудий, как единороги. Здесь уместно привести длинную цитату из книги Ю. Ю. Ненахова: «В это же время (в середине 1750-х гг. – Е. Ю.)... Мартынов и Данилов приступили к разработке еще одного образца гаубицы «нового рода» с удлинненным стволом и конической зарядной камерой... Благодаря удлинненным (относительно других типов гаубиц) стволам «единороги» могли стрелять на дистанцию 3000 метров, а при возвышении ствола на 45 градусов почти вдвое дальше... Что же касается плотности, кучности огня и маневренности, «единороги» превосходили все другие гаубицы европейских армий до возникновения артсистем Грибовалая (конец столетия). Эта артсистема представляла собой гладкоствольную гаубицу с несколько удлинненным по сравнению со своими аналогами стволом, что позволяло при необходимости вести огонь как «по-пушечному» – прямой наводкой, так и «по-гаубичному» – навесной. Следует сказать, что восторги многих наших историков относительно «революционной» конструкции «единорогов» и их «долголетия» в российской артиллерии (якобы вплоть до наполеоновских войн, а в крепостной артиллерии аж до 1906 года!) лишены всякой почвы. Эти гаубицы практически не отличались от прусских или австрийских аналогов и существенно уступали появившимся вскоре гаубицам Грибовалая. «Единороги» были сняты с вооружения сразу после смерти П.И. Шувалова в 1762 году. Что касается «долголетия», то это объясняется совсем просто: при Екатерине, Павле и Александре «единорогами» по традиции называли все гаубицы, созданные на основе грибовалевской системы и уже не имевшие с шуваловскими ничего общего»³.

Теперь проанализируем вышеприведенные рассуждения Ю.Ю. Ненахова.

Во-первых, сравним конструкцию шуваловских единорогов, единорогов более позднего периода и грибовалевских гаубиц.

В том, что шуваловский единорог представляет собой длинную гаубицу с конической зарядной камерой, автор абсолютно прав⁴. Но то, что единороги, введенные при Шувалове, существенно отличались от более поздних образцов, абсолютно неверно. Действительно, уже в 1760-х гг. в конструкцию единорогов был внесен ряд изменений – стволы их были утяжелены и удлинены⁵. В 1805 г. со стволов были убраны все украшения, кроме фриз, а в 1838 г. убраны и фризы. Главный же признак единорогов – коническая зарядная камера – оставался неизменным и во 2-й половине XVIII в., и в 1-й половине XIX в. Только с 1838 г. казенная часть единорогов с наружи отливалась цилиндрической формы, как у пушек, чтобы уменьшить подпрыгивание орудий при выстреле. Так что единороги были на вооружении русской артиллерии не только до наполеоновских войн, но и гораздо позже, до 2-й половины XIX в.⁶

Теперь перейдем к грибовалевским гаубицам.

Нужно отметить, что они не имеют к единорогам абсолютно никакого отношения, ибо представляют собой *короткие гаубицы с длиной ствола 3 калибра с цилиндрической зарядной камерой*⁷. Таким образом, русские единороги и грибовалевские гаубицы представляют собой два разных типа гаубиц.

Кстати, различия между гаубицами и единорогами четко фиксируют русские артиллерийские учебники: «Единорогом называется орудие, несколько укороченное против пушек, имеющее коническую камеру... соединенную с каналом (ствола. – Е. Ю.)... непосредственно, т. е. без всякого уступа... Гаубица есть также камерное орудие, но она короче единорога и имеет камеру цилиндрическую... соединяющуюся с каналом... посредством округленного скала...»⁸.

Генерал-фельдцейхмейстер П.И. Шувалов.
Гравюра Г.Ф. Шмидта. 1760 г.

гов – около 30° ... Навесное действие единорогов было очень слабо; для этой цели стреляли уменьшенными зарядами при углах $16^\circ - 30^\circ$ ¹⁵. Учтем, что это – данные для орудий начала XIX в., более совершенной конструкции и стреляющих более сильным порохом, чем орудия середины XVIII в. Нужно также иметь в виду, что стрельба из орудий с полевыми лафетами под большими углами возвышения разрушающе действовала на лафеты¹⁶.

Здесь налицо ошибка многих авторов, пишущих о гладкостенной дульнозарядной артиллерии – подход к старинным орудиям с точки зрения современных определений, что в первую очередь касается гаубиц и пушек. Отсюда и у Ю.Ю. Ненахова стрельба «по-пушечному» – прямой наводкой, и «по-гаубичному» – навесной. Между тем орудия XVIII – 1-й половины XIX в. различались в первую очередь не длиной ствола и углами возвышения при стрельбе, а используемыми боеприпасами¹⁷. А делать упор на углы возвышения, как было показано выше, неверно. Один из немногих, кто хоть отчасти смог разобраться в этой проблеме – А. Б. Широкопад, отметивший: «Угол возвышения на одинорожных станках не превышал $+20 - 25^\circ$. Поэтому о классической навесной стрельбе говорить не приходилось»¹⁸. Таким образом, повторим: стрельба и из пушек, и из гаубиц, и из единорогов велась под небольшими углами возвышения, и главная разница заключалась в используемых боеприпасах, в первую очередь – ядрах или гранатах.

В заключение хотелось бы отметить, что изучение «донарезной» артиллерии (как, впрочем, и артиллерии других эпох) может дать продуктивные результаты в первую очередь при хорошем знании материальной части и боеприпасов. А этого можно добиться, в первую очередь, опираясь на артиллерийские учебники и руководства того периода. Ибо за кажущейся простотой конструкции и эксплуатации старинных орудий кроется немало сложностей, изучение которых – чрезвычайно интересный и увлекательный процесс.

Что же касается снятия единорогов с вооружения «сразу после смерти Шувалова», то в этом случае Ю. Ю. Ненахов, видимо, просто перепутал единороги с «секретными» гаубицами, действительно выведенными из употребления вскоре после Семилетней войны⁹. Причем интересно, что в предыдущих перед приведенной цитатой абзацах Ю. Ю. Ненахов достаточно подробно описывает и устройство «секретных» гаубиц, и их недостатки¹⁰.

Неверным, таким образом, является и утверждение автора, что именно по образцу единорогов в Европе после Семилетней войны «... стали создавать так называемые «длинные гаубицы»»¹¹. Получается, что автор сам себе противоречит, то критикуя единороги (правда, путая их при этом с «секретными» гаубицами), то хвалит их боевые качества.

Совершенно фантастическими, на наш взгляд, являются и приведенные Ю. Ю. Ненаховым данные о дальности стрельбы «шуваловских» единорогов – от 3 до 6 тысяч метров. Подобными дальностями стали обладать лишь нарезные казнозарядные орудия обр. 1867 – 1877 гг.¹² Максимальная же дальность стрельбы полевых единорогов 1760-х гг. составляла, в зависимости от калибра, от 1000 до 2200 м¹³. А практическая дальность стрельбы полевых орудий и в первой четверти XIX в. не превышала 500 сажень (несколько более 1000 м)¹⁴.

Более того, единороги, да и другие орудия, кроме мортир, никогда не стреляли при угле возвышения в 45 градусов, как пишет Ю. Ю. Ненахов. «Наибольший угол возвышения наших пушек был около 20° (у 6-фн. легких – 28)... Наибольший угол единорогов

¹ Ненахов Ю. Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. Минск, 2000 (Военно-историческая библиотека).

² Наполсон И. Записки Наполеона о походах Тюренна и Фридриха II. М., 1836; Конн А. Ф. История Фридриха Великого. СПб., 1844; М., 1863; М., 1997; Ростов-на-Дону, 1997; Архенгольд И.-В. История Семилетней войны. М., 1841; Киев, 1901; М., 2001; Всеобщая военная история новых времен / Под ред. Н. С. Голицына. Ч. III. СПб., 1874; Сухотин Н. Н. Фридрих Великий: Лекции по истории военного искусства. СПб., 1882; Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1-3. М., 1886-1891; Фибих Д. Семилетняя война: 1756 – 1763. М., 1940; Коробков М. Н. Семилетняя война. М., 1940; Семилетняя война: Материалы о действиях русской армии и флота в 1756-1762 гг. М., 1948; Кретицин Г. В. Под Российской короной, или Русские в Кенигсберге: 1758-1762. Калининград, 1996.

³ Ненахов Ю. Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 220-221.

⁴ Козловский Д. Е. История материальной части артиллерии. М., 1946. С. 80.

⁵ История отечественной артиллерии. Т. I. Кн. 2. С. 189.

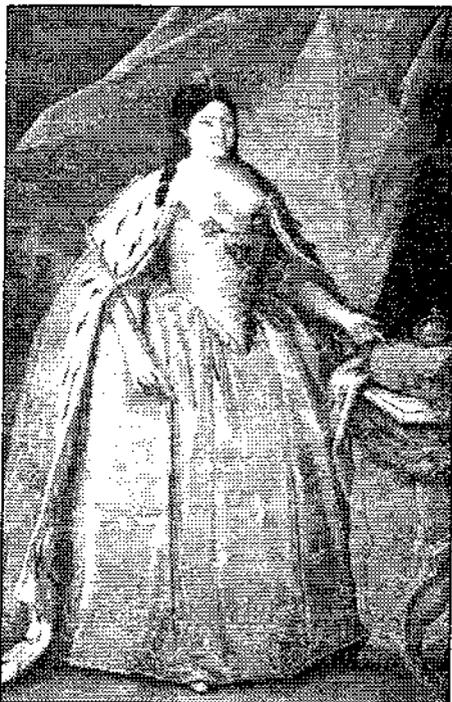
⁶ Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год // Артиллерийский журнал. 1852. № 5; Козловский Д. Е. История материальной части артиллерии. С. 89-91; Отечественная артиллерия: 600 лет / Под ред. маршала артиллерии Г. Е. Перельского. М., 1986. С. 20-21; Смирнов А. А. «Аракчеевская» артиллерия: Русская полевая артиллерия системы 1805 года. М.: Рейтар, 1998. С. 10-11.

- ⁷ Маркевич А. И. Руководство к артиллерийскому искусству. Т. I. СПб., 1820. С. 462–463. Эгерштром Н. Ф. Записки истории артиллерии младшего класса Михайловской Артиллерийской Академии 1871–1872 г. [Б. м.], [Б. г.], С. 165; Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 165.
- ⁸ Вессель Е. Х. Начальные основания артиллерийского искусства. СПб., 1831. С. 54.
- ⁹ Козловский Д. Е. История материальной части артиллерии. С. 82; Широкоград А. Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. М., 2000. С. 34.
- ¹⁰ Ненахов Ю. Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 220.
- ¹¹ Там же. С. 223.
- ¹² Козловский Д. Е. История материальной части артиллерии. С. 175, 229.
- ¹³ История отечественной артиллерии. Т. I. Кн. 2. С. 192.
- ¹⁴ Артиллерийские записки для нижних чинов. СПб., 1822. С. 3.
- ¹⁵ Нилус А. А. История материальной части артиллерии. Т. II: История материальной части полевой артиллерии XIX века. СПб., 1904. С. 27.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Артиллерийские записки для нижних чинов. СПб., 1822. С. 1.
- ¹⁸ Широкоград А. Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. С. 47.

ВОЙНА ЗА ПОЛЬСКОЕ НАСЛЕДСТВО И ПЕРВАЯ «ВЫГОНКА» ВЕТКИ

1. В феврале 1735 г., перейдя границу, на территорию Речи Посполитой вступили пять полков во главе с полковником Я.Г. Сыгиным. В первый день апреля они окружили крупнейший за рубежом старообрядческий центр, слободу Ветку и соседние с ней, и вошли в них¹. Началась первая «выгонка» Ветки – военно-полицейская операция, одним из итогов которой явилось принудительное возвращение в Россию десятков тысяч беглых, в основном и составлявших население слобод.

В историографии данные события рассматривались преимущественно в контексте истории старообрядчества и однозначной интерпретации не получили. Задача настоящего сообщения – этот контекст расширить, вписав материал в «большую» историю. Полагаясь, это позволит интерпретировать факты более обоснованно и убедительно.

Бухгольц Г. Портрет императрицы
Анны Иоанновны.
Последняя треть XVIII в.

2. Перед нами эпизод, хронологически и территориально вплетенный в историю войны за польское наследство.

Эта не пользующаяся особым вниманием историков небогатая эффектными сражениями война началась 31 июля 1733 г., когда корпус под командованием ливонского губернатора генерал-аншефа П.П. Ласси перешел в Ливонии русскую границу и двинулся через Курляндию в Литву. Россия решительно вмешалась в волновавший Европу вопрос, кому – экс-королю Станиславу Лещинскому или саксонскому курфюрсту Фридриху Августу – предстоит занять польский престол, освобожденный после Августа II.

Расколовшейся шляхтой были избраны оба претендента: сначала (12 сентября 1733 г.) продвигаемый Францией Станислав, а вскоре предпочтенный Россией и Австрией Фридрих Август, в начале 1734 г. коронованный в Кракове под именем Августа III. Напуганный русскими штыками, Станислав укрылся в Гданьске (Данциге). В конце июня 1734 г., не выдержав проведенной Б.-Х. Минихом 135-дневной осады, крепость капитулировала, чем закончился «первый акт» борьбы за польский престол.

После Гданьска российские войска, по выражению С.М. Соловьева, «беспрепятственно били» приверженцев Станислава. Последние воевали не столько с русскими, сколько друг с другом, опустошая земли противников. Поляки, по заключению историка, «вредили русским войскам только тем, что утомляли их бесполезными переходами»²

В апреле 1735 г. в Польшу (в Варшаву) вторично приехал Миних. Соловьев главную цель его прибытия усматривал в завершении «успокоения Польши»³. Между тем сын Миниха Эрнст отмечал, что поездка предпринималась «не столько для прекращения тамошних беспокойств,

сколько для распоряжения войсками к выступлению из Польши, где пребывание их было уже не нужно»⁴. Забот с ними было, вероятно, немало: по свидетельству самого фельдмаршала, численность рассредоточенной по Польше и Литве российской армии, включая нерегулярные войска, достигала 90 тысяч человек⁵. «Успокоением» и «распоряжением» Миних занимался до получения за неделю до конца июля приказа: оставив в Польше 40 тысяч войска, возвращаться в Россию ради новой войны, теперь уже с Турцией.

Второй крупный военачальник – начинавший кампанию П.П. Ласси (без пяти минут фельдмаршал) – также покинул Польшу: 8 июня 1735 г. с 20-тысячным корпусом отбыл в поход в Силезию.

Военные действия шли сравнительно вяло, тем не менее поведение войск возбуждало жалобы. Некоторые были изложены в мемориале, поданном Миниху в Литве. Помимо прочего встречаем здесь и претензии к организации сыска беглых крестьян, проходившего, по словам местных жителей, «насилованным образом», сопровождавшегося разорением и обидами. Жалобщики просили вести его с участием особой, включающей обе стороны, комиссии⁶.

Итак, помимо проталкивания выгодного кандидата на престол, русские еще и разыскивали беглых.

3. По одной из представленных в литературе версий, причиной первой выгонки Ветки явилось присутствие в ней Епифания, киевского монаха, подлогом посвященного в сан чигиринского епископа. Он был арестован, но старообрядцы помогли ему бежать и привезли в Ветку, где стал посвящать старообрядцев в священники и диаконы⁷. Версия звучит правдоподобно: появление епископа у давно озабоченных восстановлением у себя полной иерархии старообрядцев-поповцев было для них событием исключительного значения. В целях борьбы с ними деятельность Епифания следовало пресечь. Но являлся ли интерес церковный в этой истории определяющим?

У П.И. Мельникова, которого трудно заподозрить в недооценке конфессионального фактора, иная мотивировка событий⁸. Он полагает, что правительство «озаботилось не столько о «колоднике Епифании, скраденном воровскими людьми в Коломинском лесу», не столько о том, что у старообрядцев явился, наконец, давно желанный ими архиерей, сколько о зарубежных раскольнических поселениях»⁹.

Эти поселения, Ветка в их числе, сложились из бежавших за границу российских подданных. По некоторым данным, за десять лет правления императрицы Анны Иоанновны в Речь Посполитую перешло до 250 тысяч человек¹⁰. (Бежали и из введенных в нее войск. Читаем об этом, в частности, в депешах марширующего в Силезию Ласси: в первые же дни, сообщает он, бежало до 20 человек, пойманные были казнены, тем не менее при вступлении в Богемию бежало еще 20¹¹.)

Особенно массовыми были побеги старообрядцев. Но следовало ли государству бороться за их удержание в империи? Чем дальше уходили «заблудшие овцы», тем меньше они «портили» остальных. Самоизгнание тормозило распространение их взглядов, что церкви, с ними борющейся, объективно было на руку.

Церкви, но не светской власти, исходившей из других приоритетов. Большинство бежавших были представителями городского посада и крепостными крестьянами. Уходивший в бега, во-первых, терялся в качестве объекта фискального обложения, во-вторых, нередко утрачивался в качестве лица, владевшего навыком, мастерством.

По поводу первого отметим, что старообрядцы для казны представляли особый интерес уже потому, что платили удвоенный подушный оклад. Их жизнь, кроме того, была опутана рядом запретов (на ношение бороды, фасон платья и др.), за нарушение которых грозили немалые штрафы. Оставшийся в пределах досягаемости старообрядец пополнял казну минимум за двоих, беглый же оставлял ее ни с чем.

Осуществлявшая догоняющую модернизацию в условиях снижавшейся (при Петре I) численности населения, страна тяжело переживала и потерю людей, владевших ремеслами. Отсюда и столь широкое в годы Северной войны использование труда пленных. Когда в июле 1734 г. появились новые пленные – французы, захваченные под Гданьском, несмотря на обещание немедленного отпуска, их также задержали. К ним в лагерь (в Колорье) был послан особый агент, уполномоченный склонять их к побегам и эти побеги для них облегчать. Создатели плана надеялись, что кто-то, уступив искусу поскорее вырваться на свободу, в конечном счете, застрянет в России¹². Но иностранцы в ней закреплялись плохо, тогда как поток россиян, стремившихся за границу, не иссякал.

Уходившие за рубеж старообрядцы селились, как правило, вместе со «своими»: компактными поселениями близ Гомеля (ветковские слободы), в Киевском воеводстве, на Волыни, в Подолии, Бессарабии, Молдавии. В районе основанной в XVII в. Ветки, проживало свыше 40 тысяч российских подданных¹³. Возвращение этого населения представлялось исключительно важным.

Сказанное позволяет решительно присоединиться к мнению П.И. Мельникова, полагавшего, что «не столько политические, сколько экономические соображения побудили русское правительство внимательнее заняться этим (ветковским. – И.Ю.) делом»¹⁴.

4. П.И. Мельников обращает внимание на предварявшие выгонку попытки правительства вернуть самовольно ушедших: указы 1733 и 1734 гг., объявившие беглецам милость и приглашавшие назад в Россию¹⁵. Но ими дело не исчерпывалось.

Силовая модель решения проблемы была реализована лишь через полтора года после ввода войск. Вначале (в указах от 17 января, 16 марта, манифесте от 11 июня 1734 г.) беглых выманивали обещанием «генерального» прощения и помощи при возвращении. Были и угрозы, но они носили общий характер («буде же кто... в Россию не выдут, ...такие... жестоко наказаны будут»¹⁶), со временем, впрочем, конкретизировавшийся («для сыску и взятъя оных, где бы кто ни был, по прошествии... срока, посланы будут нарочные от полков наших, с которыми поступлено будет по... указам, без всякия пощады»¹⁷).

Особое место в подготовке выгонки занимает утвержденный императрицей доклад Кабинета от 31 июля 1734 г.¹⁸ Надеяться, отмечено в нем, что беглецы из Польши возвратятся добровольно, не приходится, поскольку вернулось их мало. Не изволит ли императрица повелеть при возвращении войска выслать беглых силой? В докладе предложено:

Командирам при войске о беглецах разведывать, где и у кого они обретаются. Соблюдать крайнюю осторожность, чтобы «онные о том не могли дознаться и в другия места разойтися». Высылку провести при выводе войск «во всех местах вдруг», стремясь не пустить никого «внутри в Польшу и к турецкой границе, где и невозвратно остаться могут». Предварительно, секретно договорившись, командирам развести полки по трактам, «где наибольше по их разведанию те... обретаютца». Беглецов захватывать «со всем их имением» и вести к границам, «кому куда способнее, а именно: которые пойдут из Литвы, тем к Риге и к Смоленску, ...а с Волыни к Киеву».

Карикатуры на старообрядцев.
Вторая половина XVIII в.

Беглых, живущих на Волини и «по ту сторону» Киева, за Днепром, забрать корпусу, находящемуся на Волини.

Особый пункт посвящен ветковским слободам, насчитывавшим несколько тысяч дворов. Поскольку наличные войска находились от них далеко, для захвата их жителей предлагалось отправить особую команду, для чего генералу Вейсбаху послать роспись «о тех жилищах» и указ готовиться. Полкам приближаться так, чтобы места, где живут беглецы, окружены были одновременно. Жителей забрать и вывести в Россию, жилища разорить, дабы поселение не возобновилось.

По приводе в Россию всех переписать, установив принадлежность, местожительство и время побег. До указа держать их в городах в крепком смотрении; при чрезмерном числе разводить по соседним городам. Смотреть, чтоб были взяты с женами, детьми, с пожитками, скотом, хлебом, сколько на лошадях поднять будет можно. Командующим подтвердить, чтоб никто не дерзнул под опасением смертной казни в их пожитках разорения

чинить и брать с них взятки - напрогив, всемерно их охранять и не допускать обид. В России велеть им кормиться привезенным с собой хлебом, если же его не хватит, давать из магазинов месячину на семью по осмине (у кого дети - с прибавкой). Для пропитания беглецов в порубежных городах, где нет запасных магазинов, заготовить заранее провиант. Каким образом его распределять, дабы исправно до них доходило и воровства не было, отправить указы.

Внимание к продовольствованию переселенцев, полагаем, не случайно. Быстро собрать продукты питания и суметь сохранить их было непросто. Трудности усугубляло и то, что 1734 г. был неурожайным, население обеднело, умножились разбойничьи шайки¹⁹.

Разгром Ветки должен был стать первой крупной акцией по реализации проекта 1734 года. Опора на специально перебрасываемый в Польшу отряд позволяла ее «учинить... и не обождав... как все войска из Польши выходить будут»²⁰. Так и вышло: выгонка была осуществлена в апреле 1735 г.

Зная о ситуации в Польше и о двойственном восприятии поляками русских, можно представить их отношение к событиям в Ветке. П.В. Долгоруков следующими словами характеризует польскую реакцию на действия войск, переселявших ветковских жителей: «Сейм был возмущен и протестовал против такого нарушения прав, но магнаты, купленные денежными субсидиями и орденами, предложенными русским правительством, сумели потушить этот международный инцидент»²¹.

5. Переселение беглых на места прежнего проживания - акция, размахом сравнимая с их сыском и задержанием. Ей посвящена наша статья²², поэтому ограничимся минимумом материала, заимствовав его из документов Государственного архива Тульской области (ГАТО).

Тула ничем среди других городов в данном случае не выделяется, но через нее проходил маршрут (Белгород - Курск - Орел - Миценск - Чернь - Тула - Серпухов и далее), по которому в 1734-1735 гг. пропускали партии беглых, направлявшиеся с Украины к Москве и Петербургу. В именных реестрах этих партий встречаем жителей Серпухова, Ростова, Вологды, Москвы, Алексина, Одоева, Каширы, Коломны²³. В списках упоминается о назначенной переселенцам норме провианта. Скорее всего его выдавали в начале пути - сведения о выдаче на маршруте не встречены. Путешествие было тяжелым, для кого-то превышающим силы, - в документах встречаются пометы о смертях. Численность партий была различной. Реестр одной из них, в основном из жителей Московской губернии, прибывших в Тулу в октябре 1735 г., занимал 26 страниц. Были и совсем маленькие группы, подобные приведенным в том же месяце четырем жителям Суздальского, Костромского и Серпуховского уездов²⁴.

При конвоировании придерживались правил, выработанных в докладе от 11 июля 1734 г. Позднее появились несколько указов (именной от 2 августа 1734 г. и сенатский от 18 февраля 1735-го), детализировавших процедуру. Организацией доставки до следующего города занималась администрация города предшествующего - в Тулу, например, переселенцы прибывали в сопровождении чернских влад, покидали ее с солдатами тульскими. На следующий день встали стараться их задерживать (в том числе и из-за проблем с охраной) - отправляли дальше уже на следующий день²⁵.

6. Подведем итоги. Война за польское наследство дала российскому правительству уникальный шанс осуществить массовую облаву на беглых, десятилетиями живших в приграничной зоне за польским рубежом. Не помешай война, развитие этого выдающегося центра старообрядцев-поповцев продолжилось бы. Не исключено, что здесь закрепилась бы епископская линия, начатая Епифанием, и проблема (восстановление иерархии в полноте трех священных чинов), которую поповцам удалось решить только в 1846 г. с присоединением к ним в Белой Кринице босно-сараевского митрополита Амвросия, была бы решена раньше. И случилось бы это в период,

когда времени с момента раскола Российской православной церкви прошло значительно (на столетие!) меньше, и процесс дробления старообрядчества на согласия не зашел еще так далеко, как к 40-х гг. XIX в. Это позволяло надеяться на консолидацию некоторых не далеко разошедшихся толков на базе признания иерархии, устанавливавшейся в Ветке.

Вместе с тем, если бы не война и реализованная благодаря ей выгонка из-за рубежа тысяч старообрядцев, не было бы их путешествий по дорогам России, открывавших возможности для пропаганды учения. Зная, как охранялись партии, можно утверждать, что общение в дороге старообрядцев с местным населением никого не волновало. Охрана думала только о том, как довести партию до следующего города и там от нее освободиться. Между тем во время остановок старообрядцы вели небезуспешную просветительскую работу²⁶.

Важно и то, что после запрещения им селиться на Украине, интернированные староверы были рассеяны по всей России – выведены «на прежние жилища» или в Ингерманландию, если жилищ не помнили²⁷. В Тульскую провинцию, например, их прибыло более 100 человек²⁸. Конечно, там, где они оседали, со старообрядчеством боролись или, во всяком случае, должны были бороться. И все же, вернув в страну благодаря едва ли не самой блистательной операции этой войны множество налогоплательщиков, вместе с ними государство получило и великое множество новых очагов социальной напряженности. В полной мере этого, кажется, так никто и не осознал.

¹ Мельников П.И. Очерки поповщины // Полн. собр. соч. П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Т. 13. СПб., М., 1898. С. 117.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 20 // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 10. М. 1993. С. 363-364.

³ Там же. С. 364.

⁴ Миних Э. Записки // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов». Л., 1991. С. 121.

⁵ Миних Б.Х. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов». Л., 1991. С. 52.

⁶ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 365.

⁷ Киркор А.К. Поселения в Белорусском полесье // Живописная Россия. Литовское и Белорусское полесье. Репр. воспроизв. издания 1882 г. Минск, 1994. С. 428.

⁸ Мельников П.И. Указ. соч. С. 116-117.

⁹ Мельников П.И. Указ. соч. С. 116.

¹⁰ Долгоруков П.В. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. М., 1997. С. 106.

¹¹ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 366.

¹² Там же. С. 351.

¹³ Мельников П.И. Указ. соч. С. 116.

¹⁴ Там же. С. 116.

¹⁵ Там же. С. 116-117.

¹⁶ ПСЗ I. Т. 9. СПб., 1830. № 6534. С. 256.

¹⁷ Там же. № 6586. С. 351.

¹⁸ Там же. № 6609. С. 380-383.

¹⁹ Костомаров Н.И. Императрица Анна Ивановна и ее царствование // Окно в Европу: Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. М., 1996. С. 469.

²⁰ ПСЗ I. Т. 9. № 6609. С. 382.

²¹ Долгоруков П.В. Указ. соч. С. 107.

²² Юркин И.Н. «От города до города на прежних жилища» («Выгонки» беглых из-за польской границы в 30-х годах XVIII века и распространение старообрядчества) // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 8. М., 2000. С. 29-32.

²³ ГАТО. Ф. 55. Оп. I. Д. 3544. Л. 4-5.

²⁴ Там же. Л. 17-29 об., 33-36.

²⁵ Там же. Л. 7, 7а.

²⁶ Юркин И.Н. Связи Тулы со старообрядческими центрами в первой пол. XVIII в. // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М., 1998. С. 147.

²⁷ ПСЗ I. Т. 9. № 6802. С. 571-575.

²⁸ Юркин И.Н. «От города до города...». С. 31.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Мацук Андрей Владимирович** – аспирант Института истории АН Белоруссии (Минск).
- Наумов Виктор Петрович** – кандидат исторических наук, ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации.
- Перовский Евгений Павлович** – старший научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга.
- Савченко Дмитрий Александрович** – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры Института ППКС ФСБ России (Новосибирск).
- Серов Дмитрий Олегович** – кандидат исторических наук, доцент Новосибирской государственной академии экономики и управления.
- Славнитский Николай Равильевич** – старший научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга.
- Семенов Сергей Владимирович** – кандидат архитектуры, генеральный директор Института исследований Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона.
- Соловьева Татьяна Борисовна** – кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов.
- Табарев Андрей Владимирович** – кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.
- Талалай Михаил Григорьевич** – кандидат исторических наук.
- Шмелев Кирилл Владимирович** – аспирант Института истории материальной культуры РАН, экскурсовод Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.
- Филюшкин Александр Ильич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.
- Юркевич Евгений Иванович** – младший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.
- Юркин Игорь Николаевич** – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и культурологии Тульского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.В. Мацук.</i> Война за «польское наследство» и образование «русской» партии в Великом Княжестве Литовском	3
<i>В.П. Наумов.</i> Записки инженер-генерал-поручика Ильи Александровича Бибикова о русско-шведской войне 1741–1743 гг.	8
<i>Е.П. Перовский.</i> Морская защита Санкт-Петербурга во время русско-шведской войны 1741–1743 гг.	12
<i>Д.А. Савченко.</i> Государственные преступления по военно-уголовному законодательству Петра I	16
<i>С.В. Семенов.</i> Санктпетербургская крепость, Кронверк и развитие Санктпетербургского острова в 1703–1761 гг.	22
<i>Д.О. Серов.</i> Из истории военной юстиции петровского времени: процесс Н.Т. Ржевского (1710–1714)	41
<i>Д.О. Серов.</i> Прутский поход 1711 г.: аспекты несостоявшейся катастрофы	44
<i>Н.Р. Славнитский.</i> Осада и взятие шведской крепости Нотебург (Орешек) русскими войсками в 1702 г.	52
<i>Т.Б. Соловьева.</i> Новые сведения о Корнелии Ивановиче Крюйсе (по письмам К.И. Крюйса А.Д. Меншикову)	56
<i>А.В. Табарев.</i> Трофеи и пленники (комплекс боевых традиций североамериканских индейцев племенами европейцев и его эволюция в XVII–XVIII вв.)	59
<i>М. Г. Талалай.</i> Франческо Альгаротти: итальянский наблюдатель	62
<i>А.И. Филюшкин.</i> Войны Российской империи и борьба с государственной изменой и иностранным шпионажем в первой половине XVIII в.	69
<i>К.В. Шмелев.</i> Казаки на Балтике и русско-шведская война 1656 – 1658 гг.	74
<i>Е.И. Юркевич.</i> О шуваловских единорогах и грибовалевских гаубицах: Замечания к книге Ю. Ю. Ненахова «Войны и кампании Фридриха Великого»	77
<i>И.Н. Юркин.</i> Война за польское наследство и первая «выгонка» Ветки	80
<i>Сведения об авторах</i>	84

Всероссийская научная конференция
КРОВЬ. ПОРОХ. ЛАВРЫ.
ВОЙНЫ РОССИИ В ЭПОХУ БАРОККО
(1700–1762)

Сборник материалов
Выпуск второй

Адрес: Санкт-Петербург, Александровский парк, 7
Верстка – О.Е. Цирценс

Отпечатано в ЦОП ГУ ВИМАИВиВС
Санкт-Петербург, Александровский парк, 7.
Тел./факс: (812) 238-07-04
Лицензия ПД № 2-69-528

Подписано в печать 21.08.02. Формат 60х90/8
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman Cyr.
Тираж 200 экз. Зак. № 98.